

КЪ СВЪТУ

ВСАКЪ ВЪРЪАЙ ВЪ МА, ВО ТМЪ НЕ ПРЕБЪДЕТЪ (ЮАН. 12.46)

ТАРЕЦ АЛЕКСИЙ

И

ЗОСИМОВА ПУСТЫНЬ

«Дабы град мой во веки был цел»

Преподобный Сергей был святой в XIV веке, о. Алексей Зосимовский в XX веке. В Церкви всегда есть святые.

...В начале войны немцы были недалеко от Сергиева Посада. После ночной смены на заводе одна жительница этого города шла домой. Это было как раз в день Преп. Сергия. Солнце только поднималось, освещая траву, цветы. Но ни цветы ни солнце не замечались от великого страха перед приближением фронта: в доме у этой женщины были маленькие дети. И вот ее встречает незнакомая женщина, они идут вместе, и незнакомая ей говорит: «Ничего не бойтесь. Мы под защитой Преподобного. Он сказал, что «град его будет во веки цел». А чтобы вам это было понятно, я расскажу. В 20-х годах здесь жил Зосимовский старец о. Алексей. Здесь он и умер в конце 20-х годов. Когда начали открывать мощи, старец очень страдал об этом и много молился, недоумевая — почему Господь попускает такому делу? Однажды вечером, когда он встал на молитву, рядом с ним стал Преподобный и сказал: «Молись три дня и постись, а после этого я скажу тебе то, что нужно». В следующие два дня, когда о. Алексей вставал на молитву, снова вставал с ним рядом Преп. Сергей. О. Алексей эти дни питался просфорой. На третий день Преподобный сказал: «Когда подвергаются такому испытанию живые люди, то необходимо, чтобы этому подвергались и останки людей умерших. Я сам отдал тело свое, дабы град мой во веки был цел»* И тогда, — добавила рассказчица, — думали, что это о сыпном тифе, который в те годы свирепствовал, а вот теперь поняли, о чем он говорил».

Женщина, выслушавшая этот рассказ, пришла к своему дому, еще спящему, села на крыльцо — потрясенная и упокоенная, и тут впервые за это утро увидела и цветы и солнце.

Сергей ФУДЕЛЬ

* Замечательно, что после закрытия Лавры для духовной поддержки братии Зосимовой пустыни, по их просьбе, поддержанной Духовным Собором Лавры, и с благословения Святителем Тихоном туда в марте 1922 г. из Лаврской ризницы была передана часть св. мощей Преп. Сергия Радонежского. — *Ред.*

Издательство «Родник» выпускает двухтомное собрание сочинений религиозно-философского писателя

Сергея Иосифовича Фуделя (1900—1977) — единственное разрешенное к изданию его сыном.

КАК ПРОЕХАТЬ В ЗОСИМОВУ ПУСТЫНЬ

На Ярославском вокзале (г. Москва) садитесь в последний вагон электрички, едущей в г. Александров

Через два часа станция Арсаки. Идем к концу платформы. Слева, перпендикулярно железнодорожному полотну, асфальтовая дорога. Идем по ней, мимо школы и поселка, в лес.

Тридцать минут ходьбы и перед вами вырастут монастырские стены из темно-красного кирпича.

Помочь возрождающейся обители можно, перечислив деньги на расчетный счет монастыря №000701007 в Алекскомбанке г. Александрова Владимирской области, МФО 109020. Получатель: Свято-Смоленско-Зосимова мужская пустынь.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Епископ Серафим (Чичагов)</i> «Северная Оптина».....	1
Схимонах Зосима Блаженный Филиппушка «Для проглатывания имени Божия...» Окончательное устройство Святые обители Праздники Зосимовой пустыни	
<i>Сергей Фудель</i> «В крепкой ладе».....	9
<i>Архиеп. Арсений (Жадановский)</i> Строитель Зосимовой пустыни схимигумен Герман.....	11
<i>Митроп. Вениамин (Федченков)</i> Грибное послушание.....	28
«Я почерпаю у вас спокойствие».....	32
<i>Протоиерей Сергей Боскин</i> Старец Алексей Зосимовский.....	34
Родители. Детство. Семинария Диаконство Пресвитерство Путь в обитель Монашество	
На исповеди.....	41
<i>Архиеп. Арсений (Жадановский)</i> Затворник Зосимовский.....	46
Поучения старца Алексея.....	48
<i>Евгения Четверухина</i> Из воспоминаний.....	52
Затвор Всероссийский Собор «Ты помни одно, что ты христианка»	
<i>Серафим Четверухин</i> Приезд.....	56
<i>Митроп. Евлогий (Георгиевский)</i> Выборы Патриарха.....	56
<i>Монахиня Варвара (Цветкова)</i> «Не погибла Россия...»	57
<i>Мария Голубцова</i> Тогда еще не загасили лампы.....	62
Свидетельства о случаях прозорливости и молитвенной помощи о. Алексея.....	64
<i>Протоиерей Сергей Боскин</i> Последние годы.....	70
Насельник Святой веси.....	72
<i>Юрий Куликов</i> «Главное у них — любовь!».....	73

На вкладке:

Молитвы старца Алексея Зосимовского

Библиотека «К Свету» №2
Доброе слово новонаначальному послушнику

Сергей Бехтеев

Стихи

На 1-й стр. обложки

Старец Алексей Зосимовский

Адрес для писем:

129110, Москва, И-110, а/я 26

Рег. № 01881 от 11.12.1992

«СВЕРНАЯ ОПТИНА»

Со врагом спасения приходится бороться не только каждому христианину в отдельности, но и целым обществом, в особенности христианским общинам, святым обителям, если в них живет правда Божия, истина. Только сильною борьбою с врагом человечества святые обители добывают себе право существования. И как отдельные люди, так и целые общества могут доказать, что они служат истине, правде и Евангелию только скорбями, горями и тяжелыми испытаниями. Те летописи монастырей, которые полны рассказов о том, с какою быстротою возросли обители и как всегда благодествовали, или неправдивы, или, того хуже, доказывают, что их породили духом не служители правды Божией, не Богоносные отцы...

Среди дивной лесной природы, на живописном холме, на берегу небольшой речки Молохчи, стояла скромно и уединенно так называемая Зосимины, по народному выговору «Изосимины», пустынька; всюду тишина и безмолвие. Лишь торжественные звуки колокола, да щебетанье птиц нарушают царящее затишье... Пустынь расположена в 90 верстах от Троице-Сергиевой Лавры и в 3 1/2 верстах от станции «Арсаки».

Не без воли Божией, в неведомый для нас день, по всем соображениям в последней четверти XVII века, посетил эту пустошь некий старец Зосима, призываемый Богом к уединенной, отшельнической жизни. Понравились старцу местность, значительно удаленная от людского жилья, красивый хвойный вековой лес, извилистая речка и глубокая тишина. Он помолился Богу, испросил откровения Его святой воли и, познав в своем чистом сердце, что именно это место предназначено ему для подвижничества и пустынножительства, остался здесь навсегда. Он поставил тут деревянную часовню и келлию и начал вести безмолвную жизнь, руководствуясь в своих подвигах и лишениях примером подвижничества преп. Сергия, житие которого ему, как добродетельному иноку Свято-Троицкой Сергиевой обители, было хорошо известно не только по книгам, но и по преданиям. Келлиею его была тесная, малая изба, в углу которой помещалось все его богатство—несколько образов. Пни в лесу служили ему сидением и местом отдыха. Близ речки Молохчи он вырыл собственноручно себе колодезь, доставлявший ему прекрасную ключевую воду.

Старец Зосима был избранником Божиим. Жизнь в лесной пустоши, удаленной от человеческих взоров, не устраивается по произволу и разуму человеческому; она определяется по особому смотрению, призванию и откровению Божию. Блаженный подвижник был из числа тех людей, о которых св. апостол Павел говорит, что они скитались, терпя недостатки, скорби, озлобления, и весь мир не был достоин их (Евр. 11, 37-38). Мир сперва не понимает их, ибо не достоин их, но затем начинает ценить и ищет их в пустынях.

СХИМОНАХ ЗОСИМА

Зосима был из простолюдинов и, судя по существованию в Зосимовой пустыни образа Пресвятыя Богородицы Смоленския (Одигитрии), принадлежавшего, вероятно, самому старцу Зосиме, был родом из Смоленской области, где особенно чтится эта икона. Уже будучи схимонахом, он явился на указанную ему Господом, благословенную Ульянову пустошь, которая по писцовым книгам семнадцатого столетия значилась принадлежащею дворянскому роду Тимоновых и находилась во владении их до начала второй четверти прошлого столетия. Предание из уст боголюбивого старца Симеона гласит, что схимонах Зосима поселился не один, а с другим монахом Ионою, которого и называли впоследствии келейником старца. Оно и правдоподобно, потому что схимонах Зосима был уже немолодой человек; ему требовалась помощь и для постройки часовни, келлии и для хождения в ближайшие села за добытием хлеба.

Неизвестно, сколько лет провел схимонах Зосима в отшельничестве, пока открыл его мир, и народ стал стекаться к нему толпами за советами и наставлениями, но во всяком случае, слава его возросла не ранее, как за десять лет до смерти (в 1710-1713 году).

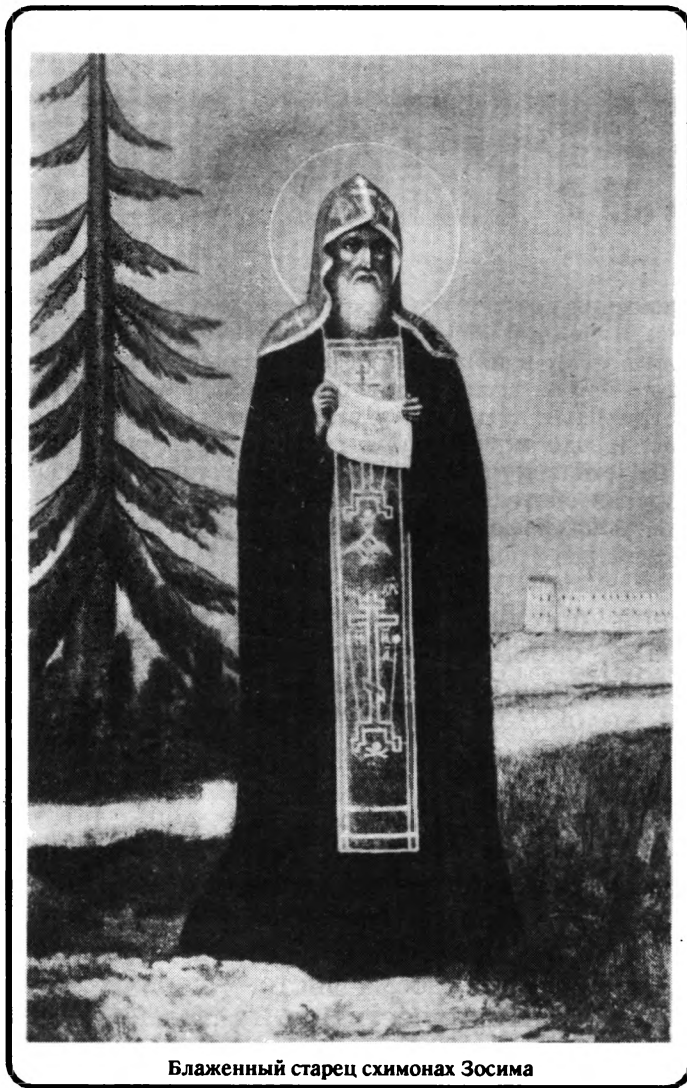
Следовательно, он жил в пустынке, неведомой никому, немного лет. <...>

Слава подвигов старца привлекала к нему не только желавших подражать ему и следовать за ним по избранному им пути жития иноческого, но даже и лиц Царской Фамилии. Приезжали знатные люди, вельможи и дворяне. Чтобы приезжим было удобнее молиться с старцем Зосимою, выстроили особую часовню, которую богомольцы разукрасили образа-

ми. Так около келлии отца Зосимы и устроенной им часовни мало-помалу собрались иноки, в числе которых предание называет Иону и Кирилла; в пустоши Ульяниной образовалось некое подобие пустынного общежития. Братия под руководством основателя пустыни, отца Зосимы, занималась пче-

сима с келейником по имени Иона. Полагать надобно, что это было в 1750-х годах, потому что отшельник Зосима славился своею жизнью и большим умом в царствование Императрицы Елизаветы Петровны, которая, как говорят, очень любила и уважала старца и постоянно его навещала, чтобы

пользоваться его советами, проездом чрез эту пустыню из Москвы в Александров к Великой Княгине, жившей тогда в Александровском девичьем монастыре». Согласно данным, изложенным у Н. Стромиллова, в царствование Петра Великого была заточена в Александровском монастыре его сестра, Царевна Марфа Алексеевна. К ней ездили сестры Мария и Феодосия. Александровская слобода досталась по завещанию Императрицы Екатерины I Елизавете Петровне, ездившей туда неоднократно и Цесаревной, и Императрицей. Придворный егермейстер и родственник по бабке, Симеон Кириллович Нарышкин, был сосед с Зосимовой пустыней. Архимандрит Леонид указывает, что владельцем пустыньки Ульяниной был тогда ключник хлебного двора Василий Тимонов, имевший по придворному чину доступ к Царевнам. Таким образом, вероятнее все-

Блаженный старец схимонах Зосима

ловодством.

Из Царской Фамилии, по указаниям одних, чтитла старца Елизавета Петровна, впоследствии Императрица Всероссийская, а другие исследователи указывают еще на сестру Петра Великого, Наталью Алексеевну. В рассказе боголюбивого Симеона Ермолаева говорится: «На том месте, где теперь находится часовня, был густой лес, в нем проводил из Троице-Сергиевой Лавры отшельническую жизнь старец схимонах Зо-

го, Царевна и Императрица Елизавета Петровна чаще других посещали старца Зосиму. Знали его и другие Царевны, ездившие в Александровский Успенский монастырь и жившие в этой обители, хотя Зосимова пустынька лежала не на прямом пути из Сергиевой Лавры в г. Александров, а в 2-3 верстах от большой дороги. Несомненно, что схимонах Зосима обладал великим и редким даром совета, так называемого старчества. Если Царская Фамилия, знатные

люди, вельможи, монахи и множество народа прибегали к его мудрым советам и наставлениям, то, следовательно, он был не только великим подвижником, усердным молитвенником, но и мудрым наставником. Предание говорит, что к нему народ собирался толпами; он с ними беседовал, как проповедник и учитель, имевший свою паству; ему были искренно и сердечно преданы все окрестные жители, почему и поныне крестьяне с такой любовью относятся к могиле схимонаха Зосимы. <...>

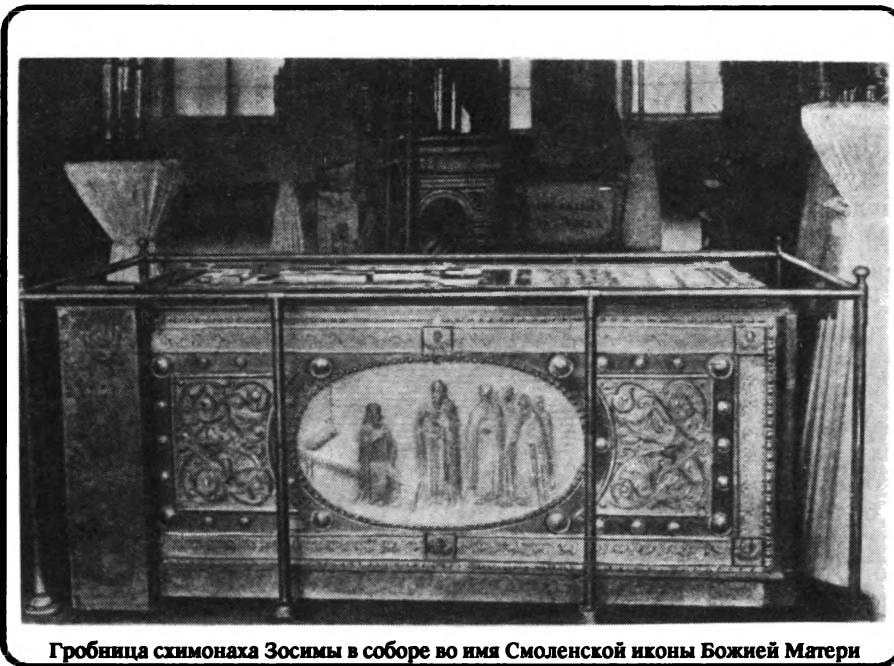
Водно из своих посещений Императрица Елизавета Петровна нашла старца Зосиму очень больным, сильно огорчилась и просила келейника его Иону дать ей знать в Москву в случае кончины пустытника Зосимы. «Я приеду к нему на погребение»,—сказала она. Вскоре после ее отъезда, в половине июня, старец скончался. Есть предание, будто бы он завещал похоронить его без всяких почестей, в случае же неисполнения его просьбы, он более ста лет не явится. Но известно, что сейчас же после его представления отправили гонца в Мос-

кву к Императрице Елизавете Петровне. Известие о кончине старца застало ее больной; она не могла приехать, но будто бы пожертвовала десять тысяч рублей (т. е. по тогдашнему курсу) на погребение и прислала Владимирского архиерея и певчих, чтобы похоронить его со всеми почестями. Три недели лежал усопший непохороненным и, несмотря на сильную жару, не изменился, не

сеевна скончалась в 1716 году, когда ближайшая Переяславль-Залесская епархия еще не была учреждена (учреждение ее относится уже к 1721 году), а Владимиро-Суздальская была далека по своему Стольному городу, естественнее всего предположить, говорит профессор Корсунский, что хоронил схимонаха Зосиму не Владимирский архиерей, а или Крутицкий, живший тогда в Москве, на

Крутицах, или, что еще вероятнее, Ростовский архиерей, как ближайший.

Если Великие Княгини приняли такое участие в похоронах блаженного старца, схимонаха Зосимы, и были огорчены потерей удивного молитвенника и мудрого наставника, то можно себе вообразить, как велико было горе народное, сколько приходило богомольцев в ча-

Гробница схимонаха Зосимы в соборе во имя Смоленской иконы Божией Матери

совню Ульянинской пустыни, чтобы проститься со старцем, лежавшим нетленно в гробу, на виду всех, в продолжение трех недель.

По неложному слову Писания, Господь не дал преподобному Своему видети ислечения (Деян. 2, 27; Пс. 15, 10).

В мае месяце 1860 года в Зосимову пустыньку пришли два монаха и обратились к сторожу часовни с просьбой указать им, где живет помещица, владеющая Ульяновской пустошью. «Дома ли помещица?»—спросили они и объяснили, что пришли по поручению блаженного Филиппушки Киновийского (или Филарета в монашеском пострижении) узнать, не продаст ли барыня ему три десятка земли с могилою схимонаха Зосимы? <...>

было ни малейшего запаха; могилу ископал он ранее сам себе и выложил кирпичем. Погребение, как передавали предки, было великолепное; народу стеклось очень много.

Это было, по исследованию летописцев, в 1710-1713 гг. и ввиду того, что Царевна Наталия Алек-

БЛАЖЕННЫЙ ФИЛИППУШКА

Блаженный Филиппушка был известен не только в Москве и соседних губерниях, но и в Петербурге и всей Царской Фамилли. Он был родом из крестьян Владимирской губернии, Вязниковского уезда, деревни Стряпковой, и назывался Филиппом Андреевичем Хоревым. После двух женитьб он имел трех сыновей, и до 1847 года скитался по всем святым местам и юродствовал Христа ради. В 1847 году его благословил пожить в Троицкой Лавре приснопамятный митрополит Московский Филарет.

Но немного пожил Филипп в Лавре. Душа его искала безмолвия и уединения, и он избрал себе жилье вблизи основанного митрополитом Филаретом Гефсиманского скита, в густой лесной чаще, за прудом, в полуразрушенной лесной сторожке. В ней-то и поселился он с благословения наместника Лавры, архимандрита Антония. Филиппушка думал вести здесь безмолвную подвижническую жизнь, но народ, почитая его за прозорливого старца, толпами стекался к нему. Тогда Филипп в

один прекрасный день пошел в Лавру и обратился к наместнику Антонию со словами: «Благослови меня, широкий (так звал он Антония), выкопать погреб». «Зачем же тебе понадобился погреб?»—удивился наместник. «Ну ж, ты только благослови, погребок нам нужен». «Ну, Бог благословит, копай!»—ответил наместник.

Филипп по возвращении в пустыньку стал копать с своим послушником Митрофаном пещеры, которые и приобрели впоследствии такую известность. Тогда около Филиппа стали собираться монашествующие, ищущие безмолвия и уединения. Через три года явились к Филиппу и двое его сыновей: Игнатий и Василий, а затем, еще через год, пришел и третий сын Порфирий, все они стали жить в пещерах, ископанных собственноручно. Каждая пещера имела не более сажени в ширину и длину, печей не было. Эта жизнь, пощение, пещерный сырой воздух, ношение вериг и тяжелого посоха—пошатнули здоровье Филиппа, и наместник Антоний постриг его в монашество с именем Филарета, в честь его благодетеля и наставника митрополита Филарета. Однако подвижнику пришлось недолго пожить в пещерах, ископанных его трудами, по стараниям клеветников и завистников. Пещерники выражали неудовольствие, что к старцу ходит много народа и нарушают их безмолвие. Скитская братия также восстала на Филарета, и наместник Антоний посоветовал старцу оставить пещеры. Так он и ушел смиренно из своего владения, взяв с собой и сыновей. Это было первое изгнание его ради правды.

Живя в Лавре и обходя леса, он вновь остановился мыслями на прекрасном месте недалеко от пещер, где скитский пруд разделяется на два залива узким мысом пригорка, здесь-то отец Филарет и решил поселиться с своими сыновьями.

Наместник Лавры распорядился построить ему небольшую келейку на берегу пруда, близ мостика, который был сделан для пешеходов из пещер в Лавру. В келлиях они совершали свое обычное правило и церковные службы. Почитатели нашли отца Филарета и здесь. Московская купчиха Логина пожегровала деньги в храм

Автор летописного очерка «Зосимова пустынь», вышедшего тремя изданиями в 1899, 1901 и 1913 гг.,—митрополит Серафим (Чичагов, † 11.12.1937). Сфотографирован во епископском сане

и 27 сентября 1859 года митрополит Филарет сам совершил освящение верхней церкви в честь иконы Боголюбской Божией Матери. При церкви построены были братские келлии, и так основалась Киновия или Боголюбивая пустынь. Спустя несколько времени все три сына старца приняли монашество: Порфирий—с именем Прокопия, Игнатий—с именем Галактиона и младший Василий—с именем Лазаря. Зимой 1863 года здоровье старца так расстроилось, что он в ожидании скорой кончины принял скиму с возвращением прежнего имени Филиппа. Однако он выздоровел, чтобы претерпеть новое гонение Христа ради.

Но вот прибыла в Сергиевскую Лавру старушка-крестьянка от Г.

И. Неттель с намерением поговорить. Прежде всего, она отправилась в Киновию спросить у старца благословения на исповедь и передать поручение г-жи Неттель. Отца Филиппа не было дома, и в ожидании его старушка стала прогуливаться в прилегающем лесу. А старец также прогуливался вблизи и, таким образом, они, наконец, встретились. Приняв благословение от отца Филиппа, старушка рассказала ему всю историю появления двух монахов в усадьбе г-жи Неттель и согласие ее теперь продать ему три десятины леса с часовней Зосимы. Отец Филипп, ничего не понимая, и поэтому не понимая, о чем она говорит, подумав, не очень ли уж состарилась богомолка, ответил: «Ты идешь к исповеди и говоришь ненужное, неладное, многословие—большой грех!» Посмотрела старушка на отца Филиппа, удивилась ему и замолчала, но через несколько минут снова стала ему рассказывать о помещице Неттель, о приходе двух монахов, будто от имени Филиппушки и о поручении, данном ей самой помещицею. Старец опять остановил болтливую старушку увещаниями не говорить лишнего. Наконец, прощаясь с отцом Филиппом, старушка спросила его: «Что же прикажешь, батюшка, передать-то помещице?» Старец уже рассердился, начал доказывать, что ему не до покупки, что нет никакого смысла в том, что она рассказывает, ибо он не имеет понятия о Зосимовой часовне, никогда там не был и ничего не знает. Изумилась старушка и пошла в Лавру. Встревожился и сам отец Филипп. Вернувшись домой, он рассказал об этом своим сыновьям. Особенно внимательно его слушал сын Прокопий.

Как известно, у Зосимовой часовни, между двух елей, часто сиживал местный помещик Вл. Головин, почитавший батюшку Зосиму и старавшийся, насколько

возможно, сохранить в целости могилу старца и следы прежней обители. В один прекрасный день сторож часовни рассказал В. В. Головину, как приходили сюда два монаха от имени отца Филиппа Киновийского за справкой, не продаст ли ему помещица Неттель три десятины леса с Зосимовой могилой. Головин, конечно, знал всем известного Филиппушку, понравилась ему эта мысль и видя, таким образом, возможность возрождения Зосимовой пустыни, он даже послал от себя крестьянина в Киновию спросить отца Филиппа: «Правда ли, что он желает приобрести эту землю и справедлив ли столь радостный для него слух?» Старец принял посланного от Головина при своих сыновьях и подивились они опять все случившейся истории, о которой они ничего не знали до сих пор. В сердце своем блаженный Филипп, однако, чувствовал, что тут совершилось чудесное проявление воли Божией. <...>

В конце июля месяца 1866 года г-жа Неттель решила навсегда покончить с этим важным и бесконечно длившимся вопросом, — она объявила В. В. Головину, что согласна Филиппушке подарить три десятины земли с Зосимовой часовней. 8 августа г-жа Неттель подписала дарственную запись, чтобы ни ей, ни ее наследникам уже не вступаться во владение означенной землей и не нарушать прав Лавры на обладание ею. В прошении в Лаврский собор было сказано, что она «жертвует три десятины с произрастающим на оной еловым и березовым лесом и часовнею для служения в сей последней бра-

тиею Киновии молебнов и панихид по схимонахе Зосиме, при часовне погребенном, желающим из обывателей окрестных деревень». <...>

Начальствование пустыню принадлежало по праву лицу, заведывающему самою Киновиею Боголюбской Богоматери, т. е. схимонаху Филиппу, который поручил все дела Зосимовой пустыньки своему сыну, иеромонаху Прокопию. Иноки поместились в одной избе, из выстроенных В. В. Головиным, а в другой избе жили рабочие и пеклись хлебы. Братия начала в известное время дня и ночи совершать служения в часовне, а в свободное время трудилась над расчисткою лесной чащи около часовни, над корчеванием пней, копанием и очищением дорожек, а также занималась сенокосом и пчеловодством. Так началось устройство Зосимовой пустыни.

Но враг, по слову Апостола, никогда не дремлет. Мы упомянули уже, что старец схимонах Филипп был тяжело болен, но выздоровел, чтобы претерпеть для своего прославления на небе, — последнее и самое сильное гонение. В 1867 году распустили слухи, будто в Киновии делаются фальшивые кредитные билеты. Несмотря на всю нелепость клеветы, нашлись люди, которые поверили слуху. Начальство Гефсиманского скита сочло нужным обыскать келлию схимонаха Филиппа. Разумеется, в ней не нашли ничего подозрительного. Митрополит Филарет, любивший и почитавший Филиппушку, конечно, ни на одну минуту не усомнился в нем и ясно понимал, что эта скорбь прилагается Филиппу

не без особого промысления свыше. Тем не менее, чтобы удалить соблазн и прекратить молву, он дал совет старцу на время оставить созданную его трудами обитель и перейти в какой-нибудь другой монастырь. Старец исполнил желание митрополита, взял с собой сыновей и отправился с ними в Московский Симонов монастырь, а потом в Тульский Богородичный и, наконец, в Введенскую пустынь, близ г. Покрова Владимирской губернии. Когда же дело о клевете было окончено совершенным оправданием схимонаха Филиппа, то он вернулся опять в свою Киновию и вступил в исправление настоятельских обязанностей. <...>

Вскоре скончался и схимонах Филипп. Удрученный трудами и скорбями, он слег в постель в начале мая 1868 года и 18-го числа скончался в самый полдень, после причастия Св. Таин из рук своего сына иеромонаха Прокопия.

Если еще при жизни все считали схимонаха Филиппа блаженным, то теперь, после смерти, он имеет на это большее право. Он блажен уже потому, что претерпел до конца путь к блаженству. По слову Самого Христа: *блажени есте, когда носят вам и ижденут и рекут всяк зол глагол на вы лжуще, Мене ради: радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесех!*

Погребение отца Филиппа совершал наместник Лавры архимандрит Антоний с 12-ю иеромонахами и при стечении несметной толпы народа. Его погребли в нижнем Киновийском храме, за правым клиросом.

«ДЛЯ ПРОСЛАВЛЕНИЯ ИМЕНИ БОЖИЯ...»

Каменная часовня, выстроенная на могиле схимонаха Зосимы, не могла удовлетворить духовным потребностям как монашествующей братии, так и приходящих богомольцев. Естественно, — требовался храм. Неутомимый отец Прокопий ни одного дня не проводил без хлопот, направленных к отысканию жертвователей. Кто в своей жизни строил или обновлял храм, тот знает сколько враг спасения ставит препятствий на этом пути и какими искушениями и

скорбями старается помешать святому делу.

Долго искал, много молился боголюбивый отец Прокопий, пока явилась ему на помощь дружественная, добрая и Богом благословенная семья московского купца Димитрия Михайловича Шапошникова. Сам Димитрий Михайлович был уже занят постройкою в Лукинской женской обители Подольского уезда Московской губернии, и по вынесенной им борьбе в этом деле — стал хорошо известен

митрополиту Московскому Иоанникию. Заботы о начатой постройке не давали ему времени и возможности войти подробно в рассмотрение просьбы отца Прокопия, который желал вначале хотя бы пристроить к каменной часовне такой же алтарь, и тем сократить издержки.

Прошло почти десять лет после постройки каменной часовни, когда в конце 1887 г. отец Прокопий получил, наконец, обещание Д.М. Шапошникова построить алтарь.

Рапортом 18 декабря отец Галактион вошел с представлением в Духовный Собор, прося разрешения исправить существующие постройки, «если потребуется вновь пристроить каменное здание». Видимо, не считалось удобным иначе выразиться о предполагаемой постройке. Но вследствие такой просьбы последовало и подобающее разрешение—только исправить обветшалые здания.

Тем временем Д.М. Шапошников посетил Зосимову пустынь, почувствовал к ней некоторое расположение и счел неудобным приступать к работам с указом о поправке обветшалых зданий. Он даже вознамерился отложить свое участие в деле ввиду плана, показавшегося ему неудобным. Но боголюбивый отец Прокопий был рад, что нашел возможным осуществить и такой план первоначальной церкви.

Из многих примеров известно, что Господь Сам избирает строителей храмов, и далеко не все деньги и капиталы приемлются Богом на построение церкви Христовой и жилища Святому Духу. <...> Так и для Зосимовой пустыни Господь избрал строителями первой церкви боголюбивого Д.М. Шапошникова и его семью. Насколько же этот храм был нужен блаженному старцу отцу Зосиме и его обители, это видно из совершившегося затем со строителем

его—Димитрием Михайловичем несомненного чуда. Схимонах Зосима явился Д.М. Шапошникову в сонном видении. Он имел вид худощавого, седого старика с бледным лицом в монашеском подряснике и в шапке подобно той, которую носят пустынножители. Подойдя к Шапошникову, старец произнес: «Я прошу тебя, не оставляй начатого дела, и тебя Господь не оставит и поможет!» Затем отец Зосима со слезами на глазах обнял Димитрия Михайловича. Так три ра-

за попросил он Шапошникова, говоря: «Прошу тебя, не оставляй начатого дела, и Господь тебе поможет и не оставит!» Каждый раз обнимал его со слезами. Сперва Димитрий Михайлович не мог отдать себе отчета—кто это говорит с ним, но когда видение исчезло, то он в испуге проснулся и подумал: это, наверное, приходил схимонах Зосима! В комнате никого не ока-

ство собою, какое-то уныние: решил одеться и выйти на воздух. Город спал, все лавки были еще заперты и волнующееся сердце требовало откровенной беседы, совета с кем-нибудь. Таким образом, гуляя по улице, он надумал пойти к своей старшей дочери и мужу ее Владимиру Петровичу Попову. Конечно, все еще спали. Зять Владимир Петрович вышел к нему встревоженный, думая, что случилось что-нибудь. Но Димитрий Михайлович посадил зятя и открыл ему причину своей тревоги. Собралась вся семья и, по милости угодника Божия, блаженного старца Зосимы, все они возгорелись непреодолимым желанием послужить этому святому делу; В.П. Попов послал еще за своим братом Михаилом Петровичем, явилась также Агафия Феодоровна, и на семейном совете решили, что надо сделать все просимое отцом Прокопием. Оба брата Поповы предложили отлить колокол, Владимир Петрович взялся сделать иконостас, утварь, все внутренние принадлежности храма, а Д.М. Шапошников,—пристроить алтарь, трапезную часть и колокольню. Все они пришли в восторженное и радостное состояние и разошлись по своим делам, успокоенные, довольные, с намерением немедленно взяться за дело.

Наместник Свято-Троицкой Сергиевой Лавры (1891-1904) архимандрит Павел (Глебов)—строитель Зосимовой пустыни

залось; было темно. Димитрий Михайлович встал, разбудил жену и сообщил ей свой сон. Благочестивая Агафия Феодоровна также не усомнилась, что это был старец Зосима, и стала даже упрекать мужа, что он своею нерешительностью и медлительностью задержал столь необходимую постройку храма в Зосимовой пустыни.

Димитрий Михайлович заснуть уже более не мог, зажег огонь и стал вдумываться в происшедшее. На сердце была тревога, недоволь-

На следующий день Д.М. Шапошников поехал в Киновью к отцу Прокопию, готовый потратить на постройку храма сколько бы ни потребовалось денег, чтобы успокоить боголюбивого почитателя Зосимовой пустыни. Составление плана нового храма было поручено г-ну Семеновскому. Митрополит Иоанникий принял просителей очень сердечно и, таким образом, возбудилось дело о постройке храма. Зимой в Зосимову пустынь стали возить кирпич. В прошении, поданном Д.М. Ша-

пошниковым в Учрежденный Собор Лавры от 31 июля 1888 г., говорится:

«Горя сердечным желанием сделать что-либо доброе на земле для пользы души своей, я возымел непреклонную мысль устроить на личные свои средства из каменной Зосимовой часовни Александровского уезда Владимирской губернии (в которой часовне находится гроб старца схимонаха Зосимы) церковь, пристроив к ней каменные же: алтарь, трапезу и около церкви корпус в несколько келлий для братии: ради сердечного усердия моего к святому месту, чтимому местными жителями и прошу Учрежденный Собор испросить у Его Высокопреосвященства на сие разрешения для прославления имени Божьего и к сохранению вечной памяти Богоугодного мужа». 2 августа Собор сделал доклад митрополиту Иоанникию, и 4 августа

последовала на этом докладе резолюция: «Разрешается».

Закипела работа в Зосимовой пустыни. Д.М. Шапошников так отдался постройке храма, что оставил все свои дела. 28 августа состоялась закладка алтаря и трапезной церкви, соборне совершенная, по словесному распоряжению отца наместника Лавры, архимандрита Леонида, членом Учрежденного Собора, уставщиком (после казначеем и архимандритом) иеромонахом Иосифом, в присутствии всей семьи Шапошниковых и зятя В.П. Попова. Местность пустыни очень понравилась всем, и после закладки остались работать и помогать постройке жена и дочери благочестивого строителя.

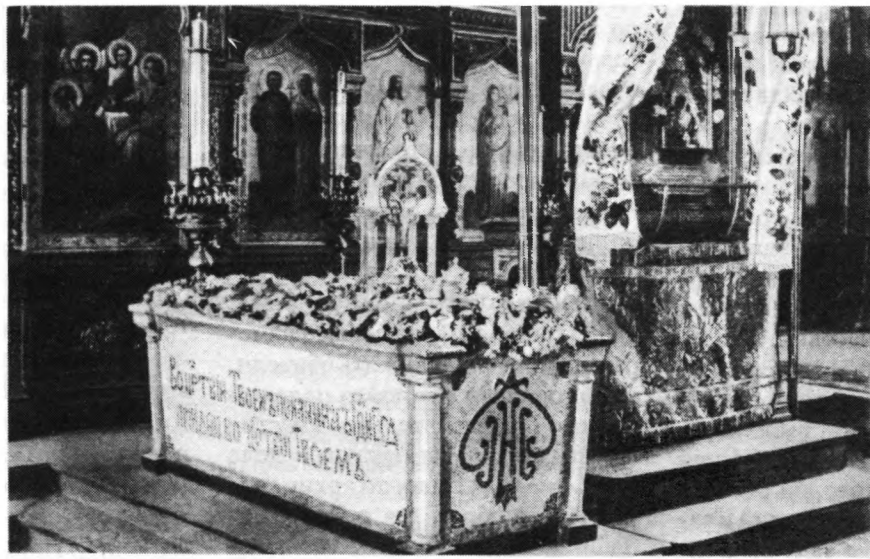
Осень была дождливая, сырая; дороги грязные, вязкие; работы шли с большим трудом. Совершенно непривычные к подобной обстановке и к пище, которую варил па-

стух, они все жили в грязной и темной избе, проводя ночи на полу или на земле. Казалось, чем объяснить такой подъем духа в людях состоятельных, избалованных? Это можно объяснить только благодатной силой, исходящей от могилы блаженного старца, оживотворявшей всех, к кому она касалась, по избранию самого старца Зосимы и по воле Божией. До зимы храм был подведен под крышу. С ранней весны 1889 г. началась внутренняя штукатурка и настилка полов; привезли иконостас, и к

ко лишь они хотели положить белую плиту, как весь фундамент, сделанный на известке, вдруг развалился. Это было несомненное чудо! Рабочие испугались, хотели, было, уйти, но затем решили разрыть землю и докопаться до склепа, с которого и начать стройку фундамента. Начали рыть и, действительно, склеп оказался на полтора аршина сзади; один рабочий даже провалился ногою в свод склепа в отверстие, и они увидели гроб, показавшийся им дубовым. Это обстоятельство еще более пе-

репугало рабочих, удостоверившихся в существовании могилы схимонаха Зосимы. Они тотчас сделали отверстие склепа и начали от него строить фундамент для памятника.

Наутро приехал Димитрий Михайлович; рабочие ему рассказали происшедшее; подивился он, но и порадовался, что могила старца Зосимы

Гробница строителя Зосимовой пустыни архимандрита Павла

удивлению всех, он оказался выше положенной меры. Убавлять его оказалось невозможным; решили вынуть земли из храма на 10 вершков и опустить пол.

Не без воли Божией произошла эта ошибка в иконостасе. Явилось еще неудобство: могила схимонаха Зосимы пришлось слишком близко к царским вратам и должна была мешать выходу священнослужителей. В часовне же могила приходилась посередине. Каменные работы были уже окончены, всего оставалось два человека рабочих. Д.М. Шапошников, уезжая в Москву, попросил их сделать под памятник старца Зосимы новый кирпичный фундамент, более высокий, вследствие выемки земли. Под мраморною плитою был белый камень и затем пять рядов кирпича, а под кирпичами земля. На другое утро каменщики принялись за работу и к обеду закончили фундамент. После обеда, толь-

оказалась значительно дальше от царских врат. Но когда Д.М. Шапошников вернулся домой, жена начала упрекать, что он не посмотрел, в каком состоянии склеп внутри и не надо ли его исправить. Ввиду ходивших в народе разных слухов, казалось необходимым удостовериться в действительности существования могилы и нетленного гроба*. Шапошниковы, вместе с отцом Прокопием, наутро собрались ехать в Зосимову пустынь; Димитрий Михайлович приказал рыть яму и пробовать склеп. От твердости ли кирпича или от другой причины посыпались искры, когда рабочие стали ударять ломами. Это уже привело благочестивую семью в страх и трепет;

* Записанный рассказ сторожа Симеона Ермолаева с его удостоверением о нетлении мощей блаженного старца Зосимы получен обителью только в 1898 г.

Агафия Феодоровна даже ушла. Когда же было пробито довольно значительное отверстие, Димитрий Михайлович привязал на палку три восковые свечки и таким способом проник со светом внутрь склепа. Он ясно видел через отверстие гроб, заваленный по бокам осколками кирпичей, осыпавшихся от времени, и, как ему показалось, на крышке гроба—череп. Может

быть, в прежние времена на гробах схимонахов и клали черепа, как вышиваются на схимах. После этого над склепом был поставлен памятник. Таким чудесным путем была открыта могила блаженного старца, ради которого созидался храм и возрождалась обитель.

Освящение храма во имя Смоленской иконы Божией матери было совершено 24 сентября при

весьма благоприятной погоде. Весною 1890 г. Д.М. Шапошников построил еще деревянный корпус с 16-ю келлиями для монашествующих.

Память о доброй и боголюбивой семье Шапошниковых и Поповых пребудет, конечно, вечно в Зосимовой пустыни в молитвах ее иноков.

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ УСТРОЕНИЕ

14 января 1892 года вступил в исправление обязанностей наместника Лавры отец Архимандрит Павел, управлявший до этого Толгским монастырем. Обезжая все обители, подчиненные Лавре, он посетил Зосимову пустынь. Убогий вид пустыни произвел сильное впечатление на него. Обитель не имела ограды, была совершенно открыта. Храм, составлявший несказанную радость пустыни, был в сущности тесен и длинен, так как он образовался из часовни, к которой пристроили паперть и трапезную часть. Зимой промерзали тонкие стены часовни, было сыро, пол лежал на самой земле. Общий вид пустыни, в которой имелся всего один корпус для келлий и затем три старые избы, невольно заставлял вдумываться в положение монашествующих и желать принести посильную помощь. Когда отец наместник отстоял в храме панихиду у могилы схимонаха Зосимы, то он уже в сердце своем почувствовал непреодолимое желание сделаться устроителем этой страждущей обители. В продолжение зимы 1892-93 года Архимандрит Павел начал собирать материал для постройки каменного корпуса с трапезою. Кирпич доставил игумен Махрищского монастыря отец Амфилохий. Первыми деньгами, вложенными в это дело, послужила тысяча рублей, на помин

души покойного казначея Лавры Авдия. В 1893 году Иван Ефимович Ефимов, известный своими крупными пожертвованиями не только в Москве, но и далеко за пределами ее, издатель многих духовных брошюр, журналов и книг, печатавшихся в его типографии, заявил свое желание построить каменный собор на месте первоначального храма и над могилой старца Зосимы. Так как храм, построенный боголюбивым Д.М. Шапошниковым, по своим размерам не мог долго служить обители, а материал его мог пойти целиком на собор, следовательно, участие жертвователя оставалось в деле таким же, как было, то архимандрит Павел обратился к Д.М. Шапошникову за согласием и, когда оно получилось, испросил разрешения у епархиального начальства на разборку первоначального храма и колокольни при ней и перенесения священных предметов, т.е. престола, жертвенника, иконостаса и местных икон в братский трапезный корпус, с устройством в нем храма во имя Преподобного Сергия, в имеющемся удобном помещении. Этим приобрелась возможность совершать богослужения по-прежнему ежедневно и терпеливо ждать постройки каменного собора. 5 сентября 1893 года отец архимандрит Павел уже освятил этот храм во имя Преподобного

добного Сергия, а 1 мая 1894 года по благословению Владыки Сергия совершил закладку собора с тремя приделами: главный, — средний, во имя Богородицы, именуемой Смоленской, с правой стороны—в честь Архангела Рафаила, а с левой—во имя Преподобного Зосимы, Соловецкого чудотворца.

Долго ждала Зосимова пустынь боголюбивых жертвователей и устроителей, которые бы искренно во имя Божие возродили обитель, и вот, наконец, Божественная благодать привлекла сперва горячо полюбивших пустынь семью Д.М. Шапошникова и Попова, а затем наместника Лавры архимандрита Павла и И.Е. Ефимова. Многие посещали Зосимову пустынь подобно архимандриту Павлу, но и уезжали без намерения сделаться ее устроителями. Наконец, сам отец Павел много видел, конечно, монастырей и пустынь, однако не возгоралось в его сердце такого стремления служить им силами ума, сердца и достояния. Такова была воля Божия, таково было действие духа Божия! «Когда случится тебе сделать что-нибудь доброе,—говорит св. Варсонофий,—ты должен знать, что это дар Божий, данный тебе по благодати Божией!»

СВЯТЫНИ ОБИТЕЛИ

Большое торжество происходило 10 июня 1900 г. в обители, куда была доставлена жертвователем, иеромонахом Ефремом, Смоленская икона Божией Матери с частью Ее пояса и частью мощей св. Великомученика Георгия Победоносца. Настоятель обители, священнослужители в облачениях и

прочая братия торжественно встречали святыню вне монастырской ограды и пели соборные молебствия у главных Св. врат обители. Икона внесена была во Всехсвятский храм (освящен 19.9.1899 г.—Ред.); там было торжественно совершено всенощное бдение с приобщением к воскресной службе

песнопений в честь Богородицы—Одигитрии и великомученика Георгия Победоносца, а наутро—литургия. По окончании богослужения был вокруг обители крестный ход с молебным пением и чтением акафиста Богородицы в четырех местах обители перед святынею. Во Всехсвятской церкви св. икона

находилась до освящения соборного храма и за несколько дней до храмового праздника Смоленской Одигитрии (28 июля) перенесена в собор, <...>

Вместе со святынею Смоленской иконы Богородицы, части честного Ее пояса и св. мощей св. великомученика Георгия Победоносца получен от жертвователя иеромонаха Ефрема полулист в четыре страницы.

На первой странице написано:

«Я, нижеподписавшаяся, по собственному своему желанию и усердию хранившиеся у меня два малых сребропозлащенных ковчежца с частью пояса Пресвятой Богородицы и с частью святынь мощей святого великомученика Георгия Победоносца передала в дар Саввина Сторожевского монастыря благоговейнейшему иеромонаху Ефремуна молитвенную память о болящей Марии, о всех мне близких и почивших мужа моего и сродников.»

Вдова действительного тайного советника баронесса Александра Ивановича Боден-Кольчева.

У сего печать 1897 года 13 апреля в великий с фамильными гербами день Воскресения Христова».

На второй странице написано:

На оборотных сторонах ковчежцев, заключающих в себе вышепоименованные святыни, имеются следующие надписи:

1) «N 9. Часть пояса Пресвятыя Богородицы получена от Гавриила Павловича Головина, по завещанию Имеретинской царицы Анны Матвеевны, урожденной княжны Орбелиан в 1832 г. июля 10-го, а царица получила сию святыню от Мингрельской Правительницы Нины Георгиевны, урожденной царевны Грузинской, дочери последнего царя Георгия XIV, который привез сию святыню из Царьграда».

2) «N 12. Часть св. мощей святого великомученика Георгия Победоносца. Барон Михаил Львович Боден-Кольчев получил святыню сию от Гавриила Павловича Головина, он же получил от Имеретинской царицы Анны Матвеевны, в бытность ее в селе Новоспасском Деденева, в 1831 году, во время холеры».

«С подлинным верно, иеромонах Ефрем».

На третьей странице написано:

«Я, нижеподписавшийся, полученные мною от вдовы действительного тайного советника, баронессы Александры Ивановны Боден-Кольчевой, в дар за отправление мною священнослужений в

находящемся при доме ее в Москве, на Поварской улице, в храме во имя свят. и чудотворца Филиппа, митрополита Московского, древнюю (XIV в.) св. Смоленскую икону Богородицы—Одигитрии и приложенные к ней малые ковчежцы с частью пояса Пресв. Богородицы и с частью святых мощей великомученика Георгия, усердную передать в новозосидаемый храм во имя Пресвятыя Богородицы—Одигитрии в Зосимовой пустыни, что близ Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, на молитвенную память о моих благодетелях, сродниках и о мне недостойном, 12-го февраля 1900 года. Саввина-Сторожевского монастыря иеромонах Ефрем.

Личность и подпись руки иеромонаха Ефрема удостоверяю подписом и приложением монастырской печати казначей иеромонах Митрофан».

Под сим печать монастырская.

Епископ СЕРАФИМ (Чичагов)

(Епископ. Серафим. Зосимова пустынь в честь Смоленской Ее иконы Божией Матери (Александровского уезда Владимирской губ.). Ст. Арсаки, Ярославской ж. д. М., 1913. С. 6-10, 25, 29-32, 35-39).

«В крепкой ладье»

До семнадцати-восемнадцати лет, все было у меня связано с ... Зосимовой пустыней. Туда мы ездили часто и чуть ли не всей семьей по несколько раз в год.

Вот уходит поезд, из которого мы вылезаем в Арсаках по Ярославской ж.д. И так уж тихая станция совсем затихает, и тишина охватывает нас. Знакомая пролетка, и знакомый кучер монах, одетый в какую-то смесь мирского с монашеским, и знакомая лесная дорога, по которой мы устремляемся в еще большую тишину мимо елей и берез и болотистых канав с незабудками.

Природа здесь не та, что в Оптиной,—здесь север, и кругом монастыря густой еловый лес. Удивительно, как раскрывается человеку природа, когда она у церковных стен. Один ряд номеров гостиницы выходил окнами прямо в лес. И вот я помню, как зимой откроешь широкую форточку и чувствуешь запах снегов среди елей и среди такой тишины, которая уму непоспостижима. Все живое и нетленное и благоухающее чистотой.

Там, где монахи—истинные ученики Христовы, там около них расцветают самые драгоценные цветы земли, самая теплая радость земли около их стен...

Зосимова пустынь была в чем-то сходна с Оптиной. В ней было что-то более суровое, что-то от «северной русской Фиваиды», чего не было в теплых просторах Калужского монастыря. Оптина была, так сказать, убедительнее для боязливой интеллигентной души. Но, с другой стороны, мы знаем, что и она не могла до конца убедить Толстого. Что же удивительного, что Зосимова не смогла убедить Бердяева, как-то сюда приезжавшего. Благодать познания мира и самого себя дается только смиренным сердцам, а из автобиографии Бердяева мы с сожалением узнаем, что он гордился не только своим именем, но даже и родством с титулованными фамилиями. Бердяева оттолкнула от зосимовского старца Алексия его непочтительность в отношении Толстого*. В те годы мне

* Вот эти саморазоблачительные строки Н. Бердяева: «Зосимова пустынь расположена во Владимирской губ. Никаких особенных красот в ней нет. В день, когда мы приехали, там была Вел.

показывали книгу Лодыженского «Свет Незримый», в которой рукою старца был вычеркнут эпитет, представленный к Толстому: «великий писатель земли русской». Для о. Алексия он был прежде всего разрушитель веры в Церковь.

Старец был духовным центром монастыря. Поражала красота всего его облика, когда в длинной мантии он выходил из своего полузатвора на исповедь богомольцев: и седые пряди волос на плечах, и какая-то мощность головы, и рост, и черты лица, и удивительно приятный низкий баритон, а главное—глаза, полные внимания и любви к человеку. Эта любовь покоряла и побеждала. Человек, подходящий к нему, погружался в нее, как в какое-то древнее лоно, как в стихию, непреодолимую для него, до сих пор еще ему неведомую и вожделенную. Он уже не мог больше не верить, так как в нем уже родилась ответная любовь: огонь зарождается от огня. Моя жизнь была наполне-

Кн. Елизавета Феодоровна, которую я видел в церкви. Для меня это было неприятное впечатление, как знак связи Православной Церкви с императорским режимом. Служба была длинная, значительную часть ночи. За мной в церкви стоял П.Флоренский, тогда еще не священник. Я обернулся и увидел, что он плачет... Нас согласился принять и старец Алексий, находившийся в затворе. Разговор с ним произвел на меня очень тяжелое впечатление. Ничего духовного я не почувствовал. Он все время ругал последними словами Льва Толстого, называя Левкой. Я очень почитаю Л.Толстого, и мне это было неприятно" (Бердяев Н.А. Самопознание. (Опыт философской автобиографии). М., 1991. С. 188).—*Ред.*

на любовью моих родителей, но в любви старца, когда, стоя на коленях перед ним на исповеди (он обычно исповедовал сидя), я открывал ему свои тяжелые грехи, я ощущал нечто еще более полное, еще более надежное и теплое, чем земная родительская любовь. Это была уже любовь Небесного Отца, о которой мы только говорим, изливаемая ощутительно на меня в эти минуты через старца.

Монастырские службы в таком монастыре, как Зосимова, особенные. Если отдать себя им вполне и доверчиво, то такое чувство, будто сел в крепкую ладью и она вздымает тебя по волнам выше и выше. Тебе и страшно немного, и в то же время так хорошо. Что-то, если можно так сказать, есть безжалостное в такой службе ко всем нашим мирским полу-словам, получувствам, полу-молитвам, с оборачиванием все время на себя, на свое настроение или на свою слабость. Тут что-нибудь одно: или уходи, потому что стоять надо долго и трудно, или же бросай свою лень и трусость, сомнение и грех и в священном безумии иди за этими голосами, стройно, и сладостно, и страшно поющими все про одно: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим и всею крепостью твоею!», «И Ему Одному служи!»

Стихиры поются сначала отдельно по клиросам, но вот монахи сходятся вместе, и тогда под своды возносится так легко и непобедимо торжествующая песнь: «Ему Одному служи!»

«В Зосимовой пустыни,—вспоминал С.И. Фудель,—был колодец-часовня. На потолке был изображен благословляющий Спас. И вот, когда помотришь, бывало, вниз,—Он же, благословляющий, ясно и тихо отражается на темном покое воды».

- С.И. Фудель (1900-1977)
- Святой колодезь, вырытый схимонахом Зосимой

На кафизмах гасятся свечи, только кое-где остаются лампы. Словно опять Ветхий завет—еще только ожидание Мессии. Сидишь и дремлешь. Нагнется папа, спросит: «Не устал ли?» Выходим и сидим рядом с храмом на лавочке. Небо звездное. По дорожке в гостиницу кто-то идет: хрустит песок. Там, в номере, я знаю, есть съедобные баранки, и это, конечно, тоже хорошо, но все-таки уходить не хочется. Еще раз подняться на этой ладье к сводам Храма, к звездам. Скоро канон.

«Христос моя сила, Бог и Господь, честная церковь благолепно поет взывающи».

В номере по-монастырски пахнет. Засыпаешь, конечно, тут же, но среди ночи где-то в холоде неба опять благовест, и опять идешь по хрустящей дорожке. Я помню, что ночные службы я наполовину спал, но помню и то, как в эти сны вдруг врываются голоса поющих, я открывал глаза, видел огни, рядом стоящего отца и радостно убеждался, что я в той же крепкой ладье, что моего сна никто не заметил, что меня и спящего они, эти голоса поющих, унесут с собой.

Музыка настоящего, т. е. монастырского церковного пения так благодатна, как и его слова. Тут «печать дара Духа Святаго».

Когда мне было лет пятнадцать-семнадцать, я два раза приезжал в Зосимову пустынь и один. Одному, да еще совсем юному, страшнее в таком настоящем монастыре. Такое чувство, точно попал маменькин сынок на передовую. Какая там «тихая пристань»? Тут уж никакого «Дворянского гнезда» или «Былого и дум». Вместо «гнезда»—море, в которое нужно броситься, вместо «дум» или «былого»—живое и трепетное делание настоящего. Здесь может быть только

человек-творец, возжелавший внутри себя найти свою нетленную первооснову, здесь «невидимая брань» и воинское дело духовного подвига.

Помню, однажды я вопреки всем традициям остался там один на пасхальную ночь. Служил заутреню отец Дионисий, которого мы в семье особенно любили за его исключительное смирение.

С ним у моего отца был такой случай. Отец стоял на всенощной среди богомольцев. Проходящие монахи подходили к нему для получения благословения. Вот подошел в толпе еще какой-то небольшой монашек. Отец благословил и только когда тот, поцеловав руку как простой монах, отошел, отец с ужасом заметил, что он в рассеянности дал поцеловать свою руку иеромонаху о. Дионисию, т. е. такому же священнику, как он.

Крестный ход обошел храм и остановился перед закрытыми наружными дверями. Пасха была поздняя, ночь светозарная была легка. О. Дионисий поднял голову к этому единственному в году небу и начал пение: «Христос Воскресе...»

И вдруг—страшное замешательство у стоящего рядом иеродиакона: о. Дионисий забыл, что надо сделать еще один краткий вступительный возглас. Все было тотчас, конечно, сделано смертельно смущенным иеромонахом, иеродиакон был успокоен, и что-то самое главное было этим исправлением нарушено. Мне стало горько за моего иеромонаха, за себя, за звезды, к которым он поднял лицо, мне захотелось тут же бежать домой на Арбат.

«Не имама дерзновения за премногие грехи наши».

Сергей ФУДЕЛЬ.

АРХИЕПИСКОП АРСЕНИЙ (ЖАДАНОВСКИЙ)

СТРОИТЕЛЬ ЗОСИМОВОЙ ПУСТЫНИ СХИИГУМЕН ГЕРМАН*

Господь даровал мне духовного отца в лице строителя Зосимовой пустыни игумена Германа. Хочется написать воспоминания об этом замечательном монахе нашего времени. Мальчиком о. Герман учился в Москве иконописи. Будучи богобоязненным, он, в свободное время от занятий в мастерской, бегал по часовням и особенно любил Кремль. В праздники забирался, бывало, сюда с раннего утра, если не сказать ночи и переходил из храма в храм. До самой глубокой старости о. Герман помнил

порядок тогдашних церковных служб: «сначала,—говорил,—зайдешь к Иверской, Пантелеимону, затем отстоишь утреню в Успенском, потом пойдешь в Чудов к ранней, а там в собор к поздней».

С детства влекло его в монастырь, но осуществить это желание пришлось ему только на 22-м году, после некоторых скитаний в миру. Поступил он в Гефсиманский скит, близ Св. Троице-Сергиевой Лавры, созданный приснопамятным митрополитом Филаретом, со строгим уставом и старчеством. Первым послушанием о. Германа была иконопись, которой он учился в Москве. Между прочим, ему выпало счастье расписывать пещерный храм, а главное,

реставрировать образ Черниговской Божией Матери, так дивно прославившейся. Специализировался наш авва, впоследствии, еще в писании Нерукотворного Спаса. Сразу можно узнать его кисть; написанные им иконы внушают особенное молитвенное чувство. Он сам мне рассказывал следующее: «Был я однажды в Киеве. Захожу по пути в часовню и спрашиваю,—какая у Вас здесь святыня?—А, вот, чудотворный образ Черниговской Божией Матери. Подхожу и вижу, что он написан моей грешной рукой, гляжу, а на нем уже много различных привесок—ручек, ножек, глаз и других эмблем исцелений, полученных болящими в разное время».

* Публикуется впервые по машинописи воспоминаний владыки Арсения (Жадановского, † 1937) из архива Е.В. Апушкиной (Москва).—*Ред.*

До самой старости любил о. Герман свое занятие, и только потеря зрения лишила его этого духовного утешения.

Сам будучи иконописцем, он всегда поощрял это искусство. При келлии у него имелась маленькая мастерская, а в обители часто приветали художники. Писание икон дало возможность о.Герману, с первых же дней монастырской жизни, серьезно заняться духовным деланием. «В данном отношении, — говорил он, — я оказался счастливым, братия, трудясь на общих послушаниях, могли видеть и слышать там много неприятного и бесполезного; я же при своей работе оставался сам с собой, и мне стыдно было не думать о спасении души».

Но кто не имеет последнего, тому, скажем мы, не поможет никакая обстановка. Отец же Герман изыскивал все средства для своего нравственного созидания. Так сразу он стал ходить на откровение помыслов к известному в то время в Гефсиманском скиту старцу иеросхимонаху Александру. И если кто хочет поучиться, как окормляться духовно, тому о.Герман живой пример. Он всецело покорил свою волю избранному руководителю, во всем ему доверяя, никогда не осуждал, благоговел пред ним и, можно сказать, преклонялся. Образ о.Александра на всю жизнь запечатлелся в памяти и сердце нашего аввы, оттого-то любил он говорить о нем и особенно часто вспоминал кончину его. По словам о.Германа, о.Александр удовлетворял всем требованиям к старцу: был прост, искренен и любвеобилен, к ученикам относился приветливо, никого никогда не порицал и немощи их переносил с великим терпением и сострадательностью; при чем между духовными чадами его царил любовь, мир, согласие, и они говорили: «О если бы и в будущей жизни сподобил нас Господь жить так блаженно». Проникнутый глубоким смирением о.Александр постоянно плакал и сокрушался о грехах, но эта скорбь никогда не порождала в нем уныния, напротив исполняла его духовной радости, что отражалось на лице, всегда ясном и светлом. Такая бодрость духа приистекала у о.Алек-

сандра от молитвы Иисусовой, являвшейся для него дыханием и жизнью. О глубокой сосредоточенности столь дивного старца о.Герман передавал: «Бывало придешь к батюшке, а он тебя не замечает, говоришь — не слушает, с тем иной раз и уйдешь. А иногда была у него особая цель подобным образом относиться к ученику. «Не требуй, говорил о.А., от старца ответа на твои речи, не думай, будто вымогательство принесет тебе пользу, не всегда так бывает. Старец сам знает, что и когда сказать. Твое дело только придти и все без утайки открыть».

О той же молитвенной настроенности о.Александра о.Герман говорил: «Зайдешь к старцу пред всенощной спросить, не надо ли ему чего, — смотришь, а он сидит на низенькой табуретке с четками и молитвой. Скажет: «Не беспокойся, ничего не нужно». Вернешься к нему после службы, часа через четыре и более, и найдешь его в таком же положении. Услышав стук двери, старец обернется и в недоумении спросит: «Ты зачем так скоро пришел?» — «Как, батюшка, скоро? Ведь всенощная уже отошла, и я успел побывать в своей келье»... — «А я и не заметил времени», — ответит о.Александр. «Очевидно, сладость молитвы Иисусовой захватывала его сердце, и потому ничего в мире не существовало для него», — так о.Герман заканчивал рассказ о своем старце.

Вот какого отца-молитвенника послал Господь о.Герману при первых шагах иноческой жизни. Елисей от Илии получил милость, а наш авва за свою любовь, доверие и редкую преданность старцу наследовал два дара: старчество и молитву Иисусову. В назидание себе и другим постараюсь вспомнить наши беседы с о.Германом об этих двух великих силах монашеского делания.

Старчество, говорил о.Герман, есть основание для доброго монастырского устройства. Пока не насидится оно, русские обители не поднимутся в нравственном отношении. Первым старцем во всяком монастыре должен быть игумен. Все великие аввы — создатели иноческих общежитий, — Пахомий Великий, Феодосий, Евфимий,

Савва и другие были вместе и духовными руководителями.

Современные монашествующие называют откровение помыслов доносом, наушничеством, а окормление у настоятеля считают даже невозможным. Да в настоящее время почти не слышно, чтобы какой начальник с указанной целью принимал братию. И это оттого, что между ними потеряно обоюдное доверие, а главное, теми и другими забыта задача иноческого жития — спасение души. В теперешние монастыри определяют настоятелей «управлять», а не духовно созидать насельников, равно как последние идут туда не «спасаться», а лишь удобно, беззаботно устроиться. При таком положении старчество может, конечно, служить только помехой для свободной жизни, ибо в основе своей оно предполагает отсечение воли и искание всех средств борьбы со грехом; кто хочет нравственно совершенствоваться, тот готов кричать каждому: «Я грешник, погибая, помогите мне». Не боится такой исповедывать немощи, и не только пред любым духовным отцом, но и пред всем миром. В подтверждение батюшка о. Герман любил в пример приводить одного ученика своего О. Последний, будучи студентом академии, записывал свои греховные помыслы и чувства в тетрадь, которую оставлял обыкновенно на столе в общей занятой, где товарищи из любопытства читали ее и, конечно, подсмеивались над автором. Но от этого их откровенный коллега не делался хуже, а напротив поражал всех смирением и кротостью.

Считая по существу возможным быть настоятелем и старцем, нельзя однако не указать на трудность совмещения того и другого в одном лице, в виду многочисленных современных хозяйственных и административных забот по монастырю; да и самой братии не легко открываться без утайки начальнику, от которого зависит их внешнее положение: келлия, послушание, иерархическая степень и т.п. Нужно сделаться буим, отребьем мира, чтобы не прельщаться удобствами жизни. Обычному же немощному иноку при игумен-старце грозит всегда искуше-

ние — использовать духовное окормление для своей выгоды, обеления себя и т.п., а потому гораздо лучше, когда в обители есть отдельный старец.

Два условия необходимы при этом: во-первых, сам настоятель должен быть любителем старчества и его насадителем; а во-вторых, — старцу следует являть пример смиренной преданности к настоятелю; разделения, розни, несогласия не должно быть между ними. Старец обязан заботиться об единении духа среди братии и ни в коем случае не настраивать иноков против начальника и его распоряжений, а приводить всех к послушанию и безропотному перенесению случающихся скорбей и напастей. Только тогда возможны в обители мир и духовное процветание.

Итак, будет ли сам настоятель или же отдельное лицо старцем, но таковой должен быть.

Св.отцы говорят, — спасение души есть искусство из искусств и наука из наук; как же здесь можно обойтись без наставника и руководителя? Преосвященный Феофан пишет: «Кто не признает старчества, кто думает спастись своим умом, своими силами и разумением, тот в начале же спасительного дела допускает в себе пагубное чувство самонадеянности и самоуверенности».

При трудном, неизвестном пути хорошо брать с собой опытного провожатого; с ним не заблудишься, не собьешься с дороги. Монашество есть путь к достижению спасения, путь нелегкий. Вот старец и является поводом, наставником. Плохо ли это?

Необходимость в руководителе открывается для инока еще и из следующего: «Человек, — говорит св.Василий Великий, — не может видеть себя в настоящем свете, в силу присущего нам самолюбия, самости, а потому каждый, по соб-

ственному пристрастию, может извращать о себе суд». Если самые опытные врачи не берутся лечить своих болезней, а обращаются за помощью к товарищам, то не тем ли более при недугах души — нужна поддержка со стороны. К тому же свойство человека — непостоянство; он часто не знает меры, живет и действует под впечатле-

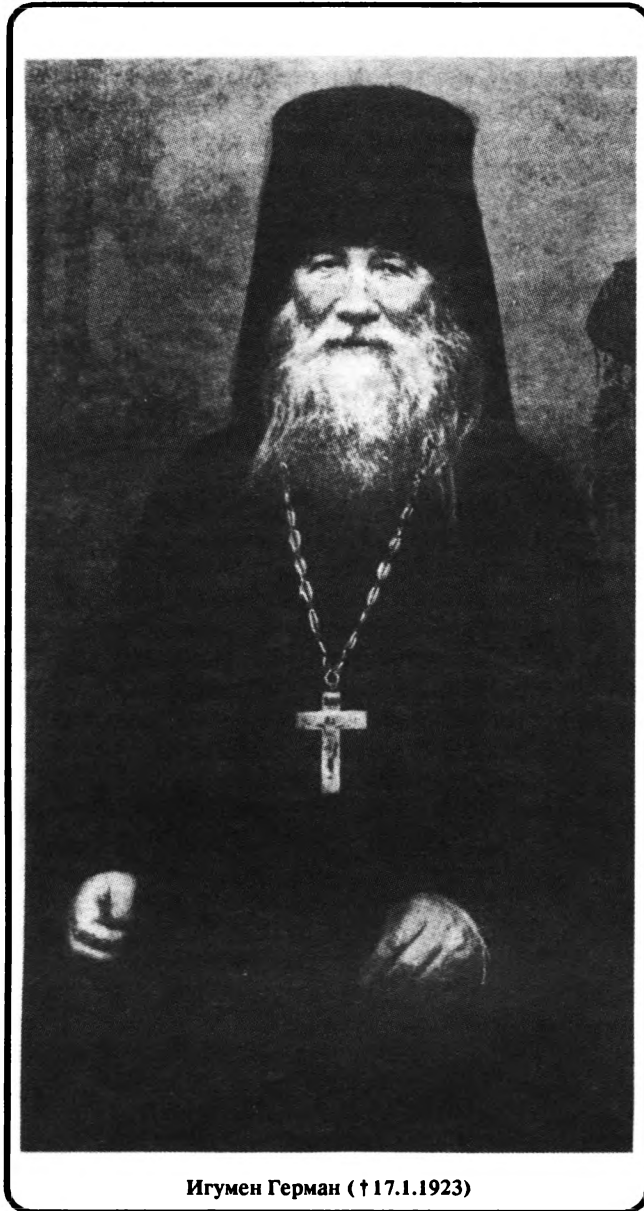
ка, а последний безбоязненно ему передает всего себя. Союз этот должен быть крепок и неразрывен: взялся старец за дело окормления той или другой души — не бросай ее, а всегда болей о ней, как и св. Иоанн Богослов, когда нашел ученика своего, ушедшего на страну «далече», забыв старость, бросился бежать за ним, пока не поймал и не привел к покаянию.

С другой стороны, ученик, отдавший свою волю старцу, не должен отходить от него ни на шаг, а постоянно пребывать с ним умом и сердцем.

Не может быть двух плотских отцов, то-же и в духовной жизни. Отсюда не рекомендуется хождение за советами к различным старцам при имеющемся уже руководителе: это будет признаком недоверия, охлаждения к последнему. Всех святых наставников почитай и проси у них молитв, а советуйся и открывай душу одному.

При постриге продолжает существовать обычай «вручения», при этом читаются обязательства, какие берет на себя старец и инок. Настоятель говорит первым: «Прими сего брата (имя рек) под свое попечение и постарайся представить его Христу таким, каким принимаешь от св.Евангелия». А обращаясь ко второму, увещевает: «Ты-же (имя рек) повинись во всем старцу, как самому Богу, и без благословения ничего не твори». К сожалению, добрый порядок «вручения» обратился у нас в одну форму: окорм-

ление часто продолжается только в течение пяти дней, назначаемых новопостриженному для сидения в церкви. Особенно нужно сказать это относительно ученых иноков. Союз, начавшийся между старцем и учеником, большей частью ослабевает и даже рушится, вследствие того, что первый начинает замечать в ученике охлаждение, непослушание, самочиние, или по-

Игумен Герман (†17.1.1923)

нием и влиянием обстоятельств: сегодня, например, монах подвизается, а завтра ослабевает.

Ему, поэтому нужен живой регулятор, каким и может быть старец, как соразмеритель подвигов инока с силами его. Необходимо однако знать, что все значение старческого окормления заключается в духовном, сердечном союзе, по которому пред лицом Бога старец берет под руководство учени-

следний не находит в старце родного отца, духовного врача и наставника. Очевидно, чтобы указанное духовное единение не распалось, а наоборот, укреплялось, должны быть известные взаимоотношения между старцем и учеником. Что же требуется от первого.

Духовная любовь к ученику, простирающаяся до самопожертвования, до готовности душу свою положить за него, как и Моисей желал умереть за народ. Такую любовь преп. Серафим Саровский уподобляет самоотверженной любви матери: «Будь матерью, — говорил он строителю о. Антонию, предсказывая ему начальствование в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре, — будь матерью, а не отцом братии».

Старец, помня свою ответственность за ученика, должен, далее, все руководство сводить к нравственной пользе его. Он обязан, с одной стороны, искоренять в последнем дурные наклонности, так сказать, забирать у него всю скверну, всю внутреннюю грязь, главное — самолюбие, самость — корень страстей, а, с другой, — насаждать в нем добродетели и особенно послушание со смирением.

Девиз старчества: «Дай мне плоть и прими дух».

Но это возможно тогда только, если старец, обладая любовью, сам является опытным в духовной жизни, безстрастным, терпеливым, невпечатлительным, умиротворенным, спокойным. В частности, если он умеет разбираться в каждом, не действует по заведенному шаблону, ибо, что одному полезно, то другому вредно, не удивляется немощам ученика, не гнушается, не пренебрегает им ни при каких недостатках, а, главное, умеет нравственно поддерживать, а это значит следующую: вступивший на путь спасения инок, ведя борьбу со страстями и похотьми, несет известные подвиги и часто в этом отношении делает все, что может. Старец обязан учесть усердие и не требовать лишнего, а тем более — не устрашать прещением, угрозами, дабы не привести в отчаяние и т. п. Здесь будет не покровительство слабостям, а та именно нравственная поддержка, которая освежает силы подвижника, во-

душевляет на новые труды и лишения ради Царства Небесного.

С другой стороны, ученик должен иметь: во-первых, беспрекословное послушание как внешнее — в делах, так и внутреннее — в мыслях и суждениях; старец — его ум, понимание и совесть. Во-вторых, любовь и доверие; последнее имеет такую силу и значение, что если оно поколеблется, то напрасен весь труд обоих. На доверии, между прочим, основано откровение помыслов или обнаружение внутренних душевных язв, с целью их врачевания. Духовная польза откровения велика. «К старцу, — говорил о. Герман со слов о. Александра, — ходят не ради иного, как для того, чтобы смирить собственное мудрование, переломить злую волю свою и сделать ее покорной воле Божией, способной к исполнению заповедей Господних, ибо, не смирившись и не отрехшись себя, нельзя начать дело спасения».

Откровение, протирая глаза на нас самих, на наши немощи и недостатки, держит греховную рану открытой и, следовательно, удобной для наложения целительного пластыря. Утаение же закрывает ее, втягивает внутрь и обращает в упорную душевную болезнь, порок или страсть. Откровение парализует, отгоняет, ослабляет силу, назойливость, неотступность помыслов, часто даже прекращает их течение, особенно страстных, и тем водворяет в душе спокойствие и мир, который инок разливает потом вокруг себя. Откровение, насаждая в сердце смирение, тем самым убивает самолюбие, гордость и предохраняет от самообольщения и прелести. Плоды откровения и духовного окормления неисчислимы.

В своей книжечке о старчестве о. Герман говорит: «О, если бы только иноки знали, сколько неопределимого добра заключает в себе старческое окормление, т. е. руководство, как оно облегчает борьбу со врагом, как подкрепляет в минуты уныния, малодушия, как поддерживает и направляет в случае падения или сомнения, каким верным покровом служит от вражеских бурь, то они не стали бы уклоняться от него, а, напротив, все чаще и чаще прибегали бы к его

содействию». Однако, нужно всегда помнить, что в виду такого значения старчества враг рода человеческого всеми силами старается отвлечь, отторгнуть ученика от старца: то он вселяет в сердце недоверие к нему и осуждает советы, то раздувает в воображении его немощи, возбуждает ненависть и даже презрение, — словом развивает ту неприязнь, о которой так ясно говорится в конце книги аввы Исаи. Тот же враг иногда поражает окормляемого холодностью сердца, духовным расслаблением, нечувствием, большими борениями, так что он приходит в недоумение: да есть ли польза от откровения, — ведь брань-то не проходит, а еще более усиливается? Все это нужно заранее знать и не поддаваться внушениям противника. Даже если старец действительно с немощами, и тогда нельзя изменять к нему чувства любви, уважения и доверия.

Оптинские старцы говорят:

«Если с верой будешь искать и принимать слова наставника, то и через грешника получишь пользу, а если с сомнением и испытанием, то и праведник не поможет». А преп. авва Доротея свидетельствует: «Кто направит сердце свое по воле Божией, для того Бог просветит и малое дитя сказать полезное». Сердце чисто и смиренно Бог никогда не уничтожит. Важно произволение вопрошающего, стремление к истине, а Господь и через неопытного по-видимому, может известить святую правду, тем более, что человек, сущий в немощах, часто умом своим знает добро и, если сам его не творит, сумеет направить к нему другого.

«Как раз это я и испытал, — говорил о. Герман. В том же Гефсиманском скиту после о. Александра пришлось мне ходить к одному старцу, который всегда советовал полезное, хотя сам был со слабостями, а потому не внушал к себе доверия, иной раз не хотелось даже идти на откровение, но Господь меня вразумил. Помня советы подвижников, как нужно бороться с неприязнью к руководителю и как важно собственное искание назидания и наставления, я продолжал открываться и имел через означенного старца большую душевную пользу».

Иные спрашивают, а что делать, если старец станет говорить против веры и нравственности? Но подобного быть не может. В самом понятии старчества мыслится все высокое, святое. Где же не замечается этого, там и старчества нет. А чтобы действительно не ошибиться в руководителе, нужно пред избранием усиленно молиться, дабы Господь послал и указал опытного духовного отца, которого потом оставлять уже не следует. Тогда старец, Богом тебе определенный, приосененный благодатию, будет говорить одно только полезное. Теперь скажем, как о.Герман в течение своей подвижнической жизни искал молитву Иисусову. Он не успел ей научиться у первого наставника своего, иеросхимонаха Александра, вследствие скорой кончины последнего, а еще более потому, что этот старец по смирению не брался обучать других.

Пришлось о.Герману обращаться за советами к местным Оптиным и особенно Валаамским отцам. Все они, к сожалению, были склонны к так называемому художественному производству молитвы. По их указанию и наш авва стал прибегать к нему, но внутреннее чувство всегда подсказывало ему, что означенный прием несовершенен и опасен. И Господь, видя искреннее и усердное искание, внушил о.Герману обратиться за разъяснениями к Преосвященному Феофану—великому учителю монашества нашего времени.

Завязавшаяся между ними по этому поводу переписка издана отдельной брошюрой под заглавием: «Ответы епископа Феофана, затворника Вышенской пустыни, на вопросы инока о молитве». Читая ее нельзя не заметить, как вначале наш старец усердно налегал на внешние приемы; он не только спрашивает о них, но даже отстаивает, например, пишет: «Разве мои ужимы и телесные напряжения бывают только в том случае, когда я не имею присущим пред собой Господа, а восчувствовав Его, никаких напряжений не употребляю».

«Трудно усадить ум в сердце, немудрено, если отцы изобрели разные для этого приемы».

«По немощи моего ума с не могу вдруг мысленно предстать пред

Господом и должен сначала много себя потрудить в поклонах».

Что же касается формы и вида художественных приемов, то они, по указанию о.Германа, могут быть разнообразны. «Одни,—сообщает он Преосвященному,—вторя молитву, первую половину произносят вдыхая в себя воздух, а вторую—выдыхая, причем прижимают пальцы правой руки выше сердца, отчего якобы ощущают хорошее, приятное чувство и спокойствие. Другие, чтобы не рассеиваться, держат внимание на устах и конце языка. Некоторые советуют иметь внешнее представление, иначе говоря, для удержания ума от блуждания воображают предмет реально. Так одна старлица, повторяя молитву Иисусову, мысленно взирала на Распятого Господу; некий инок зрел Св.Троицу, а молодой послушник старался написать умом на сердце слова «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». Иные, далее желая собрать рассеянные мысли, затаивают дыхание: тогда от натиска к сердцу ума ослабевают помыслы, но при таком приеме по временам возбуждается кашель. А один подвижник закрывал глаза, сжимал уста и зубы так, чтобы не касаясь языком зубов, выговаривать слова молитвы; иногда же производил ноздренное дыхание, что казалось ему еще лучше. Есть и такие совершители молитвы Иисусовой, которые, когда молятся кладут на грудь мокрое полотенце, а то делают так: полагают руку на стол и собирают ум под пальцами, или с тою же целью пальцами правой руки ударяют в левую ладонь. В обители же Св.Параклита схимник возбуждал в себе молитвенное настроение следующим образом: облекался во все схимнические одеяния и утруждал себя поклонами с молитвой Иисусовой до тех пор, пока становился совсем мокрым от пота, тогда он садился и ощущал внутреннее улажнение».

В ответных письмах Преосвященный Феофан упоминает вскользь о внешних приемах молитвы, как о имеющих некоторое значение только для отдельных лиц, при непрременном, однако, условии—подчинения их внутреннему деланию, и положитель-

но не советует отцу Герману прибегать к ним, считая их несовершенно и даже опасными, а подвижников, пользующихся ими, иронически называет шептунами, сопунами, кликушами и т.п. Что же касается приятных ощущений, и той сладости, которая будто-бы появляется при указанных приемах, то он признает все это духовным сладострастием и находит «пустым», «мишурным», ничего не значащим, проистекающим от кровяной теплоты сердца и ведущим часто к самообольщению и прелести. В то же время Преосвященный Феофан дает о.Герману много полезных наставлений. В системе их можно изложить так:

Молитва есть дыхание души; она должна исходить из сердца. Вся сила ее заключается не во внешних формах и словах, а в мыслях и чувствах. «Стань вниманием (умом) в сердце пред лицом Господа и говори: Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя грешного, т.е. внутренним путем достигай сосредоточенности, а не так называемыми «художественными приемами». Не легко это, но без труда ничего не бывает, необходимо подтянуться, привести в молитвенное действие все духовные силы, в частности: нужно ум заставить памятовать о Боге, о Его вседеприсутствии и близости, держаться крепко вниманием в словах молитвы; нужно волю понудить отвергнуть всякое равнодушие, дряблость, холодность, небрежность, беспечность, взять себя хорошенько в руки, не расслабляться, не распускаться, усердствовать и ревновать о своем спасении; нужно, наконец, согреть чувство страхом Божиим, благоговением к Его величию, любовью, сокрушением о своих грехах и смирением.

Многие ссылаются на болезненную рассеянность ума, на слабость воли, испорченность сердца и говорят—будто нужда заставляет прибегать к внешним приемам (х). Но, скажи, испытал ли ты все духовные силы свои, не прельстился ли советами старцев более легким способом достигнуть молитвы, и не начал ли ее прямо с художественного производства. А, может быть, испробовав первое, скоро разочаровался в возможности

внутренним путем достигнуть сосредоточенности? Нет, употреби к этому все старание: здесь труд, зато спасительный.

Надо помнить, что молитва находится в тесной связи с общим духовным устройством нашим, —чем последнее выше и чище, тем и молитва совершенней. А потому, чтобы она укреплялась и струилась в сердце, нужно всемерно заботиться о приобретении добрых качеств души—целомудрия, терпения, безгневия, кротости и т. п. Будут добродетели, будут и молитвы.

По степени развития она различается так:

1) устная (язычная), произносимая устами и языком;

2) умная, при которой не рассеянным умом и вниманием мы устремляемся к Богу, а смотря по тому, совершаем ли ее громко или же про себя, она носит название звучной и беззвучной.

3) сердечная, лучше умно-сердечная, когда происходит соединение ума с сердцем;—тут уже бывает глубокая, внутренняя молитва,—ибо мы и чувствами находимся тогда с Богом. Молитвой Иисусовой стремятся стяжать какую-то особенную сладость, но дело не в этом. Главное значение ее—служить средством для борьбы с прилогами греховными и выработки духовного устройства. А если от молитвы и истекает умиротворение души, живая любовь к Богу, теплое чувство к Нему, или, как выражаются подвижники, «особый божественный огонек нисходит в сердце», то все «сие не от нас, а Божий дар» (Еф. 2, 8). Сам же подвижник никогда не должен думать, что может своими усилиями достигнуть каких-либо особых плодов; ею он только подготавливает почву сердца к принятию их, подаваемых по Божьему благоволению одному скоро, а другому только после долгих усиленных трудов и при неприменном освящении себя таинствами покаяния и Св. Причащения.

Спрашивал о. Герман Вышенского затворника, между прочим, и о том, правда ли от молитвы Иисусовой некоторые лишились рассудка. Сумасшествие, отвечал Преосвященный Феофан, может произойти, если творящий молит-

ву не отстает от каких-либо грехов и других привычек, осуждаемых совестью. В таком случае внутри происходит глубокий разлад, прогоняющий всякую мирность сердца. Отсюда мутится голова и понятия приходят в смятение и запутанность.

Указания епископа Феофана наш старец глубоко воспринимал. В своих письмах он не раз обнаруживал согласие со всем, что сообщил ему Преосвященный. Так о. Герман писал:

«Из Ваших разъяснений о молитве и о способе ее усвоения я понял, что следует обращать все внимание не на телесное положение и внешние приемы произношения, а на чувства и мысли, необходимые при молитве. Приняв Ваш совет, теперь я стараюсь быть в чувстве вездеприсутствия Божия, умно предстоять Ему, и ощущаю какую-то особенную живость духа, в противность той мертвенности, которая обладала мной, когда я помнил об одном сердце и приводил ум в такое положение, чтобы он был выше над сердцем, думая в этом найти настоящую молитву... Есть зажигательные стекла, обращая их к солнцу и наводя проходящий через них свет на какую-либо вещь, можно согреть ее и даже воспламенить, так же, полагаю, будет, если я стану часто взирать умом и сердцем к истинному Солнцу-Христу, тогда Господь по Своей благодати согреет и мое сердце».

В последующее время о. Герман так утвердился в мыслях Вышенского затворника о молитве, что не иначе говорил о ней, как словами своего великого наставника, пред памятью которого весьма благоговел. Свою любовь к нему он засвидетельствовал потом сооружением неугасимой лампы на его гробнице.

По примеру епископа Феофана, наш авва, делавшись старцем, не одобрял внешних приемов молитвы, причинивших ему в свое время не мало затруднений. Желая предостеречь своих учеников от художественного производства, он любил рассказывать следующий эпизод из жизни Гефсиманской обители: «Были у нас два инока, понявших наставление: «когда творишь молитву Христову,—стань умом в

сердце» слишком реально. Они, представив себе, что ум и сердце—эти внутренние силы наши—для успеха в молитве нужно непременно сосредоточить на соответствующих им внешних органах, отправились к знакомому доктору с просьбой показать им сердце на карте. Когда тот исполнил их просьбу, иноки, срисовав его, возвратились домой и стали творить молитву, имея каждый пред собою рисунок. Внимание их было напряженное. Наконец, одному начинает казаться, будто сердце постепенно расширяется, охватывает его так, что он уже весь сидит в нем; в радости подвижник сообщает об этом товарищу, а тот, в свою очередь, хвалится, будто и он того же достиг, как вдруг у первого сердце лопается, мираж рассеивается и пред ним остается простой рисунок. Со скорбью передает инок своему другу о несчастье, а последний признается, что и с ним случилась та же беда.

Так всякие искусственные средства для возбуждения молитвы пусты и ничтожны; они только напрасно расходуют энергию и нередко приводят к самообольщению». Таким замечанием обычно заканчивал о. Герман свой рассказ о гефсиманских делателях молитвы.

Много мы беседовали с нашим аввой еще о вредном влиянии на молитву помыслов, течение коих бывает иной раз так настойчиво, что подвижник приходит в изнеможение и отчаяние. Хорошо поэтому знать их природу и средства для борьбы с ними. Развитие воображения, во-первых, зависит от темперамента данного лица и от окружающей его обстановки. Натуры впечатлительные, мнительные, нервные легко поддаются помыслам, а суета, многопопечительность, всякого рода неприятности, огорчения и волнения служат источником для их возникновения. Нужно создать, как в душе, так и во вне, спокойствие, тишину, умиротворение, при которых только и возможна молитва. Не потому ли и в правильниках в начале обыкновенно печатается совет: «постой мало молча, дондеже утешатся вся чувства, и тогда сотворив три поклона, начинай молитву».

Второй причиной развития помыслов бывает усталость ума, когда он делается неспособным к серьезному и сосредоточенному мышлению. Подобного рода явления приистекают от напряженной умственной работы. В таком случае хорошо заняться физическим трудом, рукоделием или просто прекратить на некоторое время книжные занятия и дать себе заснуть (задремать).

Помыслы далее всеваает враг. Тут противодействующее значение имеет святыня, которой подвижник должен всегда себя ограждать: это крестное знамение, св. вода, св. елей и т.п. Хорошо также действует гнев на врага, закливание и полное пренебрежение его кознями.

Бывает еще рассеянность ума от простой нашей распушенности, дряблости, нежелания подтянуться, взять себя в руки. Не следует забывать никогда, что Царствие Божие нудится, и только «нуждницы» (употребляющие усилие) восхищают его (Мф. 11, 12).

В духовных делах вообще необходимы великие подвиги, без которых нельзя достигнуть подавления и вредных помыслов, особенно же нечистых, страстных, мешающих сосредоточиться на молитве. Стрдание от них бывает иной раз весьма тягостное. В аскетике указывается множество средств для борьбы с ними, но главное—это смирение, терпение, открытие духовному отцу, хранение чувств от всего, что может питать сластолюбие,—пост и физический труд. А так как доброе в нас совершает Господь, то присоединить надо к сказанному еще надежду на единую только помощь Божию, как и поет праведный Давид: «возверзи на Господа печаль твою и Той ты препитает» (Пс. 54, 23).

Как бы в заключение всех наших рассуждений о молитве, о. Герман говорил: «есть такие счастливые подвижники, которые достигают непрестанной молитвы. Состояние ее хорошо сравнить тогда с ручейком. Как последний постоянно течет и журчит, так и молитва, когда внедрится в серд-

це, струится уже там непрерывно. В этом предел исканий молитвы Иисусовой».

Тихо, мирно проходила иноческая жизнь о. Германа в Гефсиманском скиту. Он успел стать монахом, иеродиаконем, иеромонахом и даже братским духовником. Узнала о нем Московская Духовная Академия. И вот келлия его сделалась уютным уголком, где многие ученые иноки находили себе окормление и утешение. Такие видные деятели того времени, как ректор Академии Антоний Храповицкий, инспектор о. Григорий Борисоглебский и др. были духовными детьми о. Германа. Но Господь к иному деянию готовил его.

Когда наместник Св. Троице-Сергиевой Лавры, архимандрит Павел пожелал возобновить Зосимову пустынь и искал туда настоятеля, то остановился на нашем старце. Никогда не искал о. Герман начальнических трудностей, не думал расставаться с Гефсиманской обителью, в которой протекло уже 30 лет его лучшей иноческой жизни, однако за послуша-

Внутренний вид Зосимовой пустыни с собором во имя Смоленской иконы Божией Матери с приделами Архангела Рафаила и прочих Сил Небесных (северный) и во имя преподобного Зосимы, Соловецкого чудотворца (южный). Заложен 1.5.1894, освящен 8-9. 7.1900

ние принял предложенное назначение. С ним в Зосимову пустынь перешли двенадцать преданных учеников.

В основу своей деятельности положил о. Герман такое правило: внешнее созидание монастыря наводить так, чтобы оно способствовало внутреннему устройению братии. Исходя из этого он покупает вокруг участки земли, дабы предупредить появление вблизи обители дач и поселков, с той же целью не проводит шоссе к станции, отводит вдаль проезжую дорогу, спасая иноков от шума и столкновения с мирскими людьми; делает в разных местах загородки, ворота, преграждая, с одной стороны, выход братии из обители, а с другой, вход в нее посторонним лицам; устраивает корпуса со множественностью помещений, давая возможность каждому брату жить в отдельной келлии и удобно подвизаться. Вводит физическую работу для всех насельников, не исключая и старших, не ради прибытка и корысти, а для того, чтобы облегчить борьбу с плотью; ибо он хорошо знал, что труд, соединенный с молитвой, угашает пламень страстей. Обеспечивает братию пищей, одеждой, топливом и всем необходимым, дабы материальные лишения не повергали их в скорби и не нарушали бы духовного равновесия. Благоукрашает храмы, равно как и всю обитель, и тем возвышает дух ее насельников, укрепляет любовь, привязанность их к своему монастырю.

Употреблял о. Герман и чисто духовные средства к тому же воспитанию иноков. Так прежде всего потребовал он неопустительного посещения церковных служб и особенно полунощницы и утрени. О последней старец обыкновенно говорил словами св. отцов: «Утренняя есть жертва наша Богу, тогда как Божественная литургия — жертва Господа за нас». Ввел наш авва и строго уставное богослужение с умиленным пустынным напевом, организованным одним из учеников его, иеромонахом Нафанаилом. Зосимовский «Блажен муж», «Хвалите имя Господне», ектении и др. глубоко ложатся на сердце и никогда не забываются потом.

Установил далее дисциплину и порядок везде и во всем: в церкви, на клиросе, в трапезе, на послушаниях и в домашнем быту; искоренил такие пороки, как своеволие, пристрастие к вину, к табаку и шатанию по миру, а, главное, насадил духовное окормление братии. Сам — ученик славного о. Александра — о. Герман, как мы раньше сказали, видел в старчестве великую силу для нравственного созидания инока, в чем еще много помог ему иеромонах о. Алексей, поступивший в обитель почти одновременно с ним. Их трудами Зосимова пустынь процвела «яко крин в пустыне» и сделалась известна не только в Москве, но и по всей России.

Со всех сторон потянулись сюда мирские люди, ища молитвы, покаяния, совета и утешения.

Но враг рода человеческого, как известно, не любит, когда монастыри благоустраиваются и духовно растут. По злым наветам скоро начались скорби и у о. Германа. Прежде всего один из 12 учеников, иеромонах Н., назначенный своим же старцем в казначеи, разошелся с ним и стал не только противоречить, но и доносить в Духовный Лаврский Собор на него, обвиняя в неправильном ведении приходо-расходных книг, самовольном распоряжении пожертвованиями, неумелом ведении хозяйства и т. д. Начальство, к сожалению, приняло сторону доносчика. На мою долю выпало оправдывать старца пред высшими духовными сферами, доказывать, что о. Герман исключительный и единственный в наш век авва, что к нему нельзя предъявлять тех формальных требований, какие обычно предъявляются настоятелям, что Зосимова пустынь — его родное детище, им созданное, хранимое, духовно и материально окормляемое, а потому учитывать о. Германа нельзя, так как весь приток пожертвований делается ради него самого. Плод трудов старца налицо: обитель внутренне и внешне процветает; остается только удивляться энергии строителя и преклоняться пред его делами.

Но такие убеждения наши ничуть не действовали на совесть противников, а, наоборот, еще более их раздражали. Дело кончи-

лось изгнанием аввы из Зосимовой пустыни в Махрицкий монастырь. Это было выдающееся по своей несправедливости событие в церковной жизни Московской епархии. О нем заговорили чуть ли не по всей России. За старцем последовали Гефсиманские ученики его, за исключением одного «предателя».

Но Господь устроит во благо. Нужно сказать, о. Герману жить стало тяжело в Зосимовой пустыни, неприятности сильно смущали его. И вот ссылка умиротворила все. О своем изгнании старец потом рассказывал так: «Когда я прешел в Махру, то весьма успокоился духом. Как некогда преп. Стефан принял друга своего преп. Сергия — по удалении его из обители, так и меня, после скорбей в Зосимовой пустыни, приютил тот же угодник Божий в своем монастыре».

Прощаясь с Зосимовской братией в храме, он говорил: «Прошу у всех прощения и благодарю за труды. Без вас я ничего сделать не мог бы. Все, чем красуется обитель, есть плод подвигов ваших и послушания; знайте, однако, я оставляю пустынь не самовольно, а по распоряжению моего духовного начальства. Простите же меня за все; я уезжаю 14 сентября, в тот самый день, когда св. Иоанн Златоуст изгнан был из своего града, в чем нахожу для себя подкрепление и утешение». Такое искреннее признание дало однако повод недоброжелателям усмехаться и говорить: «Смотрите, каков, еще осмеливается сравнивать себя с Златоустом». Недолго продолжалось несправедливое удаление о. Германа. Через два месяца 14 ноября, он, по слезным просьбам духовных чад своих, был снова водворен в Зосимову пустынь, и опять событие это совпало со днем прибытия Св. Иоанна Златоустого на Константинопольскую кафедру.

Мы не описываем подробно Махрицкого заточения нашего аввы, так как пришлось бы тогда много говорить о человеческих неправдах, касаться личностей, чем потревожилась бы смиренная память уже почившего старца. Нам важен только факт, засвидетельствованный жизнью его, что часто добро не понимается, и св. люди не

ценятся, страдают. В деле возвращения о. Германа из ссылки имело большое значение, между прочим, ходатайство одной высокой и святой подвижницы, участие которой несомненно зачтется пред Господом в большую заслугу и будет одним из драгоценных перлов в ее небесном венце.

Махрицским изгнанием, однако, не окончились скорби нашего старца; они продолжались в течение всей его жизни. Кому-то нужно было постоянно тормозить полезную деятельность отца Германа: то не разрешали ему устраивать какой-нибудь сарай, забор, то предписывали открыть калитку, где не следует и т. д. Только непреклонное стремление к духовному устройению братии и уверенность в правоте дела помогли преобладать все препятствия, но дух его всегда был неспокоен. И понятно, как истинный монах о. Герман стремился быть в подчинении у старших, а тут настойчивое проведение в жизнь задуманных планов являлось как бы ослушанием начальству... Трагизм души его был велик, свидетелем их Господь судил быть и мне.

В неприятностях нашего аввы с Лаврским собором было замешано, однажды, и мое имя. Как-то в братской беседе с о. Германом, старцем Алексеем и мною грешным, решили в новостроющемся корпусе, близ настоящего помещения негласно соорудить храм для уединенной молитвы с расчетом, чтобы он приходился среди наших келлий. Узнали об этом в Лавре. Немедленно послана была комиссия осматривать новую постройку и когда духовные ревизоры заметили арку и другие приготовления для церкви, велено было все разрушить, а относительно меня старший член сказал: «Какую келлию отвели здесь Чудовскому архимандриту? Палкой его нужно гнать отсюда». С большими затруднениями о. Герману пришлось достроить здание и, конечно, уже без храма.

Много скорбей переносил наш авва и от братии: не все его понимали, не все охотно подчинялись заведенным им порядком, между тем как всякое нарушение уставов обители тяжелым камнем ложилось на сердце о. Германа, серьез-

но смотревшего на монашество. Бывали случаи, когда он чувствовал полную оставленность и одиночество.

Как-то раз, в виду затруднения в дровах, батюшка предложил братии, перейти служить на зиму в небольшую церковь «Всех святых», которая находилась в связи с его помещением и, таким образом, являлась удобной для посещения им богослужений.

50 лет, живя в монастыре, наш старец навек неопустительно ходить к полунощнице и утрени, и хотелось ему до смерти исполнить монашеский долг, но болезнь ног, слепота и полное изнеможение лишали его возможности во время холодов бывать в соборе. К сожалению, братия запротестовала. Когда узнал я об этом, сильно поскорбел душой. Обидным и горьким показалось мне такое невнимание к престарелому игумену. Невольно подумал я: «Какое забвение трудов и попечений незаемимого строителя». Быть может немного уж остается ему жить: придет время, когда иноки взыщут отца, но не будет его между ними; поэтому-то, как нужно было бы дорожить совместной молитвой с благодатным аввой, будь то даже в тесноте и неудобстве»...

Когда вспомнишь скорби и затруднения, с какими о. Герман устроил Зосимову пустынь, невольно задаешь вопрос, — откуда приходили все препятствия, кто тормозил его святое дело? Несомненно тот, кто изначала ведет борьбу с добром, как всегда силится разрушать дело Христово: враг рода человеческого через своих клеветов-людей (мира сего) «делал сие».

Но если о. Герман нес скорби от лжебратии, зато много имел утешения от ближайших и верных учеников. Нравственная связь последних со старцем была удивительная. По-видимому, сурово он относился к своим духовным детям, и как бы всегда обличал их; но была у него своя тактика воспитания: следить за каждым шагом брата, принятого в руководство. Наш авва чувствовал любовь окормляемых чад и был уверен, что строгость не повредит их настроению, а наоборот принесет большую пользу. И вот ни на ми-

нуту он не давал никому, как говорится, распоясаться, расслабевать. Вспоминаю такой случай:

О. Герман, я и один из его преданнейших учеников, иеромонах М. (Мельхиседек) отправились в Махрицкий монастырь на 500-летний юбилей обители. По приезде туда отвели нам троим общую келлию. После торжественного всеобщего бдения, продолжавшегося до 12 часов ночи, мы, усталые едва доплелись на отдых в свое помещение. Несмотря однако на это о. Герман велел о. М. идти к ранней литургии помогать служащему иеромонаху вынимать профессоры. Прочитав на сон грядущий молитвы и пожелав друг другу доброго сна, каждый из нас улегся. Батюшка быстро заснул, а мы несколько замешкались: когда стали укладываться, о. М. показалось почему-то, что мне неудобно, и он принудил меня поменяться с ним койкой. Едва я задремал, как услышал голос о. Германа, направленный к моей постели: «пора тебе вставать к ранней». Так как это говорилось не по моему адресу, я продолжал спать; тогда старец, спустя несколько минут, подошел ко мне и начал будить уже энергично, укоряя такими словами: «Ах, ты, этакий соня, до каких же пор ты будешь рассыпаться, небось уж ранняя началась?» Такие замечания батюшки относились к о. М., а последний спал «как убитый». Тогда я решил смиренно сказать строгому авве: «Это я Арсений, вы же по всей вероятности, стараетесь разбудить о. М... Он поместился на следующую постели». — «Простите Бога ради, — завопил тогда старец, — а я думал, здесь спит М., ведь он тут ложился»... От меня батюшка перешел к о. М., и уже досталось ему... Слышно было, как в одну минуту он соскочил с койки и быстро исчез из келлии. Тут же зазвонили к ранней литургии.

И чем преданней оказывался ученик, тем взыскательнее относился авва к нему, как бы во исполнение слов Библии: «Его-же любит Господь, наказует» (Притч. 3, 12). Особенно много укоров от батюшки терпел тот же о. М. даже при посторонних людях, но стоило только скрыться ему с глаз, как старец начинал его расхваливать.

«Вот у меня о. Мельхиседек молодец! Куда не пошли, всюду идет, а как любит истовое богослужение, настоящий старовер. Кажется он сродни им».

И надо сказать, строгость о. Германа не расколаживала привязанности близких к нему чад. Очевидно они хорошо понимали, что старец от всей души желает спасения им, скорбит, когда нравственно кто расслабляется и прилагает все старание к внешнему благополучию их. За все это братия отвечала покорностью, послушанием, преданностью, а в обращении с ним проявляла какую-то особенную нежность и тишость.

Впрочем о. Герман изредка баловал своих учеников, чем доставлял им большую радость. Припоминаю Прощеное воскресенье. В этот день, как известно, после положенного обряда прощения, время между вечерней и отходом ко сну проводится в обители иноками в отдохновении. Вот и батюшка тогда имел обыкновение приглашать преданных чад к себе для некоего утешения. Все они садились за длинный стол, пили чай, угощались всякого рода сладостями—пряниками, конфетами, орехами и вели духовную беседу. Председательствовал, конечно, авва, на которого взирали все со смирением, внимая каждому слову его. В те минуты особенно чувствовалось между ними сродство: «Вот уж истине отец и чада его», хотелось говорить о них. Великим счастьем считали и мы для себя побывать на таком мирном братском собрании. Нежная любовь иноков к своему наставнику, их детская чистота, простота и кротость—как-то умиротворяли душу.

Такое же искреннее отношение приходилось наблюдать между батюшкой и мирскими его духовными чадами. По первому впечатлению, многие светские люди готовы были думать, что о. Герман ригорист, строгий формалист, не извиняющий немощей, однако это было не так. В нем жил свободный дух Христов; он ничуть не удивлялся грехам и нравственным падениям, а только скорбел о том, как слаб человек без помощи Божией, как ему нужно быть осмотрительным в жизни. И если к нашему авве приходили с сердечным

покаянием, желанием исправиться, он с радостью принимал таких и любовью покрывал всех, во смирении преклонивших сердца пред Господом Богом. Вот это обстоятельство и влекло к нему многих серьезных людей, которые потом находили в нем настоящего отца. А как располагался сам старец к добрым чадам своим, искренне ищущим спасения, видно из того, что всегда он вспоминал и говорил о них с нежной любовью, и при чем, как бы от удовольствия, приятно улыбался.

Были и у о. Германа духовные друзья. Укажем, между прочим, на игумению Аносинской женской пустыни Иоанну. Батюшка время от времени проводывал ее с целью поучиться монашеству и поутешиться беседой. Как-то раз и я ездил с ним к старице. Кстати, со слов нашего аввы, передам о ней кое-что назидательное.

Матушка Иоанна не принимала никаких личных услуг: сама делала все в своей келлии—убирала, топила, ставила самовар и т. д. Отдельного стола не имела, а пользовалась общим, сестринским и, как говорят, за все свое долговременное игуменство ни разу не нарушала этого правила. Церковные службы посещала неопустительно: последний выход ее в церковь был за два дня до смерти.

Когда мы приехали, шла всенощная. В храме о. Герман обратил мое внимание на то, что шестопсалмие, поучение и канон читала матушка Иоанна, и «знаете ли вы,—сказал батюшка,—она ежедневно несет эту череду, служба большим примером сестрам». Замечательна, далее, была любовь Аносинской игумении к св. Иоанну Златоусту, имя которого она носила. Изображения святителя лепные и художественные во множестве украшали ее келлию; тут же на отдельном столике находились все его творения. Одно только слово «Иоанн», где бы не произносилось, уже умиляло старицу. «Читаю ли я,—говорила,—книгу, стою ли в церкви во время помяника, веду ли с кем разговоры, сердце мое при каждом произношении имени «Иоанн» почему-то радуется».

Как настоятельница, игумения Иоанна была строга. Принимая в

обитель сестер, она брала с них подписку—до смерти безвыходно пребывать в монастыре, не разрешала никаких поездок и отпусков на родину. Вела старческое окормление и всемерно заботилась, дабы насельницы обители не проводили время праздно.

Вот такую дивную старицу почитал наш авва. Приятно было видеть свидание двух друзей. О. Герман смирялся перед матушкой Иоанной, а та пред ним. В разговоре и беседе их чувствовалось взаимное доверие, общность интересов и великая духовная опытность: между ними было святое сродство,—был Христос Господь.

Сам о. Герман являл собой пример строгого инока. Хорошо называть его столпом современного монашества, ибо всегда он духовно бодрствовал. Стоило с ним провести одни сутки, чтобы убедиться в сказанном. Ежедневно он проходил круг суточного богослужения, для чего неопустительно посещал храм, и только в крайнем случае вычитывал службу в келлии. Удивительная была любовь его к дому Божию. Когда во время болезни братия советовала ему посидеть дома и не ходить на полунощницу и утреню, он говорил обыкновенно: «Как вы жестоки ко мне, не хотите, чтобы я умер в храме. Ведь это для инока высшее счастье, вожденное благо; монаху ли нежиться в келлии, когда он должен принадлежать Богу». Та же ревность о спасении заставляла его не предаваться излишнему и продолжительному сну. Он спал в подряснике, то и дело вставая с постели, чтобы положить несколько поклончиков или же потянуть четки с молитвой Иисусовой.

В какое бы время не пришлось войти к нему в помещение, всегда бывало, застанешь его бодрствующим.

Кроме молитвы Иисусовой наш старец имел еще дар самоукоренения. Некоторым странно казалась его привычка что-то говорить про себя. Иные думали, уж не осуждает ли он кого-либо. Оказывается, батюшка постоянно охаивал себя. А ночью часто у него происходила целая война с самим собой. Как-то раз он посетил нашу киновию. В беседе старец изливал мне обительские скорби, жаловался на не-

мощь и недостатки, причем в разговоре не мог вспомнить имя одного послушника. И вот в полночь, приводя к итогу пережитое днем, авва так себя обличал: «откажись от игуменства, на что ты похож: слепой, глухой, безпамятный, за был даже своего брата, какой же ты игумен, откажись, откажись!..» При этом старец часто пускал в ход четки, изрядно ударяя себя ими.

Далее, о Герман любил подкрепляться святыней. Пьет святую воду и приговаривает: «ах как приятно попить св. водицы, какая вкусная»... Все благодатные средства считал он данными от Бога врачеванием и утешением, к которому нужно прибегать постоянно, потому что было бы странно иметь в руках такое духовное богатство и не пользоваться им.

У нас вошло в обыкновение собороваться только перед смертью, часто не причащаться и т.д. О Герман чужд был подобного мнения. Его сердце льнуло ко всему святому, особенно к причащению. Однако, чтобы не смущать братию и не выделяться, старец часто тайлся с этим великим Таинством. Преданные ученики незаметно приносили ему св. Дары из храма в келлию... Но зато, когда Господь приводил нас гостить у батюшки, мы с ним уже свободно вкушали Трапезу Господню... То же самое бывало и при приездах старца к нам в Москву. Последние два года перед кончиной уже ежедневно принимал о. Герман св. Тайны, о чем скажем ниже, при описании смертных дней его жизни.

Наш авва не получил законченного образования, но путем чтения святоотеческих творений, общения с учеными людьми, а еще более христианским воспитанием ума и сердца достиг большого духовного опыта и богословских познаний. Он отличался любознательностью, доказательством чего служит оставшаяся после него библиотека, а также изданные им следующие книги:

различных деланий монашеской жизни»;

5) «Старчество. Мысли св. отцов о необходимости и пользе старческого руководства в духовной жизни»;

6) «Зосимова пустынь во имя Смоленской Божией Матери Владимирской губернии Александровского уезда. Летописный очерк»;

7) «Изречение св. отцов о плотской страсти. Выбрано из Добротолюбия».

О. Герман интересовался всеми церковно-общественными вопросами нашего времени и высказывал свой просвещенный взгляд.

Так, когда велась литературная полемика между инспектором Духовной Академии, архимандритом Евдокимом и Лаврским архимандритом Никоном о том, какую форму жизни должны иметь современные монастыри, — деятельную, или созерцательную, наш старец всем говорил, что по своим неизменно-евангельским задачам и самому именованию уже монашество составляет институт лиц, порвавших всякую связь с миром. Работа над самим собой вдали от него ради достижения спасения — главная цель инока. Этим, однако,

не исключается в последнем любовь к ближнему, которая должна проявляться только так, как возможно для монаха, а именно в молитве за других, в нравственном воздействии на людей и врачевании греховных человеческих язв.

Утрачено у нас понимание духовной жизни, потеряно обаяние подвижничества, как живого при-

Праздники Зосимовой пустыни

Особенно торжественно обитель праздновала:

- 17 апреля**—престольный праздник правого придела соборного храма в честь св. Зосимы;
- 15 июня**—годовщину смерти старца Зосимы;
- 5 июля**—престольный праздник трапезного храма;
- 8 июля**—освящение соборного храма в честь Смоленской иконы Божией Матери;
- 9 июля**—освящение приделов собора: правого—в честь преподобного Зосимы, Соловецкого угодника, и левого—в честь архангела Рафаила;
- 28 июля**—престольный праздник соборного храма. Во время всенощного бдения совершается крестный ход вокруг собора, а в самый день праздника бывает большой крестный ход вокруг обители;
- 31 июля**—положение пояса Богоматери;
- 19 сентября**—освящение храма всех святых над воротами обители;
- 25 сентября**—престольный праздник трапезного храма;
- 8 ноября**—престольный праздник левого придела соборного храма.

1) «О жизни и подвигах затворника Гефсиманского скита, что близ Троице-Сергиевой Лавры»;

2) «О иеросхимонахе Александре»;

3) «Ответы епископа Феофана, затворника Вышенской пустыни на вопросы инока о молитве»;

4) «Ответы епископа Феофана, затворника Вышенской пустыни на вопросы инока относительно

мера христианской жизни, вот поэтому и хотят навязать обителям многопечительность. Говорят: современные монастыри не выполняют задачи своей, тогда по крайней мере они должны служить миру; но в таком случае правильнее переделать их в религиозно-просветительские учреждения, наподобие католических орденов, отняв название монастырей. Монастырь же, как таковой, давно определил свою настоящую форму жизни, принятую и освященную св. Церковью Христовой.

Когда был монашеский съезд в Св. Троицкой Лавре, командировали туда и нашего авву в качестве представителя от Московской Епархии.

Духовный опыт о. Германа ценил и Св. Синод. При так называемых афонских спорах об имени Иисусовом Высшее Церковное Управление запрашивало письменно старца дать свое суждение, он отвечал, что молитва Иисусова есть дело сокровенное, а потому поднятый вопрос следовало бы покрыть любовью.

Имея дар духовного рассуждения о. Герман хорошо далее распознавал прелесть. Многим, так называемым блаженным, носящим вериги, чугунные шапки, посохи, предсказывающим и бегающим зимой и летом без обуви, он не доверял, а нечувствительность их к холоду объяснял простым горячением крови. «Однажды, — рассказывал старец, — в Зосимову пустынь во время больших морозов появился какой-то странник в веригах, с босыми ногами. При разговоре с ним я заметил, что у него мало смирения. Ну, думаю, он в прелести. И вот, дабы испытать пришельца, говорю ему: сбрось с себя цепи, да покайся в грехах, от которых ни один человек в мире не свободен; к нам в обитель за тем и приходят, чтобы смиряться и каяться, а если не хочешь этого делать, то уходи сейчас же из нашей пустыни и не смущай братию. Мнимый подвижник продолжал однако гордиться, обличать и что-то прорекать, но я строго еще раз приказал ему оставить ханжество. После некоторого раздумья он, наконец, послушал меня, отложил в сторону доспехи свои, умилился духом, исповедал-

ся, причастился и тут же почувствовал холод, так что не мог стоять уже на морозе; пришлось дать ему обувь и с миром отпустить домой».

Мое знакомство с батюшкой о. Германом началось еще с академии. Большое воспитательное значение имел для меня, как сам старец, так и его обитель; я нравственно здесь отдыхал и учился монашеской жизни. Одна беседа уже, после совершения Божественной Литургии, за чаем в помещениях аввы, в кругу скромных и выдержанных зосимовских иноков, каждый раз мне давала урок духовного трезвения. Помню, в присутствии такой братии всякое слово осуждения, неправды и превозношения задирало совесть. А сколько благодатного утешения получено от совместного служения со. Германом в храме Божиим, ежегодного соборования с ним и многократной исповеди в святой его келлии...

Однако батюшка не сразу приблизил меня к себе. Сначала оставался я в гостинице, затем внутри обители в наместнических покоях, и только через несколько лет знакомства он включил мое недостоинство в число ближайших своих учеников и даже сокелийников, предоставив мне келлии в так называемом старческом корпусе, рядом с собой. Наше общение и духовная дружба окрепли потом настолько, что мы делились друг с другом всеми скорбями и радостями. Поделам о. Герман имел обыкновение ежемесячно приезжать в Москву, и я был всегда счастлив давать ему приют у себя. Важные моменты в моей жизни ознаменованы его присутствием: он участвовал при хиротонии меня в епископы, освящая келейный мой храм в честь св. Иосифа и т. д. Много им преподано мне и благих советов.

Прежде всего батюшка долго не благословлял принимать на исповедь кого бы то ни было. Он говорил: это тяжелый крест, особенно для инока; если есть возможность избежать, то и не начинайте духовничества. Приходские пастыри и монастырские старцы по необходимости, за послушание, несут его, но опрометчиво поступают те священники, которые сами стремятся взять на себя указанное де-

ло. Ничего нет дороже для монаха, как иметь ум и чувства, неуязвленными нечистыми движениями, — мирно, отрадно тогда на душе. Исповедуя же других, можно нарушить спокойствие и подвергнуться плотским борениям; некоторые, вследствие этого не только потеряли душевное равновесие, но и целомудрие. Особенно брать на себя духовничество не следует тем ученым инокам, которые ничем не обязываются к нему. По мнению св. отцов-аскетов, враг имеет стремление не оставить ни одного человека в мире в девстве. И вот они улавливают пастыря-подвижника даже при исповеди приходящих, развивая от выслушивания грехов мысленную брань, любопытство, дурные чувства и т. п. Нужно иметь большой духовный опыт, испытанный возраст и глубоко молитвенное настроение, чтобы не поддаваться внушениям сатаны.

Изнемогая в столичной сутолоке с народом, я не раз просил батюшку благословить перейти мне на жительство в его пустынь. Поощряя подобное стремление вообще, он не советовал, однако, в молодых годах отказываться от послушания, приводя мнение Преосвященного Феофана затворника, любившего говорить вопрошавшим о покое: «пока не выпрягут, сам не выпрягайся».

Как бы в пояснение, почему не следует от службы уходить раньше времени, старец говорил: «уединенникам враг приводит на память прежние грехи и, раздувая самые малые до ужасных размеров, повергает их в уныние и страшную тугу. Все это можно отогнать только молитвой, поэтому нужно прежде привыкнуть к ней, а потом уж думать о покое». Говорил еще батюшка следующее: «в предсмертный час враг устрашает также памятью о прежних падениях. Не потому ли при кончине многие исторгают такие вопли: «не простит меня Господь, вечная мука ожидает меня». И опять здесь много значит молитва: именно она способна рассеять чувство отчаяния у умирающего. Счастлив поэтому тот, кто сумел стяжать ее в жизни, не страшны такому ни затвор, ни уединение, ни даже смерть».

Еще жаловался я батюшке на слабость здоровья. Телесные немощи, говорил старец, благодетельны для инока: они смиряют его, помогают в борьбе с похотью и часто заменяют те подвиги, без которых монаху не обойтись. В частности для желудка хорошим лекарством служат «поклончики», прекрасно регулирующие пищеварение; по крайней мере, я часто сам прибегаю к ним и получаю большую пользу.

Иметь общение с о. Германом было высоким счастьем и утешением. Какое-то спокойствие водворялось в душе при беседе со старцем. Хотелось все откровенно ему говорить, а главное бодрствовать духовно; дурное, греховное отходило в сторону, высокие святые намерения и чувства переполняли ум и сердце. Особенную приятность доставляло совместное с батюшкой путешествие. Благодатный мир, царивший в нем, выступал наружу тогда и обвеивал спутника. Никогда не забуду нашу поездку в Брянские леса по предложению духовного сына его Д.А.О.—осмотреть принадлежащее ему имение для устройства женской обители. Забрались мы в самые глухие места, где по полотну железной дороги, временно устроенной с целью эксплуатации леса, пришлось нам катить на дрезине верст 20 к месту назначения. Батюшка благодушествовал, и я с ним. По приезде, мы все осмотрели кругом, облюбовали близ речки красивый бугорок, пропели здесь тропарь «Успению» и благополучно возвратились домой.

Итак, о. Герман был для меня поистине родным отцом, ибо относился ко мне с необыкновенной нежной любовью, снисходительностью и доброжелательством. Он радовался успехам моим и искренне скорбел при болезнях, невзгодах, постигавших меня. Я не имел более близкого человека, как ба-

тюшка, которому всегда все можно было говорить, не боясь, что осудит он, не поймет, позавидует.

С другой стороны и о. Герман любил делиться со мной своими скорбями и думами, или, как он выражался, «проверять себя».

Автор воспоминаний о игумене Германе—архиепископ Арсений (Жадановский, †1937), Серпуховской

Вся его внутренняя жизнь была мне известна. За несколько лет до смерти, чувствуя слабость здоровья, он принял от моей грешной руки пострижение в тайную схиму. Искал о. Герман ее, еще будучи в Гефсиманском скиту, о чем писал преосвященному Феофану-затворнику, но последний отклонил тогда желание старца, заметив: «будет время, когда схима сама к Вам придет». Так и случилось. Слепота, глухота и дряхлость организма заставили батюшку в конце жизни почти все время пребывать в келлии в безмолвии, что собственно и требуется от схимника. Считая себя недостойным этого монашеского чина, он однако ре-

шился принять его по следующим мотивам: «Схима,—говорил,—облегчит и покроет от содеянных в монастыре грехов и даст случай еще раз подтвердить пред лицом Божиим иноческие обеты, которые так часто я нарушал, а вместе низведет на меня, немощного, благодатную помощь к их выполнению».

Постригал я о. Германа в келлии, в глубокой тишине, вечером под 29 июля 1916 года, когда в обители совершалось всенощное бдение. Присутствовали три лица—духовный мой друг архимандрит (Серафим) и два самых преданных ученика старца—иеромонахи—Мельхиседек и И***. Трогательная, вместе торжественная была минута. Батюшка переживал высокий подъем духа; распростираясь по земле, он всего себя отдавал Господу Богу. Тут были и слезы: плакал сам старец, и мы с ним. Замечательное при этом произошло совпадение. Когда я начал пострижение, раздался третий звон, при окончании же—4-й—торжественный, заключительный. Невольно тогда я подумал: быть может братия и не чувствовала сердцем, какое святое событие происходило с их отцом, зато созданная им обитель отметила столь важный момент в жизни своего строителя.

Как мы сказали раньше, нашего авву всегда смиряли. Не обошлось дело без этого и по принятии им схимы. Однажды надел он шапочку покойного старца, иеросхимонаха Александра, и в ней показался в алтаре церкви «Всех святых». Лаврское начальство, узнав, как бы радея о духовном воспитании своих подчиненных, усмотрело в таком поступке игумена признаки превозношения, нарушения правил тайного пострижения и немедленно же предложило ему впредь не обнаруживать его пред другими.

Когда исполнилось 50 лет монашества о. Германа, преданные ему чада хлопотали о том, чтобы юбиляра почтить митрой, — венцом за все труды и подвиги. Но Лаврское начальство опять отвергло ходатайство, как ненужное для схимника, и представило только к награждению палицей, которая дается собственно всем игуменам при их поставлении, а наш смиренный авва, пробывши строителем 20 лет, не имел даже и ее. Тогда лично мы испросили ему у Святейшего Патриарха наперсный крест с украшениями. Надевая означенные знаки на батюшку, дерзнул я сказать: «Для тебя не важны, конечно, сами по себе никакие награды земные, ибо ты ищешь единой почести у Господа Бога, но нельзя пренебрегать и церковными отличиями, которые даются для нашего духовного подкрепления и утешения.

Вот теперь на тебя возложена палица-меч духовный и крест: с первым ты легко при жизни будешь поражать невидимых врагов спасения и, в особенности, при переходе в загробную жизнь отразишь всех духов злобы поднебесных, заграждающих путь нам в Царство Небесное. А крест? Он тоже оружие на диавола, при чем надевший на тебя сегодня, к тому же сияет, ибо украшен блестящими камнями, этими символами понесенных тобою в жизни многих трудов, неприятностей, скорбей, которые, несомненно, у Господа претворятся для бессмертного духа твоего в светлые бриллианты. Радуйся же, старче Божий, и благодаря Господа Бога, милующего и спасающего тебя».

Между тем жизнь подвижника заметно приближалась к концу: он стал дряхлеть и болеть. Но смерть не застала его врасплох, неприготовленным, как это часто бывает с людьми мирскими, суевившимися в земных попечениях.

Напротив, батюшка, чувствуя все увеличивающееся телесное недомогание, за несколько лет начал особенно готовиться к исходу. Прежде всего надо отметить плач его о грехах и сокрушение о том, что ничего он полезного не сделал ни для себя, ни для других. Кто из посещавших старца за последние годы не заставлял его в покаянии и

слезах, кто не слышал его воздыханий ко Господу и Пречистой Божией Матери: «Господи, как явлюсь Тебе, Создателю моему? Как предстану на праведный суд Твой—Какой ответ дам Тебе. Сколько лет прожил я в святой обители и ничего доброго нет у меня. Одна надежда на безмерное милосердие Твое, Господи, ободряет и спасает от отчаяния». Так со слезами на глазах часто говорил батюшка, и устремляя взор на образ Царицы Небесной, как бы обращаясь к ней, продолжал: «Владычице Моя, на Тебя все упование мое возлагаю, не оставь меня своим представительством и заступлением».

Вместе с этим у старца замечалось желание очиститься от всех грехов, содеянных им в жизни. Когда, бывало, не приедешь к нему, он говорил каждый раз на исповеди что-либо новое, бывшее с ним давно-давно: «а вот я и еще вспомнил какой-то грех»... Очевидно батюшка старался во всем покаяться, боялся умереть с нераскаянной совестью. То же обстоятельство заставляло его искать частого причащения и соборования, от которых он наглядно для всех получал освежение, подкрепление и духовное утешение.

Удивительно было у о. Германа еще ожидание смерти: он так помнил о ней, что всякое ухудшение в здоровье принимал уже за умирание. Иногда казалось ему, будто он в ночь должен скончаться. Тогда старец надевал чистое белье и особенно бодрствовал. Припоминаю такой случай:

Приехал батюшка в Чудов монастырь. Вечером после долгой беседы расстались мы с ним спокойно, как вдруг весьма рано пробудившись, он обратился ко мне со словами: «Прошу вас, Владыко, пособоруйте меня сейчас, что-то плохо себя чувствую». С любовью исполнил я эту просьбу своего аввы.

Вообще батюшка при последних моих свиданиях с ним всегда выражал желание умереть. «Как бы хорошо при Вас окончить свою жизнь,—говорил он,—вы бы кстати и похоронили меня». В то же время частенько вспоминал о. Герман какого-то блаженного, предрекшего ему кончину в феврале

месяце, что приблизительно и исполнилось.

Постоянное памятование о смерти заставило нашего старца заблаговременно распорядиться тем небольшим келейным имуществом, коим владел он. Так писанные им иконы рассылал по некоторым монастырям, вещи оставил обители, а небольшие лепты передал любимым духовным чадам на помощь близким; трогательно было, что он заранее сам записывал за упокой.

Повествуя о конце жизни о. Германа, считаю не лишним отметить два как бы искушения, постигшие его перед смертью.

Первое было с принятием Св. Таин Христовых. По благословению нашему он каждый день стал причащаться; при этом церковное правило, разрешающее один раз в день приступать к Св. Чаше, я разъяснил ему так: на каждые сутки, начиная с 12-ти часов ночи должно подать только одно причащение, самое же напутствие может быть, смотря по состоянию больного, во всякое время дня и ночи; отсюда следующее за ним определяется промежутком не в 24 часа, а последним причащением. Так, кто удостоился вечером, тому не возбраняется исполнить то же рано утром; иначе говоря: чем ближе к окончанию суток христианин принимает Св. Дары, тем более уменьшается срок к дальнейшему причащению, что видно, между прочим, из порядка таких же церковных служб, как навечерие Рождества Христова, Богоявления, Пасхи, когда совершение Литургии положено к вечеру, а в самый праздник по-рану; отсюда, например, в Светлое Воскресенье время между принятием Св. Таин может сократиться до 10 часов.

Батюшка хорошо усвоил приведенное разъяснение и каждый день старался причащаться, причем ближайšie ученики приносили ему в келлию Св. Дары. Но вот старцу почему-то показалось, будто братия неправильно ведет счет времени и оставляет его иногда без напутствия. Тогда он сам стал следить, а по чрезвычайной немощи и в слабости памяти, принявши раз Св. Таин, забывал это и требовал вновь того же. Когда ему говорили: «Вы сегодня причаща-

лись уже», батюшка не верил, начинал плакать, скорбеть и укорять сокелийников словами: «вы не хотите, чтоб я пред смертью сподобился Св. Таин» и т. д. Положение его чад было тягостное; специально тогда послан был к нам инок с просьбой убеждать старца успокоиться.

Я написал письмо, в котором еще раз разъяснял порядок св. причащения единого в сутки, убеждал авву довериться преданнейшей братии, которая по монашеской совести не осмелится лгать. После этого, слава Богу, о. Герман умиротворился, не стал терзаться от мысли, будто его лишают напутствия.

Второе искушение произошло с неумиранием. При последнем нашем прощании после соборования и Св. Причащения, старец сказал: «А теперь, Владыко, благословите мне умереть». Я же по любви к нему выразил пожелание, чтоб он пожил еще и скончался в более благоприятное время. Авва ответил: «Ну благословите, Владыко». Слыхали это присутствовавшие здесь два духовных сына его. И вот, когда немощь батюшки затянулась надолго, так что он устал уже страдать, ученики приписали отсрочку кончины его послушанию «не умирать до весны».

Последовало второе посольство к нашему недостоинству. Келейник аввы о. Мельхиседек писал мне: «Молитвами св. о.н. Г. И.Х. Б.н.п.н. Аминь. Ваше Преосвященство, Владыко Святой, милость Божия буди с Вами! Благословите! Ожидали, ожидали Вас, Владыко Святой, к нам и не дождались. Простите нас. Решил я тогда послать к Вам лично человека с следующим поручением. В бытность Вашу у нас Вы сказали батюшке, чтобы он не умирал до известного времени. Старец ответил Вам на это: «благословите». Вы же подтвердили: «Бог благословит». Запала теперь мне мысль: «а что если «то» время благоприятное не видать будет, все и жить батюшке? А он ведь временами очень разбалывается, думаю, тяжело ему так страдать, и мне, видя это, так же не легко бывает. А потому прошу Вас, Владыко, хотя, быть может, с моей стороны и дерзновенно, — предоставить исход старца от

здешней жизни воле Божией и Вас, как святителя и духовного отца его по схиме, — разрешить, и свои слова, сказанные ему, ослабить. Батюшка часто старческим лепечущим голосом говорит в тоне прошения: «отпустите меня, отпустите меня, отпустите». Миленький батюшка, старче, как мне его жалко! Прошу святых Ваших молитв и благословения за батюшку, меня грешного и за всю св. обитель нашу. У нас пока за молитвы батюшки, Ваши и братии все слава Богу, праздник провели торжественно и покойно. Мы с моим аввой сидели в келлии и никуда не выходили. Прошу еще Вас, Владыко Святой, когда Богу угодно будет отпустить батюшку от сей временной жизни, то помолитесь, дабы Всемилостивейший Господь принял душу его и упокоил бы со святыми своими в честном и нетленном блаженстве. Простите. Смиранный послушник Вашего Преосвященства иеромонах М.»

Я ответил: «Жизнь и смерть каждого человека находится в руках Божиих. Он — единый наш Распорядитель. А потому каких-либо запрещений не умирать — не смел я налагать на старца, а только по любви к нему выразил желание, чтобы он еще пожил. Если же батюшка испрашивает у меня прощения и отпущения в содеянных грехах, то «аз, недостойный архиерей, данное мне от Господа властью, прощаю и разрешаю игумена Германа от всех его грехов», и сам в свою очередь прошу у него прощения». Таким нашим посланием закончилось и второе недоумение, беспокоившее старца в конце жизни. Он умиротворился духом, терпеливо стал ждать смерти, которая скоро и последовала.

В период старческой дряхлости волновали о. Германа еще следующие вопросы, за разрешением которых он присылал также к нам с письмом одного из своих учеников.

1) «Имею ли я право, — спрашивал батюшка, — считаться настоятелем, почти уже не принимая участия в делах обительских».

2) Иногда хочу послужить Литургию, но братия, видимо смущается моей слепотой и слабостью, как бы бояться допускать меня к престолу.

3) Не прегрешаю ли, когда подлечиваюсь коровьим кефиром, приготовляемым одним из наших иноков? От употребления его чувствую некоторую свежесть в организме.

Помню, на эти вопросы нам, с Божией помощью, пришлось ответить так: «Господь да благословит Вас, батюшка, быть настоятелем до Вашей смерти. Если же Ваши силы ослабели настолько, что не в состоянии управлять обителью, возьмите в помощники одного из верных братий, а сами пребывайте в уединении и безмолвии, и я верю, пока вы живы, за Ваши святые молитвы и прежние труды в пустыни все будет благополучно. Совершайте Литургию только в большие праздники и то, когда чувствуете силу и бодрость. Если же изнемогаете, то пусть действует за представителя один из Ваших близких учеников, — Вы же, облачившись, стойте у престола рядом с ним и так причащайтесь. Что же касается употребления кефира для освежения организма, то все любящие Вас духовные чада, в том числе и я, рады такому Великому подлечиванию и, думаю, Господь не взыщет с Вас за сие».

Между тем физическая слабость старца развилась до последней степени. Он сделался бледным, но без оттенка мертвенности, а скорее прозрачным или светлым и настолько худощавым, что иеромонах Мельхиседек носил его в храм на своих руках. Такая немощь батюшки была каким-то особенным явлением. Нам кажется, в конце жизни сама душа подвижника стремится выйти из тела, оставляя его без поддержки. «Изведи из темницы», т.е. из служащей оковами телесной оболочки, «душу мою», вопиет святой человек ко Господу.

Представьте себе, — Вы заперты, но Вам необходимо выйти... Тогда начнете ломиться в дверь и сокрушаете ее... Так точно и дух человеческий, дающий много энергии и силы телу, в конце жизни не только отказывает ему в помощи, но даже как бы ослабляет его, требуя все новых и новых подвигов — поста, молитвы — отсюда делается необыкновенная физическая слабость святых старцев, часто сильных и бодрых духом. Такую

именно немощь наблюдали мы и у о. Германа и поразились ею.

С Преображения Господня наш авва не в силах был посещать церковные службы, но в келлии у него до самой смерти вычитывался весь круг богослужений. Рассказывали, что когда о. Герман последний раз присутствовал в храме, лицо его особенно сияло и очи были устремлены к небу. Вообще на батюшку за последнее время часто находило какое-то духовное озарение: он поднимал свой взор и долго сидел неподвижно молча, как бы что-то созерцая, потом глаза опускались, и он снова приходил в свое обычное состояние. Нетолучно присутствовавший при нем о. Мельхиседек чувствовал, что авва его переживает что-то, но спросить его не решался, сам же старец никогда об этом не объяснял. А то батюшка подходил к окну, всматривался в здания, двор обители и говорил: «Не узнаю Зосимовой пустыни, будто она не та стала».

Свою болезнь о. Герман переносил с поразительным терпением, а, как видно, она была далеко не легкая, потому что спрашивавший его о здоровье, обыкновенно отвечал: «все болит у меня, я весь больной». Келейника о. Мельхиседека, ухаживавшего за ним, батюшка до последних дней старался ободрить, утешить: «Какой ты добрый, как мой покойный отец Семен», — ласково похлопывая его по спине, говаривал старец. А когда тот скорбел и жаловался на неуменье услужить, как следует, своему больному авве, последний успокаивал его словами: «Ничего, ничего, хорошо, что сознаешься».

Так с каждым днем ослабевая все более и более, батюшка заметно приближался к исходу из сей временной жизни.

В понедельник 16 января 1923 года утром о. Герман почувствовал себя особенно плохо. По совету старца-затворника о. Алексея больного пособоровали. Пока совершалось таинство елеосвящения, авва лежал тихо, покойно, то открывая, то снова закрывая глаза. По окончании присутствующая братия поздравила его, и старец слабым голосом ответил: «Благодарю вас! Спаси вас Господь».

Вскоре после этого о. Герман вспомнил В.К. Ел.Ф. и своего отца монаха Симеона, стал просить свести его к ним. Ответ о. Мельхиседека, что Е.Ф. сама обещается придти, успокоила батюшку. По видимому, после соборования он немного окреп и ему предложили приобщиться Св. Христовых Таин. Больной с радостью согласился: «Очень желаю», — тихо, но внятно принес он. Святые Дары тотчас были принесены и старца приобщили. «Вас, батюшка, причастили, теперь читайте: «Слава Тебе Боже», — сказал келейник, и старец трижды за ним повторил: «Слава Тебе Боже, Слава Тебе Боже, Слава Тебе Боже». Это были его последние слова. Остальную часть дня о. Герман провел сравнительно покойно.

Ночью батюшке стало снова хуже; он часто тяжело вздыхал, по временам даже стонал. Ближайшие ученики его понимали, что наступили последние часы жизни их незаменимого отца и наставника и почти не отходили от его постели.

Прошли сутки, как причастился о. Герман, и о. Мельхиседеку не давали покоя незадолго перед тем сказанные аввой слова: «Мельхиседек, смотри не упусти меня» — «Как, в чем, батюшка?» — спрашивал преданный ученик. «Причасти меня перед исходом», — просил старец. И вот теперь, сознавая близость кончины отца, Мельхиседек мысленно усердно просил Господа и св. великомученицу Варвару помочь ему исполнить предсмертную просьбу своего наставника. Однако больной казался настолько слабым, что братия не советовали о. Мельхиседеку приобщать его, но верный келейник после некоторых колебаний все-таки решился оказать послушание батюшке, предварительно дав ему выпить немного св. воды, которую больной свободно проглотил. Это ободрило о. М., он поспешно принес Св. Дары и, раздробив как можно мельче частицу, приобщил умирающего. Батюшка принял ее, запил св. водой и видимо стал приближаться к переходу в вечность.

Присутствовавшие теснее окружили постель своего аввы и, опустившись на колени, погрузились в молитву: о. Мельхиседек со

слезами в голосе чуть слышно повторял: «Господи, прими батюшку». Дыхание старца становилось все реже и реже, еще один последний вздох... и глаза умирающего навеки сомкнулись, все тело замерло, а чистая, светлая душа его легким облаком понеслась туда к Тому, Кого Единого возлюбила и возжелала от юности своей...

В девятом часу вечера 17 января 1923 года большой колокол мерными ударами оповестил братию о кончине старца игумена, и со всех концов обители потянулись смиренные, темные фигуры туда, где в небольшой келлии на простой койке лежало тело почившего о. Господе подвижника. Один почтенный протоиерей, бывший тогда в Зосимовой пустыни, передает следующее свое впечатление, какое он получил при первых ударах колокола, повещавшего о смерти о. Германа: «Я в то время шел по дороге, ведущей от монастырской гостиницы к собору. Навстречу мне попался инок отец Дионисий, который взявшись обеими руками за голову, бежал к келлии старца, с плачем объявил мне: «Какое несчастье сейчас стряслось над нами — батюшка игумен умер»...

Скоро вся братия собралась к почившему. Трогательными были первые минуты... Иноки, окруживши одр отошедшего ко Господу наставника и отца, приносили ему со слезами, как живому, покаяние:

«Прости нас, — вопили они, — мы были к тебе невнимательны, не ценили твоих трудов и забот о нас, были нерадивы к послушанию» и т. д.

Первую панихиду над усопшим совершил старец о. Алексей, он же прочел канон на исход души. Три дня по кончине тело покойного пребыло в келлии, где почти непрерывно над ним совершались панихиды. Близкие к почившему люди передают, что со смертью его в обители водворилось особенное спокойствие и тишина — чувствовалось всюду какое-то неопишное безмолвие, которое распространялось как бы от гроба батюшки. Когда выносили тело старца, о. Алексей, оставив свое уединение, вышел дать последнее целование умершему наставнику.

«От лица всей братии благодарю тебя, честный отче, — начал затворник, — за все доброе, что ты сделал для нас. Благодарю тебя за заботы и труды, подъятые для блага нашей обители... Верю, что своей жизнью ты обрел дерзновение у Господа и теперь идешь предстательствовать о нас пред престолом Божиим». Старец замолчал и, стоя неподвижно, провожал глазами удаляющийся гроб; потом немного погодя, продолжал: «Утверждение на Тя надеющихся, утверди Господи, Церковь юже стяжал еси честною Твоею Кровию. Ты был столп и утверждение Церкви! Благодарю тебя за то, что ты всю жизнь свою стоял на страже православия. Мир тебе! Гряди с миром!» Так кончил о. Алексей и, благословив гроб, скрылся за дверью своей безмолвной келлии...

Покойного с пением обнесли вокруг собора и, отслужив литию

перед деревянным корпусом, где некогда помещался батюшка, внесли в храм. Вечером архимандритом о. К. в сослужении с двумя игуменами, несколькими священниками и всеми местными иеромонахами, была отслужена торжественная всенощная, а на следующее утро, в субботу 21 января, ими же совершена заупокойная литургия. Отпевал почившего Преосвященный Варфоломей, который в кратком надгробном слове, выражая свои чувства к о. Герману, подчеркнул его значение, как подвижника внутреннего делания.

После несколько слов сказал один московский священник, который обратил внимание на то, что на батюшке сбылись слова Евангелия: «Ищите прежде Царствия Божия и Правды Его, и это все приложится вам» (Мф. 6, 33) и, как доказательство, привел настоящую благоустроенную обитель.

По окончании отпевания тело покойного обнесли внутри собора и при пении надгробных песнопений, опустили в могилу, заранее приготовленную у правой стены Зосимовского придела. Во время богослужения настроение было какое-то светлое, праздничное, не чувствовалась ни тяжесть разлуки, ни близость смерти; казалось, что сам батюшка присутствует в храме и молится вместе со всеми. Так окончился тесный иноческий путь земной жизни подвижника, с юных лет посвятившего себя Господу, его Единого возлюбившего всей душой, Его искавшего непрестанной молитвой и многими трудами и подвигами. Веруем, что он еще здесь на земле испытывавший сладость молитвенного общения с Богом, ныне радуется радостью неизглаголанного, созерцая лицом к лицу Христа Спасителя, Которому Слава и благодарение во веки. АМИНЬ.

Из писем иеромонаха Симона

1 апреля 1922 г. «Зосимова Пустынь держится такими подвижниками, как о. Герман, о. Алексей, о. Дионисий... Можно поручиться, что после их смерти распадется и Зосимова Пустынь. Она держится пока их духом, который уже теперь, при их жизни, стараются всячески, исподтишка, а иногда и явно, искоренять, как устарелый, смешной. Да и самих старцев высмеивают в глаза и за глаза, называя их отжившими. Такая работа производится не на видубогомольцев, поэтому они о ней ничего не знают; знают про нее только сами насельники, и иные скорбят, а иные радуются и празднуют победу (?)».

Отец Герман — постепенно угасающий светильник, но дух продолжает быть сильным. Я часто бывал у о. Германа, как пользовавший его, и имел случаи и досуг наблюдать его духовную сторону. Редко приходится наблюдать настолько сильные проявления вдунутого Богом в человека духа, обособленного, отмежеванного от плоти»...

18 января 1923 г. «Вчера в 8 ч. 45 мин. вечера мирно почил о. игумен Герман. Отпева-

ние в субботу (21-го). Счастлив о. игумен, что он вовремя отошел ко Господу, т. к. надвигается беда — в ближайшее время закрывают Пустынь в числе прочих монастырей Александровского уезда. Это не пустой слух, действительность».

21 января 1923 г. «Пишу вам дополнительно под свежим впечатлением от похорон нашего игумена о. Германа. Не стану описывать того, что было, — оно не поддается описанию и может быть воспринято только духом. Необычайная любовь и привязанность к почившему о. Мельхиседека, воодушевив всех, выявила величие, красоту, торжественность, радость заупокойной службы. Были не похороны — была у нас Пасха, не столько по внешнему виду, сколько по внутреннему содержанию; мы предвзяли воскресенье. Я, грешный, удостоен был Господом присутствовать при последних минутах жизни о. Германа. За день до кончины его пособоровали, каждый день причащали Тела и Крови Господа Иисуса Христа, напутствовали его Святыми Таинами за час до его блаженной, безболезненной кончины»...

МИТРОПОЛИТ ВЕНИАМИН (ФЕДЧЕНКОВ)

Грибное послушание

Это было в 1910 г. Посетить Зосимову пустынь побудило желание разрешить один душевный вопрос, который беспокоил меня долгое время. Для этого нужно было посветоваться с лицом опытным и духовно-тонким. Таким мне показался, со слов знавших лично, настоятель Зосимовой пустыни, о. Герман. И я выехал к нему через Москву. Из Москвы нужно было ехать по железной дороге несколько десятков верст на север, мимо Сергиевой Лавры. Крошечная станция Лесики. Кругом было сплошное чернолесье. Ни деревни, ни иного какого человеческого жилья. Действительно—пустыня лесная. Но до монастыря нужно было еще пройти пешком около 4 или 5 верст по узкой лесной дороге. День был хороший, августовский. В лесу тихо. Через час пути в просвете между деревьями я увидел обитель. Она была еще новая, храмы и дома казались свежими по краскам. Архитектура была красивая.

Дорога подвела меня к монастырской гостинице, построенной для богомольцев вне обители. Заведующий ею был иеромонах Иннокентий. Годе два назад он был еще жив. Тогда ему было лет около 35-40. Острое лицо; остренькая черная борода; серьезный взгляд. Он отвел мне в гостинице маленькую чистенькую комнатку.

Скоро я направился к настоятелю. Я ранее слышал, что к нему обращаются с духовными вопросами и монашествующие из близкой Московской Духовной академии, и писатели светские, и Великая Княгиня Елизавета Феодоровна. Следовательно, по одному этому можно было заранее видеть в старце незаурядного подвижника и духовного руководителя. Известна мне была и небольшая брошюра, в которой была издана переписка его с знаменитым затворником Вышенским, Епископом Феофаном. Там затрагивались, главным образом, вопросы о молитве. Но мне особенно запомнилось одно письмо еп. Феофана о бесах. Отец Герман просил Затворника подарить ему на память какую-либо одежду свою. Епископ Феофан отклонил просьбу. И между прочим, мотивировал это тем, что с одеждой его в келлию о. Германа налетит много бесов и искушений.

Вспоминается и ответ о духовничестве. Батюшке, до настоятельства, было дано послушание исповедовать монахов и богомольцев. Оно казалось ему трудным и опасным для него самого, почему он просил настоятеля снять с него этот крест, но ему отказывали. Тогда он обратился с вопросом к Вышенскому Затворнику. И между прочим сообщал, что иные приходят к нему исповедоваться с одними и теми же грехами многократно. Как быть с такими?

Епископ Феофан,—насколько помню,—ответил ему, чтобы никогда не отказывал и таким в исповеди, и сам не расстраивался их немощам, а также

советовал ему разрешать грехи с милосердием, сколько бы раз такие ни приходили. Одно лишь строго заповедовал старцу Затворник: никому не давать и намеков о том, в каких именно грехах каются проходящие.

«Для этого положите около места исповеди нож, да поострее, и, посматривая на него, думайте: лучше отрезать себе язык, чем объявить чью-либо тайну духовную».

Вот к какому человеку шел я теперь. Увидевши его, я сразу сделался серьезным и строгим, каким показался мне и о. Герман. Высокого роста, с седою малорасчесанною бородою, с дряблеющим старческим лицом, с опущенными на глаза веками, с холодно спокойно-строгим голосом, как у судьи, без малейшей улыбки—он произвел на меня строгое впечатление. Мы познакомились. Среди вопросов он задал и такой: «Что вы будете преподавать в академии?» Я начал с более невинного предмета: «Гомилетику» (учение о проповедничестве).

—А еще?—точно следователь на допросе спрашивал он.

Я уже затруднялся ответить сразу.

—Пастырское богословие,—говорю. А самому стыдно стало, что я взял на себя такой предмет, как учить студентов быть хорошими пастырями.

—А еще?—точно он провидел и третий предмет.

Я уже совсем замялся.

—Аскетику,—тихо проговорил я, опустивши глаза.

Аскетику.. Науку о духовной жизни.. легко сказать! Я, духовный младенец, приехавший сюда за разрешением собственной запутанности, учу других, как правильно жить.. Стыдно было.

После мой духовный отец в Петрограде, когда я рассказывал все это в деталях, сказал мне: «Вы уж лучше умолчали бы об этом предмете».

Потом я открыл о. Герману свою душу со всеми ее недостатками и задал тревожащий вопрос. Мое откровение он выслушал с тем же холодно-спокойным вниманием, как и все прочее. На вопрос дал нужный ответ, удовлетворивший меня. В конце беседы я сказал ему:

—Батюшка! Мы, грешные люди, и так вообще не заслуживаем сочувствия, но когда вот так расскажем о своих грехах, вы, вероятно, и совсем перестанете любить нас?

—Нет!—все тем же спокойным и ровным, безстрастным голосом ответил о. Герман.—Мы, духовники, больше начинаем любить тех, кто обнажает перед нами свои духовные язвы.

Потом я попросил его назначить мне какое-нибудь послушание в монастыре, о чем речь далее.

Кстати, с самого входа в его комнату я заметил высокий мольберт и на нем большую незакончен-

ную икону Божией Матери; оказывается, батюшка был еще и хорошим иконописцем.*

Уходя от него, я уносил впечатление, что он—строгий. Это, впрочем, не удивляло меня и не разочаровывало: из святоотеческой литературы я давно знал, что и святые люди бывают индивидуальны, одни—ласковы, другие—суровы, одни—гостеприимны, другие—чуждаются встреч, одни молчаливы, другие—приветливые собеседники. А перед очами Божиими все они могут быть угодниками. Впрочем, об о. Германе от других лиц мне не раз приходилось потом слышать, что с ними он был весьма ласков. Может быть, лично для меня он принимал такой строгий тон, как спасительный мне?. Нет, думается, он по природе был действительно серьезным и строгим вообще.

Как только что было упомянуто, перед уходом я обратился к нему с просьбой:

—Батюшка! Не дадите ли мне какое-нибудь послушание, чтобы я до отъезда поработал в монастыре?

Мне тогда припомнилось, что один из товарищей по академии вот также попросил в Валаамском монастыре послушания, и его отправили на скотный двор доить коров. Вот думалось теперь: и мне дадут сейчас какую-нибудь грязную и тяжелую работу, и я... смирюсь, приму и исполню ее. Но старец оказался пронизательнее меня:—какое же дать послушание? Уж лучше отдыхайте. Ну, вот разве грибок пособираете на монастырь?

—Хорошо,—ответил я, недовольный, однако, что не удостоился «грязного» послушания.

Но прошел день, прошел другой, а я и не думал о грибах. Потом как-то раза два-три сходил в лес, набрал немного и отдал их на кухню. Думаю, что о. Герман и забыл о таком пустяке. Но перед отъездом при прощании он неожиданно задает мне вопрос:

—А послушание-то грибное исполняли?

—Плохо,—ответил я в смущении.

Батюшка ничего не сказал, но я сам почувствовал, что и тут я не оказался твердым.

Однажды, собирая грибы, я запоздал на обед. Пришел в трапезную, когда все столы были вычищены. Трапезный послушник, брат Иван,—он же нес и послушание церковника в храме,—молча, с

скромной улыбкой, поставил мне пищу. Это был молодой человек, с красивым родовитым лицом. Во время моего обеда монастырские певчие делали в трапезной спевку к празднику. И так мне все казалось прекрасным: и пели хорошо, и грибов я набрал, и брат Иван—такой хороший. И я как-то сказал о. Герману:

—Какой хороший брат Иван!

—Это у вас—душевное, а не духовное чувство к нему,—точно холодной водою облил меня старец.

Я замолчал и думал: как духовные люди острожно разбираются во всем,—даже—и в «хорошем». Они правы: в нас много бывает всякой смеси; особенно же—в начале опыта. Я снова получил печальный урок. Но самое печальное было еще впереди, к концу.

Этот новый урок был связан с прибытием сюда в монастырь Елизаветы Феодоровны и ее сестер монахинь Марфо-Мариинской обители в Москве. Ввиду наезда их нужно было освободить для них несколько номеров монастырской гостиницы. И некоторым из богомольцев предложено было переселиться внутрь монастыря. Среди них и я получил какую-то маленькую запущенную келлику, в которой давно никто не жил. Но скоро началась всенощная; и я, по обычаю, стал на клирос с певчими.

Службы в монастыре совершались необыкновенно медленно. Мне еще нигде не приходилось наблюдать такой растянутости: и ектений, и пения. Вероятно, настоятелю почему-то нужно было это—не хочу судить его. Но мне такая тягучесть была просто нудна, мучительна. И я стал ускорять темп пения: за мной потянулись и певчие.

Мелькало у меня и желание подкрасить этим богослужение еще «ради Княгини».

Но через несколько минут из алтаря, где стоял на этот раз и настоятель, вышел тот самый брат Иван, о котором упоминалось раньше, и, подойдя к регенту хора, сказал:

—Батюшка,—т. е. о. Герман,—благословил петь реже...

Я понял, что вина тут моя, и немного сократился. Но оказалось—не вполне. Через некоторое время брат Иван во второй раз передал то же распоряжение о. игумена. Стали петь еще реже. Но батюшка и этим не удовлетворился: «Пойте, как всегда!»—передал он регенту строго через брата Ивана. И хор возвратился к обычной тягучести. Служба шла от 6 часов до 11 ночи. Все разошлись по своим местам.

Я пришел в свою запущенную келлику. Лег спать. Но это оказалось совершенно невозможным: мириады оголодавших блох ожесточенно бросились на меня. Никакие усилия заснуть не помогали. Так я промучился часов до пяти утра, когда уже начинало рассветать. Наконец утомленный, я задремал. Но не прошло, вероятно, и часу, как в дверь моей временной келлии раздался стук с обыкновенной монашеской молитвой: «Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас!» Я немедленно проснулся и ответил: «Аминь».

* Игумен Герман род. 20.3.1844 г. в Звенигороде Московской губ. Учился живописи у известного художника И.И.Иванова. 20.2.1868 г. вступил в число братьи Гефсиманского скита. В 1877 г. принял монашество, рукоположен во иеродиаконы (1880), а потом во иеромонахи (1885). Иконы его письма (всего—24) украшали соборный храм пустыни и келлии монахов. Среди них были образы Нерукотворного Спаса, Успения Богородицы, Черниговской и Тихвинской икон Божией Матери. С 26.9.1897 г. о. Герман—настоятель Зосимовой пустыни. Владыка Серафим (Чичагов) писал: «О. игумен Герман опытно изучал иноческую жизнь еще под духовным водительством известного старца Гефсиманского скита неросхимонаха Александра, питомца основателя старчества в Оптиной пустыни о. неросхимонаха Льва, и был в духовном общении с известным святителем—затворником Феофаном. Духовная опытность о. Германа и знание им всех сторон монашества содействуют спасительному устройению монашеской жизни в Зосимовой пустыни, которая имеет характерную особенность иночества—старчество. Этим благодатным даром обладал, как известно, основатель пустыни схимонах Зосима ...»—*Ред.*

Наскоро накинув подрясник, отворил дверь; и какой-то послушник спокойно сказал: «Батюшка,— т. е. игумен,—просит вас прийти к нему»—и ушел. Через несколько минут я был в кабинете старца. Пригласив меня сесть, он стал собирать пришедшую почту. А зрение у него было уже плохое.

—Это письмо кому?—спросил он, подавая мне прочитать адрес.

—Отцу.. (такому-то).

—А это?

—Это—отцу (другому)..

—Вы уж к нам больше на клирос не становитесь!—вдруг заявил он мне все так же ровным голосом, как и с адресами. Я понял, что этот урок мне за вчерашнее ускорение пения. А он в объяснение своего приказа добавил:

—Ваши напевы к нашим не подходят.

Не напевы, а темп мой действительно не подходил к их тягучести... Мне, разумеется, ничего не оставалось делать, как молча согласиться, в чужой монастырь со своим уставом не ходят,—говорит пословица. Игумен был прав.

После этого он отпустил меня в мою блошиную келлию. Но уходя, я чувствовал

необыкновенную душевную боль от этой «обиды». Хотя игумен был обязан сделать, чтобы посторонний человек не разрушал установленного порядка, но это правильное соображение не могло умирить мое взбаломученное сердце. Наоборот, боль все возрастала и усиливалась. Я мог бы теперь и заснуть после бессонной ночи, но было уже не до сна. Душа горела от горечи «обиды». Не помню, пошел ли я уже на литургию или было не до молитвы, но я стал настолько мучиться, что нужно было принимать какие-то меры к облегчению страданий. И тут мне вспомнился совет, который я вычитал где-то у Толстого; во время гнева должно заняться какой-то тяжелой физической работой. Что мне делать? Грибы собирать? Это—легкое дело. Дрова рубить у кухни? Монахи обратят внимание и смутятся. Что еще?. И я решил замучить себя ходьбой по оврагам, по чащам.. Так и сделал.. Прошел час, больше.. Я уже взмок от пота.. Но ничто не помогало: боль не унималась. Сердце щемило: как «он» не пожалел меня? Ведь я—даже не простой монах, а будущий

«профессор» академии! Да и почему бы ему не потерпеть меня? Осталось день или два жить. Да и пение уже возвратилось к обычной медлительности..

Старался и повторять молитву Иисусову; и это не помогало залить огонь самолюбивого раздражения.

А назавтра—в воскресенье—он уже благословил меня сослужить ему на литургии: как же я буду служить с таким озлоблением против него? Один грех будет!

И метался так я несколько часов. Но наконец пришла мне мысль: «Необходимо обратиться к таинству исповеди!» Однако и к исповеди следует идти, примирившись сначала? Значит, я должен попросить у него же еще и прощения?.. Ах, как все

это—трудно, трудно!

А тут вспомнился мне и другой иннок, против которого у меня уже несколько дней зародилось раздражение: он мне казался святошей, любителем учить и наставлять, самозваным старцем и т. д. Значит, и у этого нужно просить прощения?. А исповедником в монастыре был известный старец о. Алексий. Он назывался

Пчеловодство было излюбленным занятием блаженного старца схимонаха Зосимы. Пчельник Зосимовой пустыни

затворником, потому что большую часть недели проводил в одиночестве, но в среду (если верно помню) и субботу исповедовал приходивших; к этому затворнику, собственно, и приезжала Великая Княгиня с сестрами на исповедь. После мне приходилось слышать, как и Княгиня говорила одному лицу, что о. Герман—«строгий и суровый». А о. Алексий был много проще и мягче. Сам он прежде был одним из протоиереев при Успенском Кремлевском соборе. Потом, овдовев, ушел в затвор в Зосимовскую пустынь, отдав себя в послушание о. Герману. Тут ему было дано послушание исповедовать. Впоследствии, через 7 лет, он был участником в Московском Поместном Соборе; и ему именно было благословлено вынимать жребий одного из кандидатов в патриархи. Помню (я тоже был членом Собора), как он, широко осенив себя трижды крестным знаменем, опустил руку в ящик и передал записку митрополиту Владимиру.

—Митрополит Тихон,—громко прочитал тот имя избранного в патриархи.

Вспомню кстати, что он, после революции, советовал приходившим слушаться Высшую Церковную власть, заповедавшую (хотя и не сразу) признать новую власть.

Вот к нему я и должен был идти на исповедь. Вопрос у меня был лишь в том, нужно ли у обоих «нелюбимых» монахов просить прощения, или же лишь у отца Германа? Ломая свою волю, я уже готов был пойти к обоим. Но потом усумнился в благоразумности «мириться» с другим иноком, когда у нас с ним не было никакого столкновения и он даже не подозревает, что таилось в моей дурной душе. Обдумав, я предрешил: пока не смущать того напрасно, а если отец Алексей благословит, то потом попрошу прощения и у него. А теперь, перед исповедью, пойду лишь к о. Герману.

Обычно по будням он становился в самом конце храма, на правой стороне, среди других иноков. И как сейчас вижу его: высокий, прямой, с закрытыми глазами, он неподвижно стоял, как столп; и точно не замечал никого и ничего, углубившись во внутреннюю молитву. Вероятно, он безпрестанно творил молитву Иисусову. Несомненно, он был высоким молитвенником, исключительным. Но под праздник о. Герман стоял в алтаре. К нему я и направился перед исповедью.

Поклонившись, по обычаю, в ноги, я сказал:

—Благословите, батюшка, исповедаться у о. Алексия!

—Бог благословит!—безстрастно, как всегда, ответил он.

—Батюшка! Простите меня!

—Бог простит,—сказал он, точно и не помышляя об утреннем уроке.

—Но у меня против вас,—говорю я,—есть особенное огорчение.

—Какое?—все так же спокойно продолжал он.

—Утром вы строго обошлись со мною.

Отец Герман не стал оправдываться, а кратко сказал следующее:

—Простите меня! Я от природы—человек гордый.

Так именно и сказал: не «твердый», не «строгий» или «суровый», а—«гордый».

..Но мне уже не требовалось теперь объяснений и извинений: как только я поклонился и сказал это дивное слово «простите», как из моей души исчезла решительно всякая злоба, мука, а водворилась полная тишина! Совершилось известное всем нам чудо благодатного исцеления кающегося. Ни Толстой, ни утомление не помогли, а «простите» дало мир. И я спокойно пошел к затворнику. Рассказал и о грехах

раздражения. Он одобрил мое покаяние пред игуменом, а к другому монаху тоже не посоветовал ходить, лишь бы в сердце покаяться на исповеди.

На другой день я с миром сослужил о. Герману.

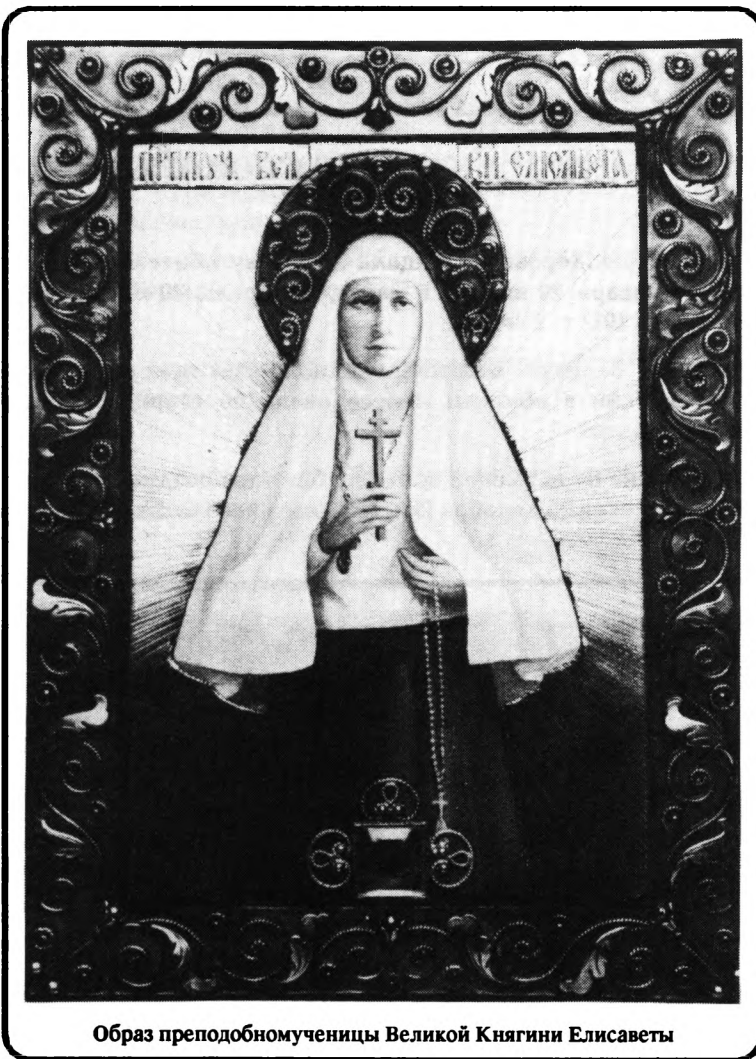
Потом, намереваясь в понедельник уезжать, сходил к нему попрощаться. Беседа была недолгая, но мирная. В заключение он подарил мне два красных малых яблочка и еще что-то.

Теперь я стараюсь вспомнить: спал ли я две последних ночи? Кажется, да. Куда делись блохи, не знаю... Вероятно, внутренний мир преодолел их кусание...

Закончу главу эту последним актом о. Германа. Довольно рано утром я пешком направился к станции. А свой узелок бросил в возок,

на котором должен был ехать игумен—проводить Княгиню.. Погода была тихая, но облачная.. Чувствовалось уже приближение осени. На траве была, помнится, свежая роса.. На душе было мирно..

Так прошел с полпути. Слышу, сзади тарыхтит возок. Оглянулся: впереди—кучер-монах, а сзади игумен с приставом, тоже ехавшим проводить Княгиню. Поравнявшись со мною, о. Герман велел остановиться. Потом молча, без слов коснулся рукой до плеча офицера; и без слов же указал ему на козлы, чтобы он туда пересел. А меня батюшка посадил рядом с собою. Лошадь тронулась опять. Едем. О. Герман правою рукою обнял меня и ласково поглаживает по спине. Молчим. А я про себя думаю:

Образ преподобномученицы Великой Княгини Елисаветы

—Да, вот два дня назад побил! А теперь ласкаешь? Лучше бы тогда не бил...

Но эти мысли были уже без яда злобы и раздражения.

За нами подъехала и Княгиня с сестрами. Подошел поезд. И мы сели. Отец игумен стоял—как всегда безразлично. И даже кланяясь Княгине, хранил свое обычное внутреннее спокойствие... Конечно, это был святой подвижник, хотя и сурового типа.

С того времени прошло целых 35 лет. Пронеслась революция... Потом вторая война с немцами... Я был в Москве на выборах Патриарха. И тогда встретил одного человека, бывшего монаха в Зосимовой. Он тоже считал батюшку святым. Но говорил о его ласковости и любви.

Обитель просуществовала, кажется, до 1923 года. Отец Герман еще окормлял ее. И предсказал:

—Пока я жив, обитель не тронут. А помру, придется вам всем разойтись.

Так и случилось: буквально в день его погребения монастырь был закрыт. Иноки разошлись—кто куда.

Что будет дальше—Бог весть...

1956—13/ХІІІ

(Митрополит ВЕНИАМИН (Федченков). Божии люди. М. 1991. С. 44-52).

«... Я почерпаю у вас спокойствие»

Великая Княгиня Елизавета Феодоровна посещала Зосимову обитель в 1909 г. 30 мая, 5 сентября, 31 октября, 20 ноября; в 1910 г. 5 января, 29 января, 6 марта, 23 апреля, 29 мая, 27 августа, 2 октября; в 1911 г. 11 марта, 17 июня, 20 августа и в 1912 г. 2 марта.

Во время своих посещений Великая Княгиня неоднократно присутствовала за богослужениями, причащалась Св. Христовых Таин в обители и беседовала со старцем о. Алексием, у которого Ее Высочество не раз исповедывалась.

На посланное Великой Княгине от игумена Германа с братиею поздравление с праздником Рождества Христова и наступающего новолетия 25 декабря 1909 года получена от Ее Высочества следующая ответная телеграмма:

Преподобномученица Великая Княгиня Елизавета

Москва. 1894 год

Настоятельница Марфо-Мариинской обители

«Сердечно благодарю Вас и всю братию за молитвенные пожелания, да даст Вам всем Господь радостных праздников, воспоминание о Зосимовой пустыни для меня всегда дорого, я почерпаю у Вас спокойствие и духовное утешение. Прошу Ваших святых молитв за меня и мою обитель.

Елизавета».

5 сентября 1910 года на посланную Ее Высочеству поздравительную телеграмму от игумена Германа с братнею со днем Ее Тезоименитства была получена от Великой Княгини следующая телеграмма:

«Буду хранить Ваши молитвенные пожелания в моей душе, как драгоценнейший дар сегодняшнего дня. Сердечно благодарю Вас с братией.

Елизавета».

Поздравительная телеграмма от игумена с братнею была следующая:

«Приветствуем Вас, Ваше Императорское Высочество со днем Вашего Ангела. Да хранит Господь в непоколебимом мире на многая лета Вашу жизнь, дорогую для России. Царица Небесная, некогда посетившая сродницу свою тезоименитую Вам, праведную Елизавету и пребывавшая у ней около трех месяцев, да будет постоянно и неотступно пребывать с Вами и с Вашею обителью, посвященною Ее всечестному Покрову.

Вашего Императорского Высочества нижайшие послушники и недостойные молитвенники игумен Зосимовой пустыни Герман с братиею».

28 июля в 1912 году в день престольного праздника о. игуменом Германом было получено от Ее Высочества следующая телеграмма:

«От души приветствую Вас, о. Алексия и братию с праздником. Прошу святых молитв Ваших, молитвенно была сегодня в Зосимовой прустыни.

Елизавета».

Братия Зосимовой пустыни во главе с игуменом Германом (1-й ряд, шестой справа).

Справа от о. Германа—старец Алексий Зосимовский

СТАРЕЦ АЛЕКСИЙ ЗОСИМОВСКИЙ

РОДИТЕЛИ. ДЕТСТВО. СЕМИНАРИЯ

Родители Старца были высоким примером жизни христианской. Отец, протоиерей Алексей Петрович Соловьев-Михайлов († 23.01.1882), родился в 1804 г. в г. Дмитрове, окончил Вифанскую Духовную семинарию и Московскую Духовную Академию, 5 лет был профессором Вифанской Духовной семинарии. Женится на дочери священника с Пятницкого кладбища в Москве Марии Феодоровне Протопоповой (1854), очень религиозной, доброй, милосердной. С 1837 г. Алексей Петрович—священник церкви св. Димитрия Солунского на Тверской, через год переведен в церковь Симеона

Столпника за Яузой, где прослужил 44 года, до своей кончины...

Будущий старец родился в Москве в 1846 году 17 января в приходе Симеона Столпника, здесь же был крещен и назван Феодором, в честь великомученика Феодора Тирона.

С малых лет Федя отличался серьезностью, не любил шалить, уклонялся от веселого общества и шумных развлечений, очень любил отца и заботился о нем. Младшие дети уважали его, слушались и боялись шалить в его присутствии. Когда Федя учился в Андрониевом Духовном училище, кто-то попал ему в глаз мячом и он

потерял на правый глаз зрение. По виду же это было совершенно незаметно. Федя очень любил музыку, у него был прекрасный слух и голос; пел он в правом хоре, а также прислуживал своему отцу в алтаре. Старец с любовью вспоминал родной храм Симеона-Столпнический.

Семинария, куда поступил Федя, находилась на Садовой Каретной, ходить ему приходилось пешком, что его утомляло. Учение доставалось ему с трудом, но благодаря усердию учился он очень хорошо и в 1866 г. кончил курс семинарии по первому разряду, числясь в списке учеников вторым.

ДИАКОНСТВО

После окончания семинарии Феодор Алексеевич женился на Анне Павловне Смирновой, у которой умер отец-священник церкви Св. Климента на Варварке, оставив вдову и четверо детей. Вдова обратилась к митрополиту Филарету: «Нельзя ли сохранить место отца, выдав замуж дочь?»—«А где студент?»—спросил Владыка.—«У меня есть на примете».—«Привези его ко мне». Мать Анны Павловны поехала к о. Алексею, подходящим женихом оказался Феодор—он давно знал Анну Павловну. Однако митрополит, находя его слишком молодым, чтобы быть иереем, назначил его в Толмачи на диаконское место.

Венчание Феодора Алексеевича Соловьева и Анны Павловны Смирновой состоялось 12 февраля 1867 г. в храме Симеона Столпника, а посвящение в диаконство—19 февраля 1867 г., рукополагал его епископ Игнатий Дмитровский. О нем Батюшка говорил: «Необыкновенно чистый, целомудренный, кроткий, мягкий, умел повелевать, но никогда не сердился, все движения у него выходили мягко, изящно, как у митрополита Филарета».

Для молодого священнослужителя имеет значение с кем ему приходится служить первое после хиротонии время. Настоятелем храма в Толмачах был тогда протоиерей о. Василий Нечаев, благоговейнейший священнослужитель. Это благоговение передалось и молодому диакону. О. Василий был очень строг, но любил и ценил своего молодого диакона. Батюшка часто потом с уважением вспоминал о. Василия, приводя поучительные примеры из его жизни. О. Василий был редактором журнала «Душеполезное чтение», поэтому дел у него было немало.

Церковным старостой Толмачевского храма был почтенный старец, известный книгопродавец и издатель Андрей Николаевич Ферапонтов. В приходе жили: Павел и Сергей Михайловичи Третьяковы, семья Самариных, семья графов Сологуб, князь Черкасский, Иван Сергеевич Аксаков с супругой А. Ф., урод. Тютчевой, С. М. Сухотин, семейства Васильчиковых, Бутурлиных, Оболенских, редактор «Русского архива» П. И. Бартенев. Эти семейства Батюшке приходилось посещать вместе с о. Василием Нечаевым. Кроме богослужений у о. Феодора

были уроки по Закону Божию в школе, в приютах и частных домах. Батюшка участвовал в соборованиях и чтениях для народа в народных читальнях.

После свадьбы у о. Феодора стало болеть горло, появилось опасение горловой чахотки, Анна Павловна была этим очень удручена. О. Василий отправил их на дачу, а сам служил один без диакона: весну, лето, осень. Анна Павловна была очень кротка и добра, была высокого роста, красивая, веселая, живая; она нежно любила своего супруга, окружала его заботами и боялась чем-либо обеспокоить.

Как-то раз Анна Павловна пошла в гости одна, Феодор Алексеевич не был расположен идти. Переходя дорогу, Анна Павловна наступила на сугроб снега, ноги ее потонули в нем и промокли. Посидела некоторое время в гостях с мокрыми ногами, а вернувшись домой, тут же захворала. Вскоре открылась скоротечная чахотка, и через шесть недель 27 января 1872 г. Анна Павловна скончалась, оставив молодого вдовца и малютку: сына Михаила.

«О, что бы я дал,—говорил впоследствии Батюшка,—чтобы

только вернуть мне назад то время и с любовью исполнить желание жены пойти с ней вместе». Когда Анну Павловну отпевали в Толмачевском храме, о. Феодор не мог принимать участие в богослужении, а стоял около гроба жены, и слезы, крупные слезы, катились по его щекам... Похоронили Анну Павловну на Пятницком кладбище. О. Феодор тяжело переносил утрату; возвращаясь усталый домой, он уходил в свою комнату—в уединение, проводя здесь время над журналом «Душеполезное Чтение». О. Василий заваливал его работой, объясняя, что спасение о. диакона—в работе, иначе ему не справиться со своей тоской.

В 1889 г. о. Василий, приняв монашество с именем Виссариона, был возведен во епископа Костромского. Прихожане очень хотели иметь у себя священником о. Феодора, но он решительно отказался.

В Николо-Толмачевский храм был назначен о. Дмитрий Косицын, из профессоров Моск. Дух. Академии, ученый и благоговейнейший молитвенник. Диакон

Смирнов (от Николы Голуть.) рассказывал, что, когда он служил с о. Дмитрием Косицыным, то видел, как во время молитвы о. Дмитрий отделялся от пола. В алтаре о. Дмитрий никогда себе не позволял ни одного лишнего слова, приказания давал во внебогослужбное время и шепотом. Его идеалом был священник, постоянно молящийся и поименно поминающий всех, кого только знал. У о. Дмитрия были дети, и, по своей деликатности, он боялся, что они своей беготней и шумом будут беспокоить о. диакона, жившего в нижнем этаже. Поэтому он решил, что гораздо спокойнее разделить дом вертикально, чтобы обе квартиры были двухэтажные. Шесть лет о. Феодор прослужил вместе с о. Дмитрием.

Будучи диаконом, о. Феодор долгу оставался в храме после богослужений: обходил кругом весь храм и молился перед каждой иконой с земными поклонами. Когда выходил из храма, его окружала большая толпа нищих, которых он оделял милостыней. Многие при-

ходили к нему, как и к о. Димитрию, на дом, получая ежемесячные пособия. О. Феодор помогал каждому просящему. Однажды на улице он снял с себя верхнюю рясу и отдал ее нуждающемуся. Где-то у него украли хорьковую шубу. Начали волноваться, а о. Феодор сказал: «Ну, и что же случилось? У меня есть другая шуба. Пошлите за ней». Если о. Феодор слышал о ком-нибудь дурное, то старался этот разговор прекратить или дать ему другое направление—неосуждение было чертой его характера.

7 апреля 1892 г., согласно разрешению митрополита Московского, по единодушному желанию причта и прихожан, был отпразднован 25-летний юбилей служения о. Феодора в Николо-Толмачевском храме в сане диакона. Ему были преподнесены икона Свт. Николая в богатой серебропозлащенной ризе и адрес от благодарных сослуживцев и прихожан.

Однажды к о. Феодору пришли протоиерей Пшеничников с соборянами и стали его просить от лица митрополита Сергия перейти в Успенский собор пресвитером: «Вы

Трапезный корпус с храмом во имя Преподобного Сергия
(освящен 5.9.1893 наместником Свято-Троицкой Сергиевой Лавры архимандритом Павлом)

будете учителем благочестия в Соборе». О. Феодор отказывался, а

потом пошел к теще—на что его она благословит. Та сказала: что

раз Митрополит его избрал и просит, то это избрание Божие.

ПРЕСВИТЕРСТВО

27 мая 1895 г. Батюшка был определен митрополитом Сергием во пресвитеры к Большому Успенскому Собору. Рукополагал его 4 июня 1895 г. Пресвященный Нестор, епископ Дмитровский.

Соборный штат тогда состоял из 13 священников, 7 диаконов, во главе с протопресвитером Световидовым. В праздники пел синодальный хор. В будние дни всех поражало строгое старинное пение священнослужителей. Посреди Собора стояло рядом несколько разножек с лежащими на них книгами и нотами, перед которыми стояли почтенные протоиереи и диаконы и пели октавой, басами и баритонами в унисон. На служение в Собор брали только тех, кто обладал хорошими голосами. Ба-

тюшку обучал столповому пению протоиерей Н. Пшеничников.

Батюшка вспоминал об Успенском Соборе, как о самом светлом периоде своей жизни. «Ведь Успенский собор—центр Кремля, центр Москвы, центр России»,—говорил он. Из Собора раньше 2-х часов Батюшка никогда не приходил; если он не служил и не пел, то стоял в алтаре в нише и молился.

Приходя домой, Батюшка обедал, после вечерни он пил только чашки две горячего чая с хлебом. Батюшка был очень воздержан в пище, но когда приходили гости, на столе всегда было наставлено много закусок и сластей,—Батюшка был очень гостеприимен.

В Соборе о. Феодор пользовался всеобщей любовью. Соборяне из-

брали его духовником соборного причта.

Сила молитвы Батюшки и тогда была велика. Как-то его сын Михаил Феодорович сильно заболел: доктора нашли у него заворот кишок, ему предстояла тяжелая операция. В то время, когда М. Ф. положили на операционный стол,—Старец служил молебен о его здравии.—Что-то вдруг случилось, врачи нашли, что операцию делать не нужно.

Живя в миру, Батюшка, после смерти жены, тяготился его суетой. Он давно бы ушел в монастырь, в уединение, в тишину, к безмолвию, но надо было поставить на ноги сына, дать ему образование. Кроме того, Батюшка содержал на свои средства тещу и свояченицу.

ПУТЬ В ОБИТЕЛЬ

Вот рассказ, записанный со слов самого старца о. Алексия:

«Неисповедимы пути Господни. Давно это было. Когда я овдовел, зародилось в моей душе желание стать монахом, стремление к иноческому затвору, но к настоящему, строгому затвору,—я мечтал о Параклите. Параклит—это пустынька в лесах за Троицей, недалеко от Черниговской; устав там строгий, подвижнический, женщин в обитель не пускают. Вот я и мечтал о Параклите. Однако у меня был сын, которому я был нужен. Хотел я его вести по своей дороге, чтобы он священником стал, да он не захотел, и учение его в семинарии шло плохо. Когда же, наконец, выяснилось вполне определенно, что его интересуют науки технические, я позволил ему перейти в техническое училище, которое он и кончил отлично. Когда он перешел на последний курс, полюбил девушку из хорошей религиозной семьи и она его полюбила. Пришел он ко мне за благословением на ней жениться. Тогда я стал чаще подумывать о Параклите, а через месяц, в июне 1897 г., поехал в Параклит со своим племянником студентом Московской

Духовной Академии Николаем Владимировичем Беневоленским,—теперь он московский священник. Приехали мы с ним к Троице, оттуда взяли извозчика, и поехали в Параклит. День был жаркий, солнечный, мы ехали, все углубляясь в лес. И чем дальше мы ехали, тем глуше становилось, и такая благодать. Кругом все лес, всюду цветы, земляничкой в воздухе пахнет; солнце светит сквозь чашу ветвей, птички поют, а кроме их голосов, кругом полная тишина, сердцу так легко, так хорошо от тишины. «Вот,—говорю я племяннику,—где может быть настоящее житие монашеское». Вскоре увидели деревянные домики и церковь, обнесенные деревянным забором. Входим в пустынь. Кругом ни души, будто никто здесь и не живет, обошли мы все строения—никого. Наконец, натолкнулись на монаха, шедшего в обитель с косою на плече, видимо, с работы. Мы к нему: «Где братия?»—спрашиваем,—«На работе, на лугу сено косят».—«Можно церковь посмотреть?»—объясняем, кто мы такие.—«Можно,—говорит,—сейчас будет вечерня, я сам иду к вечерне, я ведь поно-

марь»,—а сам с трудом переступает от усталости. Отпер он церковь, очень она мне понравилась. «Вот, подумал я,—где молиться хорошо!» Стали мы сбоку, ждем начало службы. Видим: входит старый инок, такой смиренный и скромный, становится в стороне, в углу, вместе с братией,—это, оказалось, сам игумен; и старец там был, тоже замечательной жизни, подвижник, и тоже стал смиренно позади всех. И братья все, хотя, видимо, усталые, только с послушания пришли, а стоят с полным вниманием и благоговением. Служба идет так чинно, и чтение уставное—громкое, явственное, и пение стройное, неспешное—очень мне все это по душе было и думалось: «Если будет на то воля Божия—вот где я найду успокоение». Приняли нас все с любовью, радушно, после службы показали нам всю обитель, к трапезе нас повели с братией. И когда мы собрались обратно ехать, пошел я к о. игумену. Его домик ничем не отличался от других. Вошел я к о. игумену, попросил его благословения, о себе сказал, что пресвитер Успенского Собора в Москве, провел этот день у него в Параклите,

и пришел его благодарить. А он смиренно так говорит: «Помилуйте, за что же? Это мы должны Вас благодарить, что Вы нас посетили». «Нет,—говорю я,—о. игумен, я должен Вас благодарить за высокое чувство глубокого умиления, которым наполнилась моя душа в течение этого дня, проведенного в Вашей благодатной обители. Я сам склонен к монашеству, и, если Богу угодно будет, лучшей обители, как эта, я для себя не желал бы: в ней все, что нужно для души. Согласны ли Вы будете, о. игумен, меня принять в число братии?» «Всегда и во всякое время»,—ответил о. игумен. Потом он вышел в соседнюю комнату и вернулся, неся в руках альбом с видами Параклита. Благословив меня в путь, он дал мне этот альбом на память о посещении нашем. Вернувшись в Москву, я все мечтал о Параклите. И когда после утомительных дневных занятий и забот я возвращался домой, то брал этот альбом, открывал его и сразу переносился мысленно в это благословенное место и думал: «Вот где я скоро буду жить и отдыхать душой».

В конце июля отпраздновали свадьбу сына,—я, конечно, должен был участвовать во всем, но мысли мои были далеко.

В начале августа собрался я уже один в Параклит, чтобы окончательно переговорить с о. игуменом и просить его зачислить меня в число братии. Приехал я к Троице и пошел прежде всего приложиться к мощам преподобного Сергия, зашел в Собор, помолился усердно, приложился к мощам Угодника Божия. Потом зашел я в иконную лавочку при церкви Св. Духа купить себе четки. Пока я выбирал четки, слышу голос: «Отец Феодор». Оборачиваюсь, о. Товия—иеромонах Троицкий, хороший молитвенник, он и теперь у Троицы*. Поздоровались. Думаю: уйдет. А он заметил, что я четки покупаю и говорит: «Да, что это Вы, о. Феодор, четки покупаете?»

Уж, не думаете ли о монашеству?» Я не хотел ему пока говорить и отвечал уклончиво: «А разве священнику нельзя четки иметь?» Купил четки, простился с ним и пошел к воротам, чтобы извозчика нанять и ехать скорее в Параклит. Но о. Товия не отстал и шел за мной, провожая меня. Вот тут-то неожиданно для меня Господь мой путь и все мои намерения переменял так, как лодочку на воде поворачивают по желанию и к другому берегу направляют. Подходим мы с о. Товией к площади перед Лаврой, где извозчиков нанимают, а я все медлю, все думаю, что он уйдет, не желая при нем извозчика нанимать; наконец, вижу время идет, зову извозчика и нанимаю его в Параклит. О. Товия говорит мне: «Что это Вы в Параклит собрались о. Феодор? Уж, не думаете ли Вы в монастырь идти?» Тут уже я ему прямо ответил: «Да, желаю». «Уж не в Параклит ли?»—спрашивает.—«Да, в Параклит». «Да, что Вы, о. Феодор,—начал он меня уговаривать,—да Вам с Вашим здоровьем и думать нельзя о Параклите. Знаете ли Вы, какая там местность? Болото, сырость такая, что редко, кто там уживает. Да если бы в Параклите, при духовном его устройении, местность была хорошая, половина бы наших монахов там была». «Да,—говорю—если там сырость, так мне туда нельзя, я ревматизмом страдаю»,—а сам думаю: «Куда же мне устроиться?» «А почему же Вы,—говорит мне о. Товия,—не подумаете о Козельщанской пустыне? Там устав строгий, очень все хвалят». «Видите ли,—отвечаю ему,—хотя я стремлюсь в монастырь, но у меня связь с миром остается: у меня есть единственный сын, мать умерла, и мне не хотелось бы от него далеко уезжать, чтоб он все-таки знал, что отец его близко и что он может к нему обратиться в случае нужды». «Так я вот что скажу Вам,—говорит мне на это о. Товия.—Недалеко отсюда, за две

иеродиакона. Архидиакон, экононом и казначей Лавры. Наместник Московского Чудова монастыря (с 1893 г.). С 1904 г., после смерти архимандрита Павла (Глебова), строителя Зосимовой пустыни—наместник Троице-Сергиевой Лавры. Умер на 80-м году. Погребен в любимой им обители Св. Параклита рядом с могилой родителя—схимонаха Товита.—*Ред.*

всего станции, есть пустынька, Зосимовой называется, открылась недавно. Мне говорили, устав там строгий и климатические условия прекрасные. Вот бы Вам туда попробовать устроиться». Я призадумался, а извозчик повернулся к нам и спрашивает: «Вы, батюшка, в Зосимову пустынь ехать хотите, на Арсаки-станцию? Туда сейчас должен поезд идти, я Вас как раз к нему подвезу, он минут через 10 пойдет». И, действительно, он меня привез к отходу поезда. Приезжаю я на станцию Арсаки, выхожу. Тогда там никаких построек не было, кроме станционного домика, и лес кругом густой, почти к полотну железной дороги подходит.—Смотрю: никого, ни души. Поезд отошел. Стою на платформе, смотрю в лес, вижу: из леса выходит высокий старый монах и идет к станции, к кассе брать билеты. Я к нему подхожу, спрашиваю: «Не из Зосимовой ли пустыни?» «Да,—говорит,—из Зосимовой».—«Не настоятель ли Вы обители?»—«Я в ней сторож»,—смирно ответил он,—это был о. игумен Герман. Тогда я назвался и говорю, что слышал про Зосимову пустынь и очень хотел бы в ней помолиться. О. Герман радостно ответил: «Вы меня непременно дождитесь, я завтра обратно буду, а вот лошадка моя Вас подвезет». Тут подошел поезд, мы простились; о. игумен уехал в Москву, а я поехал в пустынь Зосимовскую. Еду я лесом, погода была прекрасная, жаркая. В первый же день осмотрел я всю пустыньку, был у службы в соборе, был я за трапезой с братией,—очень мне все понравилось.

На следующий день приехал о. игумен и пригласил меня к себе. Я все сказал о. игумену, что у меня давно тяготение к монашеству, и если Богу будет угодно, и он благословит, то я желал бы принять монашество в Вашей пустыни и спросил: примет ли он меня в число братии.—«Нет, жизнь наша убогая, скромная, а Вы не к такой жизни привыкли в столице».—«Я ишу уединения»,—ответил я ему на это,—и мечтаю о Параклите, но там климат слишком сырой, а я по здоровью сырости не переношу. Здесь я у Вас провел два дня, и

* Иеромонах (впоследствии архимандрит) Товия († 7.3.1916)—происходил из крестьян Воронежской губ. Юношей постригся в монахи в Святых Горах Харьковской губ. В 1861 г. перешел в Троице-Сергиеву Лавру, где был рукоположен во

очень мне все нравится, здесь бы хотел я остаться». О. Герман помолчал немного и потом вдруг спрашивает: «А что есть самое главное для инок?» «Смирение»,—ответил я ему. И вижу, как от моего ответа просияло лицо о. игумена, и присутствующим двум

инокам он тихо сказал: «Да, он из наших».

Вернувшись в Москву, начал я хлопотать о пострижении, это мне нелегко далось: то здесь задержка, то там, и только через год получил я разрешение. И вот, наконец-то, Бог благословил и меня переселиться в уединенную, тихую Зосимовскую пустынь.

МОНАШЕСТВО

Итак, смиренный послушник воли Божией, батюшка-пресвитер, духовник Большого Успенского Собора в Кремле, о. Феодор Соловьев, радостно вступает в Зосимову пустынь, промыслительно ему указанную.

8 октября 1898 г., согласно прошению, батюшка был уволен из Собора и 24 октября, в день празднования иконы Божией Матери «Всех скорбящих радости», переехал в Зосимову пустынь.

30 ноября 1898 г. о. Феодор был пострижен в монашество игуменом Германом с именем Алексия, в честь Святителя Алексия, Митрополита Московского. Ожидали, что постригать будет наместник о. Павел, но он заболел и поручил это о. Герману. Старец с благоговением говорил: «Меня постригал такой наставник монахов!»

Первым послушанием Батюшки было пение на клиросе и совершение Богослужений. Не прошло и года, и на него было возложено старчество и духовничество.

Первое время о. игумен, боясь гордости образованного пресвитера Большого Успенского Собора, всячески смирял о. Алексия. Регентом хора был тогда присланный из Лавры иеромонах Нафанаил, бывший артист оперы, окончивший консерваторию и Синодальное училище. «У меня был очень хороший голос,—рассказывал Батюшка,—и мне не хотелось его скрывать, но должен был слушаться своего духовного сына». Батюшка смиренно от всей души просил прощение у о. Нафанаила, который в дальнейшем вспоминал это смирение с умилением. Скорби и трудности опытно познакомили о. Алексия с монашеством, и он говорил, что «только через 2 1/2 года понял, что такое монашество».

К этим годам относятся воспоминания Зосимовского монаха о. Владимира, впоследствии игумена Боголюбовской Киновии, в последние годы жизни старца—его духовника: «Когда в 1898 г. я поступил в Параклит, о. игумен сказал мне, что к нам приедет пресвитер Успенского Собора. Ему уж и келлию приготовили, но он так и не приехал. В 1901 году я перешел в Зосимову пустынь. Когда я пришел в эту пустынь, то встретился в церкви с о. Алексием. Он мне с первого раза не понравился, казался слишком, не по-монашески веселым. Поэтому я пошел смотреть другие монастыри,—не найду ли где лучше. Много монастырей осмотрел я, но ни одного не нашел по душе и возвратился опять в Зосимову пустынь.

В то время еще не было определенного устава в Зосимовой пустыни, и о. Герман только что возвратился из поездки по многим монастырям, где выбирал лучший для своей пустыньки устав. Побывал он и на Валааме и в Сарове, и в других монастырях.

Попросился я у о. игумена Германа в число братии. Игумен, взяв мой паспорт, сказал: «Твой старец будет о. Алексий». Первый раз пошел я к о. Алексию после вечернего правила в келлию. О. Алексий принял меня дружелюбно и много расспрашивал про жизнь в Параклите, о жизни монахов и о всех правилах. Во время разговора меня поразила простота о. Алексия, и я полюбил его всем сердцем.

Первое время послушников, учеников у о. Алексия было немного—всего человек 15. Все мы к нему очень привязались, полюбили его, он нас с любовью принимал. Беседы с ним продолжались до полуночи: хотя мы были и усталые после дневных, тяжелых мо-

новскую пустынь. Тогда здесь была такая глушь, такая тишина, кругом лес, ветки деревьев касались моего окна, а по ним часто прыгали белки».

Этим закончил рассказал о. Алексий о своем вступлении в обитель.

настырских трудов, но о. Алексий нас привлекал и увлекал простотой и чистотой своего сердца. В беседе с ним мы забывали свою усталость.

Когда на о. Алексия было наложено послушание преподавания Закона Божия, по указу из Синода, то он учил монахов три раза в неделю. На уроки мы приходили в 8 часов после вечернего правила. Монахи были усталые, плохо внимали урокам батюшки, но он твердо настаивал, чтобы мы его уроки помнили. Батюшка во время преподавания Закона Божия никогда не садился. Если мы не умели отвечать, ставил на колени и потом долго держал стоя, пока не сжалится. У меня сильно заболели зубы, я по ночам не спал. О. Алексий задал мне вопрос, на который я не ответил, и он меня заставил стоять до конца. После утрени о. Алексию сказали: «Батюшка, у о. Владимира зубы болят, а Вы его стоя весь урок продержали». О. Алексий меня увидал, тут же упал мне в ноги и стал просить прощение: «Прости меня, о. Владимир, что я нехорошо с тобой поступил, продержав тебя стоя больше часу». «Батюшка,—ответил я,—у меня и в мыслях ничего плохого не было, очень спокойно стоял».

Глубина смирения о. Алексия была так велика, что он при всякой своей ошибке, сознавал ее, каялся и просил прощение.

Высоко ставя послушание и сам во всем слушаясь своего духовника, о. Алексий и учеников своих учил этой добродетели. Идя однажды на послушание, встретился я с одним из учеников батюшки, студентом Академии о. Игнатием Садковским, который катил маленькую двухведерную бочку. Сам он был очень высокого роста, а бочка-то маленькая, все время

подпрыгивала и перевертывалась. Ему поэтому приходилось ежеминутно нагибаться и подталкивать бочку. Я ему и говорю: «Вы бы ее, о. Игнатий, взяли на плечо да и несли бы». А он и отвечает: «Мне благословили катить».

Митрополит Владимир в день своих именин 15 июля посетил Зосимову пустынь. Вся братия вместе с о. игуменом встретили его в храме. После краткого молебна мы все стали подходить под благословение к Митрополиту, подошел и о. Алексий. Владыка спрашивает у о. Алексия: «Как ты живешь?» Старец ответил: «Я живу так: келья да церковь, а мое послушание— преподавать Закон Божий братии».

Памятна для нас жизнь в Зосимовой пустыни с о. Алексием, когда мир его еще не знал. И как не жить нам было в такое время! Игумен Герман был опытен в духовной жизни, а о. старец и говорить нечего. Что бы ни делали, все нам казалось раем. Службы в храме совершались по уставу, мирские люди мало нас посещали, только по праздникам. У братии было полное послушание Игумену и Старцу. Нигде не слышали мы ропота, почему делается так, а не иначе. В трапезной была тишина, каждое слово чтеца доходило до нашего сердца. Пища готовилась для братии вся одинаковая. Игумен ходил на общую трапезу. После ужина совершалось вечернее правило. Правило заканчивалось пением, братия—все сто человек—прикладывались к иконе и брали благословение у о. игумена, а он тихо говорил каждому, какое ему назначалось на следующий день послушание, и потом все в мире расходилось по своим келлиям.

О. Алексий любил и восхищался природой Зосимовой пустыни. Кругом громадный еловый лес, внутри большой яблоневый сад, множество цветов вдоль дорожек. Особенно приятно было пение

птиц весной. Когда старец выходил из церкви, направляясь в свою келлию, он останавливался, устремляя свой взгляд на деревья, где было множество птичьих гнезд, птицы гнездились где попало, особенно на окнах у монахов. О. Алексий все это любил рассматривать: пройдет несколько шагов, а сам все кругом смотрит. Птицы так любили монахов, что иноки их руками ловили. Одному монаху

них и от недовольства своей жизнью. Когда мы начинали говорить о ком-нибудь с осуждением, Старец нас останавливал, говоря: «Нам до других дела нет, говори только свое. Правила Св. Отцов предписывают останавливать исповедающихся, когда они говорят о других. Кто любит говорить про других, про того и люди много говорят». Старец еще говорил нам: «Когда душа обвинит себя во всем, тогда возлюбит ее Бог, а когда возлюбит ее Бог,— тогда, что еще нам нужно?» После исповеди и прочтения над нами разрешительной молитвы, у нас опять возвращалась жажда духовной жизни и мир в душе водворялся.

О. Алексий говорил нам: «Хотя Господь во ад меня пошлет за грехи мои, но я все-таки буду благодарить Его всегда за то, что я монах». Он и в миру еще читал и любил Св. Отцов, и был как бы ненасытен в монашеских подвигах. Жажда духовная все монашеские подвиги делает легкими.

О. Алексий имел своим старцем и духовником о. Германа, а о. Герман, в свою очередь, исповедовался у о. Алексия. О. Герману говорили: «Отец Алексий учит повиноваться настоятелю, как самому Христу,—известно ли Вам это, батюшка?» На это о. Герман отвечал: «Не было бы известно, не доверил бы ему учить братию».

Служил о. Алексий не спеша, примерно. За достойно на Литургии поминал и о здравии, и о упокоении—обращал особое внимание на это поминовение. Для совершения проскомидии приходил за час. Святого Антиминса старец не советовал касаться губами, чтобы его не засалить. К искренне кающимся Батюшка был снисходителен, зато к холодным был строг, угрожал судом Божиим. Об о. Германе старец всегда неизменно благоговейно выражался. Он называл о. Германа большой поддержкой

Игумен Герман (слева) и старец Алексий Зосимовский

особенно птицы в руки давались, потому что он имел детскую простоту. О. Алексий о нем говорил: «Хотя он и мужчина по телу, но по душе—чистая дева». При окрашивании этим монахом крыши на церкви Всех Святых, птичка села ему на плечо и улаждала его пением, пока он работал.

Иноки, имея своим старцем о. Алексия, когда теряли душевный мир, приходили к нему и открывали свою душу. Старец говорил нам, что мир душевный теряется больше всего от осуждения ближ-

монашеству. У старца был особый дар напоминать грехи. Некоторые горделивые расстраивались от вопросов старца, но после чувствовали пользу. Старец так говорил им: «Мой долг спросить и наставить—ваше дело принять, как от Самого Бога, и раскаяться».

Старец умел с великой любовью и уважением подойти к кающемуся грешнику. Тут надо много любить и снисхождения иметь, чтобы грешник не впал в отчаяние.

Особенно пошел к батюшке народ после смерти о. Варнавы, который скончался 17 февраля 1906 года. Вот тогда-то и нашли нашего отца в северо-восточной угловой башне. Великим постом он стал изнемогать, постоянно осаждаемый исповедниками, здоровье его пошатнулось, и он тяжело заболел крупозным воспалением легких. Лечивший его доктор Мамонтов открыто говорил, что он может умереть.

В помещении, где жил батюшка, было сыро и холодно, и его перенесли в игуменские кельи. Батюшку несли тепло закутанным в ящике. Когда его вынесли, в это время ударили в колокол к богослужению, и он представил себя умершим и будто его несут хоронить—и он почувствовал какую-то радость, даже больше, он наслаждался, представляя себе, что он может умереть, но братия вся плакала. В Великий Четверг батюшку соборовали, участвовала вся братия, а сын его Михаил Федорович плакал, как дитя. После соборования, вся братия простилась с батюшкой, подошел и я, о. Владимир. О. Алексей простился со мной и, прижав к себе мою голову, тихо мне сказал: «Молись, я надеюсь на Бога, ради ваших святых молитв Господь дарует мне здоровье». После этого о. Алексей стал поправляться. Пока батюшка был еще больной, то жил в игуменских кельях, а летом 1906 г. он перебрался в выстроенную для него деревянную избушечку, пожертвованную одним крестьянином, расход по постройке ее взял на себя сын батюшки».

Об этой избушечке записано о. Илией Четверухиным. Она состояла из небольшой передней, столовой и моленной. В столовой вдоль

стены стоял диван, а перед ним стол. Тут и угощал нас, бывало, батюшка. Самовар ставили мы, но иногда неудачно, а в это время батюшка расставлял на столике посуду, доставал чай, сахар, баранки и все, что имелось. Потом, бывало, спросит нас, как у нас «дела». Если наши дела с самоваром были уж очень плохи, то он вмешивался, и самовар вскоре был готов. Горящую лучинку батюшка всегда опускал в самовар сам. Потом мы устраивались на диванчик, а о. Алексей хозяйничал, разливал чай и беседовал на разные темы. Это бывало всегда с 2-х часов до вечерни. Батюшка был всегда ласков, приветлив, необыкновенно радушен, непритворно-искренне добр.

О пути, приведшем Илию Николаевича Четверухина к старцу о. Алексию в Зосимову пустынь,—запись Евгении Леонидовны Четверухиной: в 1906 году, на первой неделе Великого поста, Илия Николаевич, тогда еще студент семинарии, приехал в Черниговский скит с надеждой побывать у о. Варнавы. О. Варнава назначил ему в пятницу утром. Исповедав Илию Николаевича и еще двух монахов, о. Варнава отправился в Посад исповедовать в церкви дома призрения Кротковой. После исповеди, войдя в алтарь, о. Варнава опустился на колени перед Святым Престолом и отдал Богу душу—17 февраля 1906 года.

Так Илия Николаевич* лишился старца, едва узнав его. Один Гефсиманский монах рассказал ему о двух новобрачных, бывавших ежедневно у о. Варнавы. Состоялось знакомство с ними в Чудовом монастыре,—это дало очень много. Илия Николаевич познакомился с заместителем Чудова мо-

* Отец Илия—впоследствии настоятель московского храма Николы в Толмачах. Прихожане почитали и любили его. Исполнилось пророчество старца Варнавы Гефсиманского: «Высоко стоять будешь...» В 1920-х гг. о. Илию дважды арестовывали за «слишком большую популярность среди прихожан». В 1929 г. храм был закрыт и разгромлен. В 1930 г. о. Илию арестовали за «контрреволюционную агитацию и подготовку к восстанию». Будучи сосланным в Пермские лагеря, в 1932 г. в числе 200 человек (главным образом священников) он был заживо сожжен в здании лагерного клуба в пос. Красная Вишера.—Ред.

настыря архимандритом Арсением и молодыми людьми, такими же, как он сам, ищущими и желающими «единого на потребу». Каждое воскресенье они проводили у о. Арсения в покоях несколько часов за чаем, обедом и затем в духовной беседе. Здесь у о. Арсения Илия Николаевич и услышал в первый раз имя иеромонаха Зосимовой пустыни старца отца Алексия. А именно, что после кончины о. Варнавы—ехать надо в Зосимову пустынь. Илия Николаевич не замедлил и поехал в пустынь на Страстной неделе, но возвратился в Москву опечаленный, не увидев о. Алексия: старец тяжело был болен воспалением легких.

Но по воле и милости Божией, старец поправился и отец Арсений, набрав свою молодую «братию», на день своего Ангела 8 мая поехал в Зосимову пустынь. Илия Николаевич был с любовью принят старцем, побеседовал с ним довольно долго и исповедался перед старцем с семилетнего возраста, как требовал того о. Алексей у всех, кто просил его принять в число духовных детей. «Отныне я беру вас на свое попечение,—сказал старец,—я должен буду ответ за вас давать на Старшном суде, но вы должны мне за то обещать полное со своей стороны послушание». И, действительно, до конца жизни о. Алексия Илия Николаевич безпрекословно его во всем слушался и ничего не делал, не получив его благословения.

Будучи невестой Илию Николаевича и часто слушая его рассказы о Зосимовой пустыни и отце Алексие, я горела желанием его увидеть и стать его духовной дочерью, но мама и слышать об этом не хотела, чтобы я поехала в пустынь. «Вот когда выйдешь замуж,—говорила она мне,—куда хочешь поезжай, а сейчас я тебя не пушу». Задолго до свадьбы у нас и И. Н. было решено, что первые дни после нашего венчания мы проведем в Зосимовой пустыни и будем там гостить. 6 февраля 1908 г. было наше венчание в Москве. После свадьбы, в тот день, вечером мы приехали в Сергиев Посад, переночевали и, отстояв на другой день Литургию в Лавре, с двухчасовым поездом со станции Сергиево от-

правились в пустынь. На ст. Арсак за нами выслана была монастырская лошадь, монах-ямщик о. Игнатий заботливо усадил нас в сани, и мы быстро покатались по лесной дороге с холма на холм в ту Зосимову пустынь, о которой я столько уже слышала и к которой так стремилась душа моя. В четвертом часу мы приехали в пустынь; как и предупреждал меня И. Н., — так тепло, так любовно она нас встретила. Напившись чаю, мы отправились к вечерне в собор. Никогда еще в жизни я не бывала за такими полными уставными службами. В субботу после Литургии мы стояли недалеко от западных дверей храма, когда увидели выходящего из алтаря и шедшего к нам страца о. Алексия. Он шел такой светлый, приветливый и еще издали заговорил: «Какой контраст! Какой большой, и какая маленькая!» Благословив и поздравив нас, батюшка дал нам большую просфору и сказал: «Я Вам желаю ни богатства, ни славы, ни успеха, ни даже здоровья, а мира душевного. Это — самое главное. Если у Вас будет мир — вы будете счастливы». Когда мы пришли к нему в назначенное время, старец благословил нас на новую нашу жизнь иконой Смоленской Божией Матери, потом взял меня на

исповедь. Стоя около батюшки, у меня возникло сознание своего ничтожества в сравнении со всем меня окружающим в пустыни: так все велико и свято там было. Что была я, грешная, в сравнении с этими ушедшими от мира подвижниками, в сравнении с этим великим старцем-затворником отцом Алексием. Я даже не знала хорошенько, о чем ему говорить на первой моей исповеди, и — вдруг расплакалась. Батюшка встревожился и спросил, о чем я плачу. Я, не давая себе отчета, ответила, что не стою Или Николаевича. «Так всегда и думайте», — ответил мне старец. Наш приезд и говение старец очень одобрил. «За то, что первые дни после брака вы посвятили пребыванию в монастыре и говению, вас Господь благословит и никогда не оставит», — говорил нам старец.

Когда я увидела старца в первый раз, ему было 62 года. Вид старца был благолепен: довольно высокого роста, с большими еще тогда волнистыми и совершенно белыми волосами, с глубокими, ясными, черными, большими глазами, которые смотрели, казалось, прямо в глубь твоей души. Поразительна была аскетическая наружность старца.

Прожив в пустыни четверо суток, простаивая все уставные богослужения, мы разом заложили как бы фундамент и дали направление нашей новой жизни, неразрывно связанной с пустынью и дорогим, родным теперь старцем отцом Алексием, который взял нас под свое руководство, который нежно любил нас».

О. Илия пишет: когда о. Алексий только еще готовился поступать в монастырь, его главной целью был затвор, молитва, безмолвие. В пустыни на него возлагались послушания, исполняемые им с большим усердием, но душа его тосковала по уединенной молитве, ища пребывания с Богом.

Поэтому Батюшка стал ходатайствовать перед начальством о позволении ему уйти в затвор. До февраля 1908 г. батюшка принимал на исповедь и к себе в избушку каждый день. К нему приезжали со всех концов России люди грешные, скорбные и недоуменные. Батюшка изнемогал. Действительно, надо было удивляться, как такое больное сердце выдерживало такое огромное напряжение.

Протодиакон Сергей БОСКИН

(Публикация Ю. Куликова)

На исповеди*

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ДУХОВНОЙ ДОЧЕРИ СТАРЦА ЕЛЕНЫ МАЖАРОВОЙ

Обращение мое к вере произошло в 1919 году, когда я совершенно случайно попала в церковь Рождества Христова в Палашах, в Москве. Туда направила меня и сестру мама, которая сама была очень верующей, но лютеранского вероисповедания.

И вот, Великим постом, на Страстной неделе, я пошла в эту церковь, где находится чудотворный образ Богородицы «Взыскание погибших». Передать то впечатление, те переживания, которые охватили меня во время богослужения там, у подножия святой иконы, мне очень трудно. Вся я словно переродилась там. Новые, до тех пор неизведанные чувства и мысли стали волновать меня. Забыв обо всем на свете, о всех меня окружающих, я вся отдалась, всею душою, по-

рыву религиозных чувств и переживаний. С тех пор с неудержимой силою повлекло меня в этот храм к чудотворной святыне, где я нашла для себя новую жизнь и новые радости.

Непросвещенная духовно, не умея разобраться в себе и в своих душевных состояниях, я жила только молитвенным порывом, охватившем меня. Вот призывительно в это время и услышала я о существовании Зосимовой Пустыни и старца о. Алексия. В январе месяце 1921 года я поехала туда с сестрами и с одной своей близкой знакомой, сестрой по духу. Пустынь эта произвела на меня чарующее впечатление. Все, положительно все в этом монастыре восхищало меня: и храм, и богослужение, и монахи, и их жизнь. Словно тихое веяние благодати ощущалось там всюду.

* Все материалы, кроме особо оговоренных, публикуются по кн.: Старец Алексей Зосимовой пустыни. YMCA-PRESS. Париж. 1989. С. 71-88.

К старцу мы попали сначала все вместе, на общую предварительную беседу. Первое впечатление от этой беседы у меня осталось очень несильное. Меня как-то смутил старец, как своим внешним видом, так и обращением с нами. Мое, тогда еще почти детское, воображение рисовало себе старца-схимника совсем другим, а не таким «простым человеком», каким мне показался старец. Когда мы вошли, старец благословил нас и просил сесть всех за стол, сам он сел тут же. Не помню, что говорил нам батюшка, беседа, казалось мне, была самая незначительная. Старец спокойным, ровным голосом расспрашивал нас: откуда мы, есть ли у нас родители, учимся ли мы и т.д. Потом давал нам самые общие наставления о том, как надо жить, верить и молиться Богу. Я, повторяю, плохо помню все эти наставления; меня в то время смущали всякие посторонние мысли, которые лезли в голову, и в душе росло неприятное чувство разочарования в старце.

Мы ушли, обещая батюшке на следующий день придти к нему, каждая в отдельности. Но после первого свидания со старцем идти к нему на отдельную беседу мне уже не очень хотелось. Однако рано утром на следующий день мы все-таки встали и пошли к старцу. Как сейчас помню себя идущей к дверям батюшки, а за собою о. Макария с лампочкой. (Старец начинал принимать с 5-ти часов утра, и зимою это было еще совсем темно); помню стук в дверь и молитву, прочитанную келейником, и затем последовавший ответ густым басом: «Аминь». Я вошла. Невольное волнение охватило меня. Передо мною, вставши с кресла, стоял во весь свой высокий рост вчерашний старец, но вчерашний ли?!—Меня поразила перемена в нем! Передо мною стояло словно новое лицо, новый человек. Куда девалось все, что еще вчера делало его «простым человеком», так неприятно смущившим меня? С ласковым, светлым лицом, с проникновенным взглядом темных, необыкновенных, как мне показалось тогда, глаз, стоял старец посреди комнаты и протягивал ко мне вперед свои руки. Смущение мое словно сразу рассеялось, и, как к родному, с полным доверием я двинулась от порога навстречу батюшке. Поклонившись ему по-монашески в ноги и поцеловав его руку, я встала с колен. Старец молчал, молчала и я, не смея заговорить первую и потупив взор в землю; как вдруг почувствовала, что руки старца обняли меня за плечи, и крепко, крепко, как родную, прижал меня старец к себе. От неожиданности я очень смутилась, но батюшка, держа меня за обе руки, повел за собою. Опустившись в кресло, он поставил меня на колени рядом с собою. С нежной лаской он продолжал меня молча гладить по голове и по щекам (словно силясь разбить меня до конца во вчерашних смущениях). От этой искренней отеческой ласки совсем чужого мне человека я очень расстрогалась. И так молча батюшка ласкал меня до тех пор, пока я, вконец умягченная душою, вдруг заплакала, растерявшись перед этим «сверхчеловеческим», как мне показалось, отношением старца ко мне; я не знала, что мне делать, как мне со своей стороны отвечать на него. С признательностью и слезами я только без конца целовала руки, которые меня так нежно, по-матерински ласкали. И только когда я заплакала, старец впервые заговорил со мною, он словно и ждал

только моих слез: «Беденькая, — сказал он, — она плачет. Как мне тебя жалко! Детьнышка, приголубить-то тебя, видимо, некому. Вот они слезинки-то так и катятся!» И старец с беспокойством стал заглядывать мне в лицо и своими ручками утирать мои слезы, которые обильно текли по щекам. Когда я немного успокоилась и перестала плакать, батюшка спросил меня: зачем я приехала—на исповедь или на беседу. Я со скорбью сказала ему, что получила разрешение от святейшего только на беседу, но что мне так хотелось бы исповедаться. На это старец сказал мне успокоительным тоном: «Ну и хорошо, побеседуем с тобой, побеседуем». И начал говорить сам. И не успела я опомниться, как стояла уже перед ним со вскрытою во всех ее уголках душою. Картину за картиной рисовал старец предо мною мою прошлую жизнь, открывал мне сам мои грехи. Прозорливость его меня поразила и совсем уничтожила. Словно громом пораженная, стояла я перед ним в смятении и слушала сама про себя, про давно забытые и неосознанные свои поступки; подробно, вплоть до каждой мелочи, описывал мне батюшка мои грехи, говоря, сколько лет назад и при каких условиях они мною совершались. Изумлению моему не было границ. Мне стало даже страшно и жутко, а батюшка, словно отвечая на мои мысли, говорил: «Ты не думай, детьнышка, что я прозорливец какой-нибудь, это я просто опытный, много видел и слышал всего, ведь я духовником еще в Успенском соборе был». Но я, кажется, в то время не могла больше ни о чем думать, мысли мои стали путаться, вся я горела словно в огне, и стала плохо уже понимать то, что дальше говорил мне старец. Он же истинно прозревал все, что со мною совершается: время от времени начинал он крестить меня, мой лоб маленькими крестиками, как бы силясь помочь мне и освежить мою голову и мысли.

И так мы беседовали, как и сказал батюшка, но беседа эта вскрыла все самые затаенные уголки моей души и очистила ее от застарелой грязи. Мы проговорили со старцем часа три. Боже мой! Каким родным, чудным и великим сидел теперь предо мною этот человек, еще вчера непонятый мною! Слезы так и навертывались на мои глаза при взгляде на него, а он, видя их, ласково утешал меня: «Детьнышка, — говорил он, — помни, что нет греха, которого Бог не простил бы. Он и тебя простил сегодня, видя твое покаяние. Разве я не вижу, как ты страдаешь, и мне так дороги эти твои страдания. Ты мне теперь родною стала, как дочка моя, а я—твой отец».

Мне казалось, что я все-все тяжелое оставила у него и уходила от него с облегченной совестью. По окончании разговора старец сказал мне: «Ну, детьнышка, а уж разрешить-то тебя от грехов я не могу, не имею права, раз ты у святейшего на беседу просилась. Пойди к о. Иннокентию и скажи ему, что я прошу его разрешить тебя, скажи, что исповедовалась ты у меня. Ну, а теперь помоги мне встать, детьнышка, пойдем, я тебя благословлю чем-нибудь на дорогу».

Нужно сказать, что все время нашей беседы со старцем он ни разу не спросил меня, есть ли у меня в Москве духовник, куда я хожу молиться и т.д., так что мне не пришлось совсем обмолвиться о том, как, когда и где я начала верить и стремиться к духовному. За множеством грехов моих мы об этом поговорить слов-

но забыли. И только под самый конец прозорливостью старца все это вдруг выяснилось. Итак, батюшка повел меня за собою в свою другую комнату, его спальню. Там на комодѣ у него лежало много всевозможных икон, брошюр и листов. Батюшка подошел к комоду и начал перебирать их. Долго искал он словно что-то определенное среди брошюр, наконец, вынув одну из них, подал мне со словами: «Вот нашел, на тебе. Тут вот и иконочка нарисована». Я взяла из рук батюшки брошюру и, взглянув на иконочку, там нарисованную, громко воскликнула: «Батюшка, что вы мне дали? Ведь это икона «Взыскание погибших», моя любимая! В церковь, где она находится, я хожу всегда молиться, там было мое первое обращение к вере». И, захлебываясь и волнуясь, я начала рассказывать батюшке, как все это было. Старец выслушал меня с радостью на лице и ответил: «Ну, вот видишь, значит я угадал, дал тебе твое родное». И сам стал рассказывать мне о том, что и для него эта икона дорога, что и для него она является «спутницей жизни». — «Эта икона, — говорил батюшка, — дана была в благословение матерью на всю жизнь, а после смерти жены она и в монастырь пришла со мною!» Говоря об этом, старец подвел меня к своему киоту и показал свою святыню в ризе, небольших размеров.

Настал момент разлуки. Батюшка, благословив меня в последний раз, ласково сказал: «Ну, прости, детынька». Но я уйти не могла. Батюшка позвонил. Я сделала несколько шагов к двери и снова вернулась. Батюшка с терпением и любовью еще раз благословил меня и, казалось, так хорошо понимал мои переживания. Кто-то уже двинулся за дверью, а я все стояла на одном месте и со слезами смотрела на старца; он же, нежно, ласково обнимая меня, говорил мне: «Детынька, как она привязалась ко мне, не хочет уходить от меня. Ну, что же мне с тобой делать-то? В карман что ли положить тебя?»

Но тут уж я принуждена была выйти, — вошел о. Макарий и ворчливым голосом доложил: «Пора кончать, батюшка, там другие дожидаются». Я вышла еле-еле сдерживая подступившие к горлу слезы,

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ КЕЛЕЙНИКА СТАРЦА ОТЦА МАКАРИЯ

Батюшка принимал приходящих к нему на совет или на исповедь с большим вниманием, смиренном и любовью и старался совершить исповедь или беседу, насколько позволяло время, по возможности, не спеша. Одна богомолка, выйдя после исповеди от старца и встретивши одного монаха, спросила: «А что у вас этот духовник-то, с Афона? Уж очень долго испове-

дует». — Один протоиерей, исповедовавшись у старца, так выразился о нем: «Хороший духовник, у него и вопросы-то так поставлены, что пропустивши один, на другом попадешься». Бывало и так, что, отпустивши исповедника, батюшка сам посылал за ним, чтобы еще передать ему нужный совет.

Уезжая из Зосимовой Пустыни, я горько плакала, не хотелось уезжать из монастыря и покидать дорогого старца, ставшего вдруг таким близким.

Сильно, потрясающе действовала на меня всегда исповедь у старца. Не было ни одного раза, чтобы я не плакала, бывая у батюшки на исповеди. Ласка, любовь и нежность его ко мне были всегда безпредельны! Слышала я стороною, что старец будто бы умел быть с другими строгим, но со мною он таковым никогда не был и представить его таким мне даже трудно. Вся его строгость, и то редко-редко, сводилась иногда к тому, что он начинал меня за какую-нибудь провинность трепать за ухо, или изменял мое имя, называя не Ленушкой, как обычно, а Ленкой. Не помню случая, чтобы мне когда-нибудь удалось хотя что-нибудь скрыть от старца, особенно, когда он вдруг во время исповеди брал мою голову в свои руки и, приближая ее к своей голове, так, что наши глаза приходились в уровень, близко-близко одни от других, начинал смотреть в душу своим вдруг изменившимся, остановившимся, странным и для меня, грешной, даже жутким взглядом. Этого его взгляда я не могла выносить никогда. Мне делалось как-то страшно, и, по своей греховности, я часто прилагала всякие усилия, чтобы только не взглянуть в это время на батюшку. Однако, он всякий раз настаивал на этом, часто просто умолял меня взглянуть на него «хоть разок», а когда я на это не соглашалась, то он насильно, хоть на миг, старался заглянуть мне в глаза и тогда словно успокаивался. Много и часто думала я об этом. Для чего нужно было батюшке непременно таким образом и хоть разок заглянуть в глаза пришедшего. Неужели он все узнавал через это? Мне говорили, что батюшка делал так и с другими, но я лично каждый раз со страхом ждала на исповеди этого момента, относясь к нему, как к высшему проявлению Силы Божией в старце, как к дару прозорливости в нем. И сейчас часто, часто, словно живые, встают в моей памяти эти необыкновенные глаза батюшки — глубокие, с широко раскрытыми зрачками, темные, темные, словно бездонные.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ЗИНАИДЫ ПОМОРЦЕВОЙ

Была я у старца Алексия, кажется, в 1922 году на Троицын день. Пошла к нему после вечерни; о. Макарий сказал, что пропустит меня, но проходили часы — всех, и после меня приехавших, пропускали, а меня все нет и нет. Я терпеливо ждала, думая, что это испытание. Наконец, о. Макарий сказал, что не пустит меня и что, вероятно, я на этой неделе совсем не пойду. Я страшно расплакалась и в слезах ушла в номер. Там на меня снизошло спокойствие. Не успела я со своими знакомыми сесть чай пить, как приехала

игумения Сергия из Дмитрова. Номера были все переполнены, и ей пришлось остаться в коридоре. Мы пригласили ее к себе пить чай. Она мне очень понравилась, мы разговорились. Игуменья Сергия была постоянной духовной дочерью старца и без совета его ничего не делала. Она обещала меня провести к отцу Алексию.

На следующий день в половине пятого утра мы отправились к старцу. Вошла матушка и пробыла у него около 2-х часов, потом ее келейница, еще не-

сколько человек, наконец—я. Отец Макарий крикнул: «Смотри не больше пяти минут». Я остановилась на пороге: никогда не бывая у старцев, я не знала, как себя вести, и меня поразило величие о. Алексия. Он сидел в низком кресле в схиме (хотя неполной), величественный и весь седой. Вдруг слышу его голос: «Иди, иди ко мне». Он велел поклониться ему в ноги по монашескому обычаю и говорит: «Я увидел твои слезки, и мне жаль, жаль тебя стало». А я уж и забыла, что вчера плакала. Потом он начал гладить меня по голове, ласкать... Мой духовник велел мне непременно добиться исповеди у старца, но я не могла и заикнуться об этом, помня строгий окрик о. Макария—«не больше пяти минут». Но вдруг отец Алексий, все продолжая меня ласкать, сам стал говорить мои грехи—все с семилетнего возраста, о которых я и вовсе позабыла. И все, как живое, вставало перед моими глазами. Почти час говорил он... Потом кончил: «Теперь ты можешь быть покойна и причаститься». Только тут я поняла, что это была исповедь. «Теперь я буду за тебя всегда молиться»,—сказал старец и записал мое имя в свое поминание. Я поднялась, чтобы уходить, но старец все гладил меня по голове и повторял несколько раз: «Ах, бедненькая, бедненькая, как мне тебя жаль, некому тебя пожалеть, приласкать!» Я не поняла тогда этих слов. У меня был духовный отец, который и со всеми был очень добр и внимателен, а ко мне относился, как к родной дочери. Я не только часто исповедовалась, но каждый день почти могла говорить с ним, сообщая все свои радости и горести, и в участии, жалости и ласке недостатка не было. Через год или полтора он умер, и тогда я поняла, о чем говорил старец. Вот уже шесть лет скоро, как некому меня пожалеть.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ МОНАХИНИ А.

Началась вечерня, когда на солее бокового правого придела появился старец. Высокий, в мантии, эпиграхи и поручах, с седыми волосами, светлым лицом и пронзительным взором, он был так величественен, что приковал мое внимание. Прочитав молитвы перед исповедью, он сказал краткое слово, призывая к чистосердечной исповеди. «Христос невидимо стоит, приемля твое исповедание»,—прозвучал в моей душе блавест с неба.

Пели стихиры на «Господи воззвах», когда я стояла у иконы Спасителя перед Крестом и Евангелием и посмотрела на батюшку. Медленно, медленно, одна за другой катились слезы из его глаз, сдержанный тихий вздох уловила я, теплом, ласкою, святостью веяло от старца. Слушая меня, он сел на скамейку, а я, стоя на коленях перед ним, открыла свою душу; его ласка согревала, каждое его слово, как из уст Господа, вливало свет, тишину, покой. По окончании исповеди за всю жизнь дивный старец сказал: «Вижу, А.В., что вы очень блаочестивы, но как бы вы живой не попали на небо, вас надо держать за ноги, вам необходимо руководство, советую обратиться к А.А. Вам нужно спать 10 часов, приходите к концу божественной ли-

Потом о. Алексий велел позвать к нему снова игуменью Сергию, но не давал звонка, позволявшего ей войти. Минут 15 продолжался перерыв. О. Макарий сказал, что старец молится за меня...Игуменья Сергия полюбила меня сразу и все звала в свой монастырь погостить, а еще лучше совсем остаться: обещала, что я буду самым близким к ней человеком. Я спросила у батюшки благословения на это. Мне он ничего не ответил, я ждала возвращения игуменьи, она опять почти час пробыла у батюшки, а выйдя, совершенно переменяла свое обращение со мной—не только не звала к себе, но почти не узнавала. Через год она умерла, а монастырь, который она устраивала, распался.

Как на крыльях, в восторге прилетела я в номер, и весь день продолжался такой духовный подъем. В 12 часов ночи все собрались к старцу под благословение. Я схитрила, чтобы отец Макарий не узнал меня, сняла стринскую косынку и пошла с открытой стриженной головой. Он, действительно, не узнал, пропустил, но предупредил как и всех: «Ни одного слова не говорите, примите только благословение на сон грядущий».

Это было удивительное состояние, когда мы поднимались по лестнице, точно в другую жизнь переходишь. В келье совсем темно, одна лампадка, надо было входить ощупью. Я подошла последней, опустилась на колени молча. Старец благословил и вдруг задержал руку на моей голове и говорит: «Ведь ты сестра из Н-ой церкви». Меня охватил ужас. Он не мог узнать в темноте, после того, как сотни людей побывали у него за день. Меня поразила его прозорливость. «Так помни все, что я тебе говорил, чему тебя учил»...

тургии, усилить питание, читать утренние и вечерние молитвы, 1 главу из Евангелия, читать Иисусову молитву и кратенькую Божией Матери».

Выходя от старца, я чувствовала Пасху на душе и очень удивилась, когда услышала шепот богомольцев: «Что это за грехи у этой молодой барышни, сама тощенькая, в белом платке, в руках белая шляпка, почитай часа четыре была у старца» (конечно, не четыре, а полтора).

Второй и последний раз я приехала в Зосимову в пятницу 27-го июля 1909 года. Во время всенощной, когда пели «Честнейшую», попала я к старцу на исповедь. По окончании исповеди батюшка сказал: «Придете в гостиницу, попросите у о. Иннокентия 3 стакана молока и непременно выпейте его». Молока я выпила 3 стакана, а слез пролила без меры, и старцу после поздней литургии я сказала: «Батюшка, молоко-то я выпила, а от скорби проплакала всю ночь». «Хорошо, что послушались меня, ведь вы бы не выдержали и одной литургии, а теперь были за двумя»...

Да успокоит Господь твою любвеобильную душу в святых селениях райских, незабвенный батюшка, и да осеняет меня всегда твоя святая молитва.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ МОНАХА ЗОСИМОВОЙ ПУСТЫНИ

Отец Герман говорил про отца Алексия, что он на исповеди и сам перечисляет грехи, и спрашивает всю

поднаготную. Ему возразили: «Батюшка, но ведь тут можно и самому в помыслы влезть? А о. Герман в

ответ: «Конечно, можно простому человеку, но ведь у него и сила. Все расспрашивать может тот, кто сам дочиста открывается».

Отец Алексей имел своим старцем и духовником отца Германа, а отец Герман, в свою очередь, исповедовался у отца Алексея. К ним вполне могут подойти слова еп. Павла: «друг друга честно больше себе творяще». Один монах так рассказывает о старце: «Старец исповедовался у о. игумена Германа натошак, каждый изгиб исследовал, все помыслы, все деяния, как маком написано (все мелочи излагал): часа по два исповедовался. Перед исповедью пойдет по всей братии и клиросным и, кто встретится, говоря:

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Е. А. Ч.*

У отца Алексея был обычай делать генеральную исповедь, т.е. расспрашивать о грехах с семилетнего возраста. Многие и не понимали, что то или иное грех, а батюшка все тонкости, все изгибы разберет. Спрашивает бывало: «Не грешен ли в этом?»—«Нет».—«А вот это, а вот это?» И прижмет так, что человек увидит, что он творил грех, совсем не считая то грехом.

У старца был особый дар напоминать грехи. Он учил и других духовников, обращавшихся к нему за советами, быть очень тщательными в деле исповеди. Если же кто стеснялся задавать вопросы о плотских грехах, то старец говорил: «Тогда лучше не задавать, чтобы не соблазниться». Некоторые горделивые расстраивались от вопросов старца, но после чувствовали пользу. Старец так говорил им: «Мой долг спросить и наставить, —ваше дело принять, как от самого Бога, и раскаяться». Людям, которые не сразу открывали

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ МОНАХИНИ МАРИИ (ТИМОФЕЕВОЙ)**

Как-то раз собралась группа сестер в Зосимову пустынь к о. Алексею-затворнику. Очень захотелось и мне. Пришла к Батюшке*** и говорю со страхом, зная, что меня Батюшка от себя никуда не отпускает. «Батюшка, дорогой...», а он еще не дав мне ничего сказать, говорит: «Что, захотела в Зосимову пустынь к о. Алексею?»—«Да, очень хочется, многие едут».—«Ну что же, поезжай. Передай от меня о. Алексею привет, и о. Иннокентию, и о. Дионисию, и смотри, не балуйся там, не шали». Очень обрадовалась я первой своей поездке к о. Алексею. Приезжаем туда, отстояли службу и все пошли на благословение к о. Алексею. А нам келейник отвечает: «А о. Алексей не принимает больше. А откуда вы? Из Москвы? Да там у вас свой старец Алексей выше нашего, и зачем наш вам? Помолитесь и поезжайте обратно». Все повернулись и пошли, а я осталась и сказала: «А мне ведь наш Батюшка велел о. Алексею вашему передать поклон, значит, я должна его увидеть». Посмотрел на меня иеромонах и сказал: «Всех батюшка принять не смо-

«Простите меня Господа ради, я собираюсь причаститься. Не оскорбил ли я вас, скажите откровенно. Если согрешил, простите, Господа ради». Когда сам исповедовал, расспрашивал о самых тончайших делах и помыслах. Однажды, идя на откровение помыслов у о. Германа, остановился с о. Мельхиседеком и сказал ему: «Вот, мне уже за 50 лет, и я уже два года в монастыре, а только теперь стал чувствовать, что такое монашеская жизнь в пользу откровения, а я ведь был священником, людей учил...»

Когда пускали к нему на исповедь по выбору, был недоволен: «Я, —скажет, —не на лицо, а на человека должен смотреть».

свои грехи, он говорил: «Во грехе гнить хотите? Не желаете исцеления?» Когда, наконец, грехи после увещевания были открыты, старец говорил: «Ну вот, ведь не съел же я вас».

Старец умел с такой любовью и уважением подойти к кающемуся грешнику, что это его расположение буквально располагало выискивать всю грязь и нести ее к ногам старца. Какое бывало после исповеди у него облегчение, какая радость в душе! Старец так говорил о духовнике: «Духовник—это баня, которая всех моет от грязи, а сама в болоте стоит». Он не раз говорил священникам, чтобы они, слушая какие-нибудь тяжелые грехи на исповеди, что называется, и виду бы не показывали, что ужасаются, слушая о таких вещах! Тут много надо любви и снисхождения иметь, чтобы грешник не впал в отчаяние.

жет, а о тебе, матушка, я доложу. Как тебя зовут?»—«Мария грешная».—«Так ты не монахиня?»—«Нет еще, собираюсь ею быть». Он посмотрел на меня, улыбнулся и сказал: «Ну, подождите. У него сейчас игуменя, а потом пойдешь и ты». Игуменья вышла скоро, он доложил обо мне Батюшке. «Батюшка вас приглашает, идите за мной». Испугалась я, руки и ноги затряслись от страха. «Молитвами святых отец наших», быстро произнес келейник и постучался. Понесся голос о. Алексея: «Аминь». Келейник открыл дверь, впустил меня и тут же дверь захлопнул. В мысли моей пронеслось: «Ну, пропала я!» И стою, прижавшись к двери. Батюшка сидел в кресле, одетый в схиму, а я таких еще никогда не видала. Волосы седые, длинные, расстилались по плечам, борода длинная. Я боялась двинуться с места и от страха готова была плакать: дверь зашелкнула, бежать некуда. Я только хотела сказать: «Отпустите меня, пожалуйста,»—как слышу твердый, грубый, но ласковый голос батюшки: «Деточка, не бойся, не бойся, поди ко мне. Ты откуда?» Я молча неуверенным шагом начала приближаться. «Ты откуда?»—снова последовал вопрос, и я посреди келлии остановилась.—«Ну, поближе, поближе подойди ко мне, не бойся, скажи, откуда ты».—«Из Москвы от Батюшки о. Алексея. Он велел передать вам привет». О. Алексей своей рукой (а рука длинная показалась мне) взял меня за руку, совсем приблизил к себе и велел встать на коленки.

* Евгении Леонидовны Четверухиной, урожденной Грандмезон, вдовы священномученика о. Или (см. с. 40 наст. изд.).—*Ред.*

** Воспоминания Марии Ивановны Тимофеевой (монахини Марии) об отце Алексии Мечеве. Машинопись из архива Е.В. Апушкиной (Москва).—*Ред.*

*** Имеется в виду духовный отец автора—настоятель московского храма Святителя Николая Чудотворца в Кленниках, протоиерей Алексей Мечев (1859—1923).—*Ред.*

«Ну, скажи, деточка: ты монахиня?»— «Нет, только собираюсь». Батюшка улыбнулся. «А Батюшка О. Алексей благословил тебя принять монашество?»— «Нет, только обещал».— «Будешь исповедываться?»— «Благословите, Батюшка».— «А о. Алексей разрешил тебе у меня исповедываться?»— «Нет, он не любит, когда мы исповедуемся у других батюшек».— «Ну хорошо! А я тебя исповедую, раз ты ко мне попала, и он велел тебе передать привет». Поглаживая мои руки, Батюшка сказал: «Отец Алексей мой хороший знакомый. Мы с ним в детстве были друзьями и вместе играли и на собаке верхом катались, на Каштанкетто». Сразу я как-то ожила и вскрикнула: «Нет, другая большая собака-то была!» Страху стало у меня меньше. Батюшка приступил к исповеди за всю жизнь

мою. Долго (1 ч. 40 м.), от юности он меня исповедал. Он называл мне такие грехи, которых я никогда не слышала, но от страха все говорила «грешна». Исповедь была исключительная. Он меня поставил как бы перед судилищем Христовым, где я была безответна. Я плакала. Мне захотелось скорее к своему Батюшке, где нет страха, а одна любовь. Кончилась исповедь. Я поблагодарила старца и с радостью выкатилась от него. Отпуская меня, он также велел передать Батюшке привет и велел еще к нему приезжать, но я ответила, что «больше не приеду, я очень занята». Богослужение пустынное и уставное, пение монахов—все очень подействовало на меня и захватывало дух.

ЗАТВОРНИК ЗОСИМОВСКИЙ*

Иеросхимонах Алексей, в миру Федор Соловьев, родом москвич из духовного звания. По окончании курса Московской семинарии вступил в супружество и определился диаконом к церкви «Николы в Толмачах», что за Москвой рекой. Через два года овдовев, он задумал оставить мир и идти в монастырь, но близкие убедили о. Алексия не бросать сына, сначала воспитать его, а потом уже и проводить в исполнение свое намерение. После усиленной молитвы и раздумья он согласился и в течение 25 лет жил в Москве, с нетерпением ожидая окончания образования сына, какое тот получил в Высшем Техническом Училище.

Последнее место службы старца было в Большом Успенском Соборе, куда он пошел пресвитером за выдающийся голос-бас. Древняя святыня Кремля имела для него подготовительное значение к монашеству. Об этом сам старец говорил так: «Войдешь, бывало, в собор в три часа ночи для служения утрени, и благоговейный трепет охватит тебя... Всюду тишина, Москва еще спит... В таинственном полумраке храма перед тобой встает вся история России... Чудится покров Божией Матери от Владимирской иконы в години бедствий; проходят тени святителей Московских—защитников отечества и столпов Православия,—и хотелось мне тогда молиться за Русь и всех верных чад ее, хотелось всего

себя посвятить Богу и уже не возвращаться в суетный мир».

Как только сын окончил курс, о. Алексей бросил Москву и поспешил определиться в обитель. Его желание было найти уединенный монастырь, куда бы не проникала житейская молва, и где бы иноки действительно спасались в трудах, простоте и молитве. Таким святым уголком считался в то время скит св. Параклита. Сюда наш старец и направил свои стопы. По дороге он заехал в Св. Троицкую Лавру, чтобы испросить благословение у тогдашнего наместника-архимандрита Павла. Последний, однако, вместо Параклита предложил ему Зосимову пустынь. Приняв сие за указание Божие, о. Алексей и поступил в означенную обитель.

Первые годы жизни он проводил здесь, как новоначальный: пел в церкви, ходил на трапезу, занимался с братией по Закону Божию, исполнял чреду служения и среди иеромонахов считался некоторое время последним. Иной раз приходилось ему получать даже замечания от невыдержанных иноков, особенно регента.

Я помню о. Алексия, когда он еще нес клиросное послушание, его редкий бархатистый бас красил весь хор и давал Зосимовскому пению какой-то особый оттенок. Между тем наш авва быстро преуспел в монашестве и был назначен духовником, а потом—старцем.

Особой чертой характера о. Алексия является общительность, доступность и внимательность ко всем. Старый и малый, образованный и простой, говоря с ним, чувст-

вует, что батюшка не тяготится, а проявляет живой интерес к судьбе каждого. Больше того, он как бы берет на себя скорби ближнего, ибо при беседе терзается, обдумывая, как помочь и облегчить твои страдания. Не от того ли у старца большое сердце, что он много переживает, выслушивая людей?

Да, участие о. Алексия к обращающимся за советом к нему—поразительное! Он не может отпустить человека, пока тот не успокоится и не выскажет всего, накопившегося в душе. Стремление непременно улагодворить пришедшего часто порождает в нем беспокойство: ему вдруг покажется, будто вопрошавший остался недовольным и неумиротворенным, тогда старец начинает мучиться и молиться, дабы слова его не послужили во вред. Так сильно у о. Алексия желание спасения другим.

Слух о его духовной опытности и необыкновенной доступности постепенно распространился повсюду. Особенно же москвичи массами стали ездить к нему. Дело дошло до того, что он, принимая народ без отдыха целыми сутками, начал ослабевать и подвергаться сердечным припадкам. Это обстоятельство, а затем и внутренние запросы духа заставили его временно затвориться в кельи. Всем, знавшим о. Алексия трудно было на первых порах мириться с совершившимся фактом; многие недоумевали, зачем батюшка, имея столь общительный характер и оказывая великую нравственную пользу людям, решился на такой подвиг.

* Печатается впервые по машинописи из архива Е.В. Апушкиной (Москва)—*Ред.*

Одна его духовная дочь передавала нам: «Кроме личной скорби об уходе от нас мудрого старца, я почувствовала к нему самому какую-то жгучую жалость. Мне казалось—затвор будет тяжел и для него. Правда, я знала,—единение теснее соединит его со Христом, Которому он отдал свое сердце и ум, но все-таки думалось мне—добровольное заточение не соответствует природным особенностям о. Алексия. При прощении с ним сердце мое сжималось от боли; я почти роптала, не зная на кого и даже готова была думать, что не сам старец, а кто-то другой накладывает на него столь непосильный крест, жестокий и ненужный»...

Кроме дара «старчества» у о. Алексия много и других замечательных свойств души: так он, человек долга, аккуратно и старательно всегда проходивший послушания и обязанности. Весь порядок его жизни точно определялся предписаниями Лаврского начальства, нарушить которые он считал для себя невозможным. Обычным заявлением старца духовным чадам, вымогавшим у него что-либо, было: «это мне инструкцией не дозволено». Или вот разительный пример той же исполнимости:

В 1917 году он присутствовал в Москве на церковном соборе. Были октябрьские дни; на улицах происходили перестрелки. Мирные жители сидели тогда дома. Но вот о. А. собирается из Чудова монастыря в Епархиальный дом на очередное заседание. Когда мы убеждали его не ходить, он говорил нам: «А что мне скажут святые отцы? И схимник не пришел, убоялся смерти? Мне стыдно будет получать дневное содержание, положенное членам собора». И о. Алексий идет, но его осыпают пулями, так что он вынуждается вернуться домой. Помню—все мы тогда возблагодарили Бога, чудесно сохранившего жизнь нашего старца.

Не менее выдающейся чертой духовного облика о. Алексия является любовь, обнаруживающаяся, как мы уже заметили, в сильном желании спасения ближним. То же чувство заставляет его усердно молиться за духовных чад. К литургии он выходит за час и более до начала, чтобы помануть всех знаемых и вынуть за них частицы из просфоры.

Любовь старец ставит выше поста и молитвы. Один послушник спрашивал его: «Батюшка, как мне быть? Я живу в кельи с братом, ночью мне иногда хочется помолиться, но

как тихо не стараюсь это делать, тот просыпается, и я, таким образом, тревожу его; продолжать ли мне свое правило или же лучше не нарушать сон келейника?»—«Советую тебе,—говорит старец,—не беспокоить брата, ибо любовь выше всего».

О. Алексий способен на самопожертвование. Как-то раз заболел тифом его преданный и любимый духовный сын арх. С. И что же? Старец молился так: «Если болезнь о. С. к смерти, то благослови, Господи, мне за него умереть, а он пусть еще на земле славит Святое Имя Твое»...

Жалость нашего аввы простирается даже на животных и насекомых; он считает грехом убивать какое бы то ни было живое существо, и когда, например, в мышеловку попадает мыш, просит своего келейника монаха М. не губить ее и относится подалеже от жилья в лес и там выпускает...

О. Алексий—верный сын Православной Церкви. Как фотографическая пластинка все точно воспринимает, так и наш старец умом и сердцем, озаренный светом Христовым, правильно и глубоко хранит истины веры. Вместо того, чтобы проверять церковные взгляды по канонам и книгам, духовным чадам его достаточно спросить мнения своего отца, и всегда они могут получить безошибочное разъяснение того или другого вопроса.

Нужно заметить, что у каждого подвижника и духовного вития есть свои «религиозные интересы», излюбленные темы, около которых вращается его мысль и чувства. Нашего авву всегда беспокоило современное неверие, богоотступничество; о них он говорит постоянно, обращая внимание то на одну, то на другую сторону этого явления. Так было время, когда он много беседовал о Толстом и его последователях, затем о баптизме, далее о теософии, спиритизме, оккультизме и т. п. Из нравственной же области он много уделяет внимания указанию на пагубный вред для юношества тайных пороков.

Поражает о. Алексий еще своим смирением. Будучи просвященным и духовно-опытным человеком, он мог бы занимать высокое положение в Церкви, но довольствуется скромным званием монастырского старца. Жизнь же в пустынной обители, затвор и лаврские инструкции окончательно оградил его от каких-либо начальственных должностей и иерархических повышений. То же смирение заставляет авву го-

ворить всем и каждому: «Я ничего не знаю—соломой шит» и сердится, когда считают его прозорливым или высоко ценят.

Относясь ко всем высшим себя с уважением, он сам старается не осуждать никого, и своих духовных чад наставляет к тому же. Смирение в нем столь сильное, что, кажется, о. Алексий готов у всех просить прощения и не задумается поклониться в ноги, как говорится, последнему человеку. Своего келейника, иеродиакона Макария, он называет на «вы», на все спрашивает его разрешения и как бы совета. Впрочем у старца проявляется иной раз тщеславие, но какое-то особенное, затрагивающее скорее достоинство других людей, чем его самого. Так, например, он любит похвалиться выдающимися духовными чадами. «Ведь ты знаешь,—делится батюшка с своим собеседником,— что «Н» мой духовный сын, Какой у меня сын-то!»

О. Алексий являет, наконец, собой пример инока, проводящего весьма внимательную духовную жизнь. Он зорко следит за движением помыслов и чувств, и во всем еженедельно дает отчет на исповеди. Правда, старец читает ее по печатному чину, но тогда как большинство из нас ограничивается при этом простым перечислением грехов; о. Алексий после каждого наименования проступка останавливается указанием, насколько повинен он сам в нем. Отсюда исповедь его бывает всегда продолжительной. Нам пришлось быть духовником батюшки почти в течение целого года, когда он присутствовал в Москве на соборе, и мы получили тогда для себя великий урок.

О. Алексий пережил семидневное сидение в Гермогеновском подвальном храме во время обстрела Кремля.

Приняв в монашестве имя святителя Алексия, митрополита Московского, он в течение 20-ти летнего безвыездного пребывания в Зосимовой пустыни ни разу не был у своего Ангела, а тут пришлось ему, благодаря участию на церковном соборе разделить с иноками Чудовской обители самый тяжелый, опасный в их жизни исторический момент, когда каждый находился на волоске от смерти. Присутствие с нами великого аввы возвышало дух, вселяло спокойствие и прогоняло всякий страх.

Архиепископ АРСЕНИЙ
(Жагановский)

ПОУЧЕНИЯ СТАРЦА АЛЕКСИЯ

● Я,—говорил старец,—миниатюра оптинских старцев, как и сама Зосимова Пустынь. Оптинские старцы уже привыкли обращаться с народом.

● Монах должен знать два слова: «простите и благословите». Ему надо заучить наизусть стихирю 7-го гласа: «Виждь твоя пребеззаконная дела, о душе моя, и почудися како тя земля носит, како не расседяся, како дивие зверие не снедают тебе; како же и солнце не заходимое сияти тебе не преста; восстани, покаяйся и возопий ко Господу: согреших ти, согреших, помилуй мя» (неделя вечера).

● Когда слушаешь колокольный звон на улице, он разлетается и разбивается о разные встречные предметы; иногда же его восприятию мешает какой-либо треск, визг или писк. Напротив, когда сидишь в четырех стенах, то этот же звон слышишь очень явственно, ибо стены его не ограждают, не дают ему разлетаться. Точно так же небесные звезды бывают видны только вечером, днем же их не видно. Если ты спустишься в глубину земли (например, в колодец), то оттуда увидишь много звезд, которых ты раньше не видал. Так точно и человек,—если более приобучает себя молитве Иисусовой, то эта молитва делается ограждением для его ума, не дает ему развлекаться соседними лицами, предметами; помогает ему схватывать слова церковного пения и чтения и вообще помогает ему более внимательно стоять церковную службу. Но это относится не к начинающим делателям молитвы Иисусовой, а только к тем, которые привыкли к этой молитве.

● Молитву Иисусову когда творишь, заключаешь ум в слова молитвы, т.е. молись со вниманием. Молитву Иисусову лучше ограничивать во времени (например, 15-20 минут), нежели количеством: в этом случае произносишь молитву более неторопливо и более внимательно. Это правило пусть, как урок, творится постоянно, кроме дней праздничных двенадцатых.

При ежедневном чтении Евангелия и Апостола—лучше читать из того и из другого по одной главе в день. В Пасху и двенадцатые праздники Псалтирь оставляется и читается только Евангелие и Апостол.

● Псалтирь в келье лучше читать стоя, нежели сидя, несмотря на то, что в церкви кафизмы Псалтири выслушиваются сидя; келейное чтение Псалтири есть молитвенный труд. (Если в церкви и сидят во время кафизм, то ради седален, читаемых после кафизм, а не ради самих кафизм).

● Евангелие непременно надо читать стоя. Апостола можно и сидя и стоя, но лучше стоя. Мирянину, желающему познакомиться с духовной жизнью, лучше всего сначала прочитать книгу еп. Феофана «Что есть духовная жизнь». Эта книга представляет из себя как бы ворота в духовную жизнь.

● Писания оптинских старцев ближе к сердцу, чем писания Феофана Затворника. У него много схоластической, школьной учености (рубрики, под-разделения). У оптинских старцев более опытности, вследствие их долгого постоянного упражнения с окормляемыми. Вообще, живая сердечная вера скорее и глубже схватывает предмет, чем рассудочное изучение его или оперирование над ним с докторским ланцетом.

● Из оптинских старцев более серьезен и полезен для монахов о. Макарий Оптинский. У него все сводится к смирению и самоукорению. Нет письма, где бы ни говорилось о смирении. Как масло в кашу, он всюду подливает самоукорение.

● Оптинские старцы оттеняют одну черту в таинстве елеосвящения, именно—оно облегчает хождение по мытарствам.

● Протоиерей Глаголев (настоятель Николо-Покровской церкви, дядя по жене о. Алексия и его крестный отец) говорил: «Сначала исполни то, что указано Церковью, а потом как хочешь, потом можно и полиберальничать».

● Схима есть завершение монашества. Манатейное монашество есть только «обручение ангельского образа», а схима—самый «ангельский образ». Вот почему древняя практика не знала манатейного монашества, а только схиму. Манатейное монашество введено уже позднее, как послабление первоначальной строгости монашеской жизни. На Афоне и теперь схима почитается чуть ли не обязательной для каждого монаха: перед концом жизни каждый должен принять схиму. Смотрят очень строго за тем, чтобы ее не принимали рано. Преп. Серафим Саровский и преосв. Феофан Затворник совсем не приняли схимы. Значит, они почему-то не сочли схиму для себя нужной. Схима есть повторение и усугубление монашеских обетов; человек чувствует, что он доселе как следует не исполнял монашеских обетов, раскаивается в этом и снова пред всею Церковью их произносит, надеясь с помощью Божьей их исполнить. В схимничестве усугубляется молитвенное правило.

● При исповеди, особенно женщин и молодых девушек, не следует смотреть им в лицо, а лучше смотреть в профиль или на икону, ибо зрение, по словам св. отцов, есть сильный проводник блудной страсти.

● Старец говорил, что надо молиться против нервности—Борису и Глебу; против порока пьянства—св. мученику Вонифатию; против блудной страсти—прежде всего нужно молиться Господу Богу, Божьей Матери, Ангелу Хранителю, своему святому и затем препод. Иоанну многострадальному, преп. Моисею Угрину, преп. Мартимиану, преп. Марии Египетской, св. муч. Фомаиде, ап. Иоанну Богослову (девственнику) и всем святым.

● О св. причащении батюшка еще говорил так: «Плоды св. причащения: здоровье души и тела, мир

душевный, какая-то радость духовная, легкое отношение к внешним скорбям и болезням. Бывает, например, так: больной, причастившись Св. Таин, говорит: «Если бы я долго не причащался, я давно умер бы».

● Эти плоды действуют, если мы не оскорбляем святыню. Если же оскорбляем ее, то в тот же день причащения она перестает действовать. А оскорбляем мы святыню чем? Зрением (зрение, по словам святых отцов,—опасный проводник блудной страсти); слухом и другими чувствами; многословием и осуждением. Посему в день причащения надо преимущественно хранить зрение и больше молчать, «держат язык за зубами».

● Если мы не получили плодов после св. причащения, надо раскаиваться, смирать себя, считать себя недостойным этих плодов: быть может и недостойно причастился? Рассеялся во время службы,—ведь можно рассеяться не только блудными, а и другими посторонними мыслями. Отчаиваться же и скорбеть, что я не получил плодов св. причащения, не нужно. Иначе св. причащение будет для нас талисман какой-то. Такое отношение к причащению—своекорыстие.

● Если кто-то батюшку спрашивал о чтении молитв: нужно ли то-то вычитывать, или можно пропустить,—то он иногда так отвечал: «Лучше перемолиться, чем недомолиться». И кажется, это он не от себя говорил, а ссылаясь на кого-то, так говорящего.

● За новопреставленного полагается утром и вечером делать по 12 поясных поклонов. Один брат сказал батюшке: «Вот я по несколько дней забываю сделать эти поклоны, а потом уже зараз поклонов 100 и сделаю с таким расчетом, чтобы пополнить пропущенное. Можно ли так и впредь делать?» Батюшка сказал: «Хорошо все делать, когда полагается, в свое время».

● Об осуждении о. Алексей как-то сказал: «Осуждаем, детынька, оттого, что за собою не смотрим и себя наперед не осуждаем. Не осуждай никого, не клевети и не давай неправильных советов ближним, ну, а если тебе придется сделать это, то спешь исправить зло. Скажи, что ты неправильно сказала, предупреди, извинись письмом, наконец, если сама не можешь увидеть их, а то знаешь, много неприятностей от этого бывает».

● О гордости и помыслах тщеславия старец говорил следующее: «Гордиться нам нечем, ведь если и есть что хорошее в нас, то не наше, а Божье. Нашего ничего нет. Когда тебе придет в голову помысл гордый и тщеславный о себе, так ты вот что делай: гони его сию же минуту и говори прямо вслух, если одна: «Знаю я, какая я хорошая, а это кто сделал, а это кто сделал?»—и начни перебирать свои грехи—помысел и отойдет».

● О тайне исповеди старец часто говорил так: «Будь покойна, детынька, старческая душа—это могила, что слышала она, то и похоронила в себе навеки и никому того не отдаст. Не надо и тебе другим рассказывать про исповедь. Зачем? Исповедь—это тайна твоя и духовника. Мало ли что

может духовник сказать тебе на исповеди, что сказать-то другим неудобно?»

● Жалующиеся на свою тяжелую жизнь и на множество недостатков и грехов слышали от него следующие слова: «Не ропщи, детынька, не надо, если бы Господь забыл тебя, или не был к тебе милостив, то жива-то не была бы; только ты не видишь Его милостей, потому что хочешь своего и молишься о своем, а Господь знает, что тебе лучше и полезнее. Молись всегда, конечно, об избавлении тебя от скорбей и от грехов твоих, но под конец молитвы всегда добавляй, говори Господу: «Обаче, Господи, да будет воля Твоя».

● Как то сказала я старцу о том, что пою и читаю в церкви, но что это меня рассеивает в молитве и в смиренных чувствах: во время пения и чтения смущают помыслы тщеславия и теряешь спокойствие совести. На это батюшка мне ответил: «Читай и пой в церкви, на это я тебя очень и очень благословляю. Я очень желал бы, чтобы ты принимала в службах деятельное участие. А насчет помыслов я тебе вот что скажу: перед тем как выйти читать, вспомни обо мне, детынька, вспомни, что далеко-далеко в пустыньке есть у тебя старичок о. Алексей, и скажи про себя: «Господи, молитвами отца моего духовного старца иеросхимонаха Алексия помоги мне». И посмотри, как будешь читать, все помыслы отойдут».

● О помыслах нечистых и хульных и о борьбе с ними старец постоянно говорил так: «Все помыслы такие отгоняй молитвой Иисусовой, а когда они очень уж будут докучать тебе, то ты, незаметно для других, плюнь на них и на диавола, тебя смущающего. Ведь вот, когда при крещении христианин сочетается со Христом, он и на диавола и на дела его и дует, и плюет—так и ты делай».

● О чтении духовных книг и Св. Евангелия старец говорил мне: «Не ленись читать Слово Божие и духовные книги. Слово Божие поддержит и укрепит тебя в Истине». В первую очередь он советовал читать следующее: Авву Дорофея, Иоанна Лествичника и Иоанна Кронштадтского.

● Часто жаловалась я старцу на то, что не могу держать постов из-за домашних условий. Много неприятностей у меня из-за этого выходило и поститься не было никакой возможности—это значило: ничего не есть. На все мои просьбы разрешить мне не поститься старец говорил решительно и твердо: «Не могу, детынька, не могу я тебя на это благословить: я—монах, и пост положен у нас в уставе. Смотри сама, молись, Бог видит условия твоей жизни. Только на исповеди не забывай каяться в нарушении постных дней».

● Поведала я старцу как-то и о своих смущениях, возникших у меня в душе из-за некоторых непонятых мною поступков духовного отца. На это старец очень внушительным и строгим тоном сказал мне: «От раз избранного духовного отца не уходи по причинам, выдуманном тобою. Знай, что диавол любит отводить нас от того, кто наиболее может быть нам полезен! Не слушай его внушений, если он будет шептать тебе, что духовный отец невнимателен де к тебе, он де холоден с тобою и

не хочет иметь тебя около себя. Кричи прямо вслух ему в ответ: «Не слушаю тебя, враг, это все неправда, я люблю и уважаю отца моего духовного».

- Спрашивала я как-то о музыке и танцах старца: «Можно ли играть на рояле и танцевать?» Батюшка сказал мне так: «Играть на рояле благословляю тебя только классические вещи, например, Бетховена, Шопена и др. Есть и легкие вещички некоторые хорошие, но вообще легкая музыка служит только страстям человеческим, там, знаешь, и аккорды-то все страстные»... «Ну а танцы,—продолжал батюшка,—это совсем дело бесовское, унижающее достоинство человека. Знаешь, я как-то, когда был еще в миру, смотрел раз из своего окна и увидел напротив в окне бал. Так мне со стороны смешно даже смотреть было—кривляются люди, прыгают, ну точь-точь, как блохи».

- «Батюшка,—сказала я как-то старцу на исповеди,—я очень жестокая, не умею жалеть несчастных и больных людей». На это старец ответил мне: «Надо быть милостивой, детынька, «блаженни милостивии, яко тии помиловани будут». Главное же милуй души согрешающих ближних, потому что больных и страждущих душою надо больше жалеть, чем больных и страждущих телом. Милуй и не причиняй страданий даже животным, потому что и о них в писании сказано: «блажен, иже и скоты милует».

- О подвигах духовных и работе над собою батюшка говорил так: «Не вдавайся очень в подвиги и желанья через меру, выше твоих сил,—можешь легко погибнуть. Иди средним путем. Средний путь—царский. Нет цены умеренному деланию.

Когда на молитве ты вдруг заплачешь, если вспомнишь, что кто-то тебя обидел или на тебя гневался,—эти слезы не в пользу душе. Вообще нужно подавлять слезы, чтобы не превозноситься, что «вот я какая—уже молюсь со слезами!» Если будешь думать о своих грехах и читать покаянные молитвы—это спасительно. Вообще же знай, что враг всегда настороже, всегда за тобой следит, смотрит на выражение твоего лица, твоих глаз, и старается уловить твою слабую сторону, слабую струнку, гордость ли, тщеславие ли, уныние.

- Святые отцы учат, что на хульные помыслы совсем не следует обращать внимания—сами тогда отскочат. Нужно только сказать врагу: «Это не моя мысль, а твоя, наваянная». Если он возразит—нет, твоя, то ответь ему: «Мой духовник мне приказал так говорить»—и тотчас враг отбежит от тебя.

- Светские люди всегда удивляются, что мы, монахи, видим злых духов, а они—никогда. Нет ничего удивительного, ибо они находятся во власти злых духов, и они их оставляют в покое, монахов же не оставляют в покое, потому что они борются с ними и им не поддаются.

- Против скуки, уныния есть несколько средств: молитва, дело, поделье и, наконец, вернуть себя в мантию и уснуть. Когда на монаха надевают мантию, тогда начинается борьба сатаны с ним.

- Вот, может быть, ты будешь когда-нибудь монахиней-игуменьей. Я всегда о тебе молюсь. Если

тебя будут пугать, что будто ты заразилась от мамы (раком), то отвечай так: «Кого я оставлю: мужа или детей? Ведь от смерти не уйти, ближе буду к Царству Небесному, к соединению моему с мамой и с моим родителем. Чего бояться страдания?»

- Отца твоего (лютеранина) нельзя поминать во время церковных служб: ты уж по нем не заказывай парастаса и заупокойных служб. Я тебе дам молитву, составленную о. Леонидом Оптинским, которая как раз подходяща для твоего отца, и молись по нем. Благословляю тебя с сегодняшнего дня начать молиться о твоём отце по этой молитве. Еще при жизни о. Леонида были извещения о пользе этой молитвы». Старец вручил следующую молитву: «Помилуй, Господи, аще возможно есть, раба Твоего (имя), отошедшего в жизнь вечную в отступлении от Святой Твоей Православной Церкви. Неисследимы судьбы Твои. Не постави мне в грех сей молитвы моей, но да будет святая воля Твоя».

- Когда во время Херувимской, или в другие важные минуты, приходят в голову разные житейские мысли, нужно тотчас прибегать к Иисусовой молитве. Твори крестное знамение и произноси молитву Иисусову немного вслух про себя, это очень поможет тебе не блуждать мыслями. Нужно собрать мысли и молиться со вниманием и умилением. Иисусову молитву должно творить с великим вниманием и с покаянным чувством, с ударением на слова: «помилуй мя грешную». С сердечным сокрушением и с детским доверием следует его молиться, и Господь за такое доверие пошлет умиление, и ощутишь плод великий от такой молитвы. Понуждай себя. На исповеди нужно открываться не только в дурных помыслах, но также и в хороших. Итак, если не будешь себя понуждать к молитве, то заглохнет в тебе молитвенный порыв. Сначала трудно, а затем как бы от себя потечет внутренняя молитва, но все же принуждать себя нужно непременно.

Сознание, что ты духовно не подвигаешься вперед, да послужит тебе для самоукоренения. Смирять себя надо. Нужно наедине громко, с покаянным чувством молиться Иисусовой молитвой. Не запускай же ее.

Ты говоришь, что нет памяти смертной. Вот и смиряйся и кайся в этом. Одно крыло—смирение, другое—самоукоренение с терпением. Ты еще должна каяться в том, что у тебя нет должного чувства благоговения к святейшему патриарху и к его сану. Столько благодати излилось на него при его посвящении. Без умиления нельзя было стоять при его посвящении».

Я рассказала старцу свой сон: будто он ко мне подошел (я лежала), благословил двумя руками и тихо удалился, произнося следующие слова: «С самоукоренением и с молитвой». Старец мне ответил: «Да, эти слова знаменательны. Помнишь, что старец Амвросий велел молчать и не рассказывать своих снов о нем?»—И старец погрозил пальцем. «Будешь верить в Промысл Божий, поручишься ему и обрящешь великий мир. Только тогда будешь спокойна. Что бы ни случилось с тобой, никогда никого не

вини, кроме самой себя. За все неприятности и невзгоды благодари Бога. Старец о. игумен говорил: «У кого больше смирения, тот больше преуспеет в Иисусовой молитве. Если вас прервали по делу, то потом снова начинайте ее, и так всегда. Господь, конечно, видит ваше желание—соединиться с Ним в молитве».

Я спросила старца, не грешна ли следующая моя мысль, что когда я приобщаюсь Св. Таин, то я тоже теснейшим образом соединяюсь с Божией Матерью. Старец ответил: «Твоя мысль не еретическая, но лучше совсем не думать о таких вопросах, иначе додумаешься до ненужного и можно даже дойти до сумасшествия. Достаточно думать только о Спасителе и сознательно приобщаться Тела и Крови Христа».

В 1918 году старец говорил о современном положении Православной Церкви, о патриархе и о том, что теперь настало «время исповедничества».

Если ты идешь утром в храм, то все равно полагается читать утренние молитвы. Нужно их прочесть дома, разве только по болезни опустить или если проспишь время.

В первый год моей замужней жизни у меня было такое искушение: ежедневно, за вечерним правилом, которое мы с моим мужем всегда читали вслух, начинали смущать меня помыслы о том, что завтра приготовить к обеду, и до такой степени было сильно это искушение, что я совершенно не могла молиться и очень этим мучилась. При первой возможности я пожаловалась об этом старцу и получила от него мудрый совет: «Чтобы не было у вас подобных искушений,—ответил он,—я советую вам каждое воскресенье вечером сесть с вашим И.Н. за столик, взять бумажку и расписать на всю будущую неделю меню обедов. Вы тогда будете покойны, и думать об этом каждый день вам не нужно будет». Я глубоко была благодарна за этот совет, в то же время мы им воспользовались, и искушения как не бывало. Кроме того, составлять расписание обедов нам доставляло даже удовольствие.

Как-то я спросила батюшку: «Нужно ли мне кланяться первой всем знакомым, которые встречаются, будь они старше или моложе меня?». Батюшка велел всегда и всем кланяться первой. Так и сам старец всю свою жизнь ко всем внимателен и первый всем кланялся.

Когда я спросила батюшку, сколько часов полагается спать, он ответил: «Монаху—6 часов, а мирянину здоровому—7, больному же—8 часов».

Если по приказанию врача приходилось так или иначе нарушать пост, батюшка велел все равно себя окайвять и молиться так: «Господи, прости меня, что я, по предписанию врача, по своей немощи нарушила святой пост», а не думать, что это как будто так и нужно. «Смирять себя нужно».

Однажды, напутствуя свою духовную дочь в монастырь, старец так ее учил: «Надо прежде всего учиться на всякое обвинение тебе говорить «простите», хотя бы ты и была в этот раз невинна. «Простите», говори. Подруга за тебя захочет заступиться, скажет: «Ведь это не ты разбила, зачем же

ты просишь прощения?»—А ты и скажи: «В этот раз я не била стекла, но, вероятно, я когда-нибудь в своей жизни делала какие-нибудь ошибки и портила что-нибудь, а наказание за это не терпела—ну пусть я за то теперь потерплю».

Отец Алексей так наставлял бывало монахинь: «Игуменья—наместница Господа Бога, ей свято повинуйтесь. Знаете ли, что такое послушание? Оно паче поста и молитвы; не только отказываться, а бегом бежать на него надо».

Помню, я однажды сказала отцу Алексию с горечью, что не чувствую в себе теплоты сердечной и любви к Божией Матери. Он мне так ответил: «Вот, когда будешь растить детей, и будешь прибегать с молитвой к Божьей Матери, тогда у тебя и чувства к Ней явятся». Много раз вспоминала я после эти слова батюшки и убеждалась в их истинности.

● Нужно себя принуждать, понуждать исполнять церковные уставы, молиться. Прошу тебя, молю—понуждай себя: сначала будет трудно, но потом станет легко, так что часами простоишь на молитве. Сладость от этого ощутишь. Ты ведь живешь, как полумонахиня, ты и должна молиться—непрерывно себя понуждай. Видимо, ты принадлежишь к числу таких людей, которые не могут молиться в горизонтальном положении, но есть и такие, которые могут так молиться. Если нет времени, читай половину правила, или сколько сможешь, но только всегда с благоговейным чувством, иначе ты только прогневаешь Бога своей недостойной молитвой. Помолись Господу, чтобы он помог тебе творить молитву Иисусову. Ее нужно творить беспрестанно. Я знаю одного человека, простого, необразованного (одного фабриканта), которого Господь сподобил такой благодати, что каждый раз, как он становится на молитву,—он проливает потоки слез.

● Нет у тебя духа исповедничества, за это тебе будет трудно умирать. Тяжело будет отвечать перед Богом, которого ты не исповедовала открыто при жизни своей, а только тайно, боясь насмешек. Ты стыдилась отвечать неверующим, открыто исповедовать свою веру. Всегда при всяком обстоятельстве, можно говорить о Боге. Например, ученики тебе скажут: «Нам не удается такая-то арифметическая задача»,—а ты в ответ: «Ничего с Божьей помощью одолеете ее. Молитесь Богу усерднее» и т.д. На каждом шагу можешь так поступать.

● Если мы не молимся и не призываем нашего Ангела Хранителя себе на помощь, то мы этим оскорбляем Бога, Который нам с первого дня нашего рождения приставил его как хранителя нашей души и тела.

Монашество—это подвиг (борьба), а не отдых и спокойствие, монастырь—это не гостиница, нельзя переходить с места на место. Нашу волю мы передаем другому лицу—в лице начальника монастыря, а он уже за нас отвечает. Если дадут подзатыльник, скажи: «Спаси, Господи»; если привратница сделает замечание—смолчи; если настоятельница побранит—молчи, радуйся, благодари. А кто передает сплетни, того нельзя назвать монахиней, а «болтушкой». Кто хочет поступить в монастырь, тот должен совершенно отречься от себя, смириться и быть

готовым идти на всякие скорби и нести духовные подвиги, ибо монастырь и есть место духовных подвигов. Это не моя мысль, а так говорят святые отцы.

Батюшка сказал (1918г.): «Теперь не время основывать новые монастыри: того и гляди, что скоро закроют и старые-то обители. Еще Давид сказал: «Рече безумен в сердце своем: несть Бог»,—он сказал «в сердце», а теперь люди об этом кричат и учат». Жаловалась я как-то старцу, что трудно мне

дается молитва. «Нужно стараться согреть в себе чувство раскаяния, сердечного покаяния перед Богом. Не нужно прибегать ни к каким приемам, а просто только развивать в себе чувство глубокого, искреннего покаяния. Мало-помалу преуспеешь и тогда почувствуешь великую сладость от этой молитвы».

(Старец Алексей Зосимовой пустыни. YMCA-PRESS. Париж. 1989. С. 132-150).

Из воспоминаний Евгении Четверухиной

ЗАТВОР

К о.Алексию ехали люди со всех концов России, люди самых разнообразных общественных положений, характеров и настроений. Тут были и очень знатные люди, и государственные деятели, были и митрополиты, архиепископы и епископы, были и ученые архимандриты и священники, и иеромонахи, большей частью из воспитанников Московской Духовной Академии, были и простые монахи, особенно много монахинь из разных монастырей, были и военные, и врачи, и чиновники, и учителя, были и профессора, и студенты, были люди богатые и люди простые—рабочие и крестьяне, мужчины и женщины, старые и молодые, семейные и одинокие, большие и здоровые, ближние и дальние, грешные и благочестивые, верующие и сомневающиеся.

О. Алексей привлекал к себе всех этих людей как праведник, молитвенник, нежный целитель души, прозорливец и замечательный духовник. Действительно, отец Алексей был глубоко и сердечно верующий человек, строгих церковных взглядов, благоговейный, усердный молитвенник, постник, труженик, к славе Божией ревнивый, к людям добрый, чуждый корысти и гордости, лицепрятия и человекоугодия: кто бы ни пришел к нему за ширмочки, знатный ли человек, или самая простая крестьянка, все равно, батюшка одинаково забывал себя с ними, переживал с ними их горе и радости, разрешал их сомнения, уте-

шал, ободрял, наставлял. «Я все переживаю с вами»,—говаривал он одной своей духовной дочери. Однажды, когда у нее было тяжелое переживание, он ей сказал: «И я его пережил с тобой, и оно вот здесь у меня осталось»,—показал он на сердце. И как бы плохо о. Алексей себя ни чувствовал, как бы ни был утомлен и нездоров, он никогда ради облегчения себя не ускорял исповеди, разве только для того, чтобы все желающие успели побывать у него, и до последней возможности старался удовлетворить всех к нему обращающихся. Он был замечательным духовником. Строго следя за собой, прекрасно зная законы внутренней жизни и по своему огромному опыту, и по аскетической литературе, видя много людей, исповедуя их и следя за ними—он прекрасно знал и понимал человеческую душу, так что в отношении его мудрость и знание граничили с прозорливостью, которая также несомненно была присуща ему по благодати. А благодать Божия явно чувствовалась в старце. Придешь, бывало, к нему скорбный, с душевной тревогой, благодатный старец не только умиротворит, но еще и утешит, и уйдешь от него довольный, счастливый, даже самый счастливейший; если придешь с загрязненной миром душой, со спутавшимися и затуманившимися чувствами и понятиями,—около праведного старца все станет само собой ясно,—что хорошо и что плохо. Хорошее станет привле-

кательным, а нехорошее мерзким; придешь недоумевающий, а батюшка рассудит все просто и мудро, придешь упавший духом, унылый и безнадежный, а сделаешься около него бодрым и веселым, придешь холодным, безчувственным, а горячее сердце батюшки согреет тебя или лаской, или строгостью, смотря по надобности, и холодное сердце затрепещет и загорится... Точно от батюшки исходили какие-то благодатные духовные силы, от него веяло вечностью, и эта вечность около него становилась ближе, понятнее, и все земное, наоборот, делалось дальше, мало-значительнее, ничтожнее, и, наконец, сама смерть переставала быть страшной.

Когда еще о. Алексей только готовился поступать в монастырь, его главной целью был затвор, молитва, безмолвие. Все, возлагаемое на него, батюшка исполнял с большим усердием, но душа его тосковала по уединенной молитве, ища пребывания с Богом. Поэтому он стал ходатайствовать перед начальством о позволении ему уйти в затвор. Более всего его тяготили, конечно, приезжавшие отовсюду богомольцы. Ведь ехали в пустынь, главным образом, те, кто не находил себе удовлетворения в городских духовниках. Ехали с такими иногда тяжелыми грехами, что не решались о них говорить простому приходскому священнику, думая, что старец лучше обсудит их положение. А это-то и было тяжело нежному, любящему серд-

цу о. Алексия. По свидетельству многих его духовных детей, он был более похож на мать, чем на отца,—столько ласки и нежности, столько терпения он проявлял ко всем.

3-го февраля 1908 года старец Алексей ушел в полузатвор. Сначала временно, до Пасхи, в виде опыта, а потом так и остался затворником. Он выходил только на субботу и воскресенье, принимал монахов и мирян.

Летом 1909 года состоялся монашеский съезд в Сергиевой Лавре, и наш старец был избран в члены этого съезда. Его голос там имел большое значение, с его духовным опытом считались, и все с почтением прислушивались к его словам.

Разбирался на съезде вопрос о старчестве. Мнения были разные. Некоторые говорили, что старцем может быть игумен, не имеющий сана, как, например, о. Онуфрий Параклитский. О. Алексий, не отрицая, что старцем имеет право быть и не имеющий священного сана, находил, что старцу лучше быть иеромонахом, так как в случае, если будет открыт старцу смертный грех, ему придется отсылать исповедующегося к духовнику за разрешением, а это сложно. Съезд вполне согласился с этим взглядом о. Алексия.

Еще интересный пункт: о. Алексий высказал такую мысль: духовник не имеет права сказать о своем ученике: достоин ли он принять священный сан или нет, так как внутреннее его устройство—это тайна исповеди. Делаю краткую выписку из письма друга И.Н.—тогда еще иеромонаха Серафима Зосимовского: «Много утешения получил на монашеском съезде, беседуя со многими преподобными старцами. На съезде особенно властно, горячо, убежденно говорил о. Алексий Зосимовский. Большая часть постановлений сделана прямо-таки под его непосредственным влиянием. Блажени очи мои, видевшие сие, и уши, слышавшие мудрые, глубокие речи старцев».

29-го ноября 1909 года, во время приезда в Пустынь наместника Лавры о. Товия, на совместном совещании трех старцев, о. Германа, о. Алексия и о. Товия, было решено, что отцу Алексию мало двух

дней для приема им духовных детей, и прибавлен еще один день—пятница. При таком огромном стечении народа, который все больше и больше осаждал о. Алексия, ему, конечно, необходимо было духовно поддерживать свои силы, и эту поддержку он находил в тишине своей кельи в многочасовой неразвлеченной молитве к Богу в продолжение пяти дней недели.

Несколько раз пытался о. Алексий проситься в затвор у своего начальства, но долгое время просьба его не имела успеха. 26-го мая 1916 года, чувствуя себя очень плохо, о. Алексий опять выразил желание уйти в полный затвор своему игумену и духовнику о. Герману и неожиданно для себя получил тотчас же от него согласие, а через неделю и указ из Духовного собора Троице-Сергиевой Лавры, в ведении которой находится Зосимовая Пустынь, с разрешением уйти в затвор в понедельник 6-го июня в 12 часов дня. Уход батюшки в затвор сделался известным в обители 3-го июня в пятницу, т.е. за 3 дня до самого события, поэтому проститься со старцем Бог привел лишь тем, кто приехал в пустыньку поговеть на 3-5 июня, да еще кое-кого из близживущих, кому удалось вовремя узнать о событии. Некоторые из них простились с батюшкой в воскресенье, но большинство осталось на понедельник 6-го июня, чтобы подольше побыть в последний раз вблизи дорогого старца и проводить его до самого «затвора». Все они, хоть не подолгу, побывали у батюшки, все простились с ним, может быть навсегда, и получили от него последние его советы и наставления.

Старец принимал народ безвыходно с 3-х часов утра до 12 часов дня. У собравшихся в обители духовных детей старца явилась мысль помолиться сообща о его здравии и спасении и о даровании благодатной ему помощи в его новом подвиге. Среди приехавших на прощанье с о. Алексием оказалось четыре священнослужителя, все его духовные дети. Их и попросили отслужить о старце молебен. Кроме того, собрали деньги и купили в монастырской лавочке икону Смоленской Божьей Матери для поднесения ему от лица всех прощающихся с ним его духовных

детей и почитателей. Ровно в 12 часов старец окончил прием народа, царские врата главного храма открылись, и на середину храма вышли служить молебен все указанные священнослужители. К этому времени в храме собрались и все бывшие в пустыньке богомольцы, и многие из братии обители. Старец в епитрахили встал на правом среднем клиросе, позади чудотворной иконы Смоленской Божьей Матери. Начался молебен, который служился, согласно желанию о. Алексия, Спасителю, Божией Матери, арх. Рафаилу, преп. Сергию Радонежскому, преп. Зосиме Соловецкому и всем святым. Горячо, со слезами на глазах, молились о старце все присутствующие. Горячо молился и сам старец, часто делая земные поклоны. После молебна о. Илья Четверухин обратился к батюшке со следующими словами:

«Дорогой батюшка, о. Алексий! Позвольте мне сказать вам от лица всех здесь собравшихся духовных чад ваших последнее прощальное слово.

Батюшка, духовный отец наш! Многие из нас уже давно знают вас и ездят к вам. Мы делили с вами все наши радости и горести и отдавали на суд ваш всю нашу жизнь со всеми ее мелочами. С самым нежным, самым внимательным, прямо материнским участием относились вы всегда ко всем нам. Вы нас окормляли и назидали, и умудряли и просветляли, и очищали, и укрепляли, и утешали, и согревали огнем своей веры и любви. Даже и не пересказать того, что мы от вас получали. Благодарим вас, батюшка, от всей души за все, за все, что вы для нас сделали. Никогда мы не забудем вас и обещаем вам наши молитвы за вас и молитвы детей наших до конца нашей жизни.

Как видимые знаки нашей любви и благодарности к вам, примите от всех нас эту святую икону, эту просфору, из которой вынута в сегодняшней литургии часть о вашем здоровье и спасении, и наш земной поклон»...

Священник поклонился в ноги о. Алексию, и с ним вся церковь. Растроганный батюшка ответил тем же. Поднявшись на ноги, священник продолжал:

«Батюшка, мы верим, что и в затворе вы будете нас любить по-прежнему, будете молиться за нас, может быть еще больше. Не на бездействие и покой уходите вы, а на еще большие подвиги молитвы, самоуглубления и сосредоточенности. Видно, уж воля Божия такая, чтобы вы ушли и мы остались одни без вас. До сих пор мы, точно маленькие дети, как бы на помочах каких водимы были вами, а теперь, может быть, Богу угодно, чтобы мы, наставленные вами, самостоятельно применили в своей жизни ваши советы и наставления. Батюшка, мы будем помнить ваши уроки... Еще раз вам самое сердечное спасибо от всех нас за вашу любовь и труды».

Выслушав священника, о. Алексей обратился ко всем присутствующим со своим ответным и последним словом. Он приблизительно сказал так:

«Без Мене не можете творить ничего», — невольно спрашиваются мне на уста слова Спасителя. Если я сделал кому-нибудь что доброе, то это не я сделал, а сила Божия, которая мне помогала. Часто, например, задавались мне трудные и неудоборешимые вопросы, и я не знал, что мне сказать, но Господь в те минуты вразумлял меня и вкладывал в мои уста нужный ответ. Без помощи Божией и без воли Божией ничего доброго не делается. Я всегда лишь старался, именно старался о том, чтобы обнять всех своею любовью (хотя может быть любви моей не хватало) и каждого обращающегося ко мне удовлетворить, каждому найти доброе слово. Но это мне не всегда удавалось; или же не доставало времени, или физических сил. Самые горькие минуты были

те, когда я видел, что кто-нибудь уходил от меня неудовлетворенным. Искренне прошу прощения, если я кого-нибудь из вас когда-нибудь огорчил, как и я всех прощаю». При этих словах батюшка поклонился в землю всем присутствующим, которые ответили ба-

он каждый раз отказывал мне. Однако, когда я в последний раз опять заговорил с ним об этом, он мне велел немедленно подать ему об этом прошение. — Сейчас же, — сказал он, — пишите прошение». В этом я усматриваю волю Божию. Значит, действительно пробил час уйти мне в затвор. Да, мне уже пора. Еще три тысячи лет тому назад великий пророк и псалмопевец указал на этот возраст как на предельный для человеческой жизни. «Аще же, — сказано, — в силах — во семьдесят лет», а сил у меня, я чувствую, мало. Не знаю я, смогу ли довести до конца и то дело, которое теперь предстоит мне. И раньше случилось, что, быть может, по своей гордыне брался за то, что было выше моих сил.

Прошу ваших молитв за меня и надеюсь, что молитвами Божией Матери, св. архангела Рафаила, преп. Сергия и Никола, Радонежских чудотворцев, преп. Зосимы и всех святых, молитвами моих духовных отцов и всех моих духовных детей облегчится мне прохождение страшных мытарств, предстоящих каждому из нас после смерти. Да поможет всем нам Господь войти в Царствие Небесное. Благо-

дарю всех вас за сегодняшнюю молитву обо мне. Со своей стороны, когда вы молились обо мне, я молился о вас. Духовным детям моим иереям кланяюсь, а всех остальных благословляю. Передайте мое благословение всем отсутствующим и передайте им, что у всех у них прошу прощения, и скажите им, что с своей стороны им прощаю и ничего против никого из них не имею; а на кого я наложил епитимию, передайте им, что я их от нее освобождаю; впрочем, если кто

Старец Алексей Зосимовский

тютюшке тем же. Слышались вздохи и плач.

Отец Алексей, поднявшись с земли, продолжал: «Я ни против кого из вас ничего не имел и не имею и всех прощаю... С самого начала моего поступления в монастырь я видел, что некоторые стороны монашеской жизни невозможно осуществить вне безмолвия. Я не раз обращался с просьбой к своему духовнику и настоятелю нашей обители отцу Герману, чтобы он увеличил мне уединение, но

пожелает продолжать нести ее, то пусть продолжает, как может и сколько может, по своим силам. А теперь примите от меня последнее прощание».

Твердым голосом говорил старец. Сосредоточенное, одухотворенное лицо его и внутренняя сила его слов производили неотразимое действие на присутствующих. Почти у всех на глазах были слезы. Окончив речь, он еще раз поклонился народу в землю и потом стал прощаться со всеми в отдельности, начиная со служивших молебам священнослужителей. Чтобы было удобнее, он встал на амвон, и все начали подходить к нему по очереди. Каждый подходящий кланялся старцу в землю и брал у него благословение. Он всех благодарил за любовь и доверие к нему и многим говорил на прощанье что-нибудь утешительное и полезное. Некоторые подавали купленные ими в монастырской лавочке маленькие иконочки и образки, чтобы о. Алексей ими благословил их в последний раз, или чтобы благословил ими их близких, отсутствующих. Многие горько плакали и с трудом отрывались от батюшки. Наконец, все простились... Старец пошел к своим ширмочкам снять с себя епитрахиль, но это ему долго не удавалось. Толпа обступила его тесным кольцом и опять просила у него последнего благословения и последних советов. Но вот батюшка дошел до своих ширм, кончил благословлять и пошел в алтарь южного придела. Немного погодя он появился в храме северными воротами северного придела и стал прощаться со свя-

тынями собора: иконой св. архангела Рафаила, гробницей архимандрита Павла,* иконой Казанской Божьей Матери у левого сред-

его мантии, гробницей блаженно-го старца схимонаха Зосимы, иконой преп. Зосимы Соловецкого за ширмами, где он принимал народ.

Потом, окруженный монахами, старец пошел из собора к себе в келью, в «затвор». Духовные дети пошли его провожать. Медленно шел он среди монахов и толпы народа. Грустная и торжественная была картина. Когда старец подошел к калитке садика, прилегающего к его келлии, большинство народа осталось вне садика и провожало его глазами издали, но некоторые не утерпели, проникли в сад и довели старца до дверей келлии. В последнюю минуту, перед входом в келлию, батюшка оглянулся на своих духовных детей и услышал возгласы: «Батюшка, благословите нас», поднял высоко руку и благословил направо и налево. После этого он повернулся к дверям, помедлил минуту, по-видимому, молясь про себя, и быстро вошел». С уходом в затвор о. Алексея многие богомольцы стали редко бывать в Пустыни. Грустно и горько было ехать и знать, что ты не увидишь о. Алексея. Однако, некоторые все же бывали и говели у других духовников, стараясь причаститься в церкви Всех Святых, и именно в пятницу, т. к. знали, что и старец, выйдя в алтарь особой дверью из своей кельи, тоже причащается вместе со всеми за одной

Святитель Тихон, Патриарх Московский и всея России

него клироса, чудотворной иконой Смоленской Божьей Матери у правого клироса среднего храма, иконой преп. Сергия с частицей

* Наместника Троице-Сергиевой Лавры и строителя Зосимовой Пустыни.

службой. Так продолжалось до половины августа 1917 года, когда, по воле Божьей, о. Алексей был избран в члены Всероссийского Церковного Собора и приехал накануне Успения Пресвятой Богородицы в Москву.

ВСЕРОССИЙСКИЙ СОБОР

15-го июля 1917 года старец отправился в Сергиеву Лавру на съезд монахов. Там о. Алексей был избран в члены Всероссийского Церковного Совета и 14-го августа прибыл в Москву. Это было для всех его духовных детей величайшей радостью.

«Быстро облетела весть, — вспоминает Е.Л.Ч., — о приезде старца в Москву его духовных детей, а любовь научила, где его можно увидеть. Видали мы его каждую субботу в Чудовом монастыре, когда он шел ко всенощной из покоев наместника в алтарь и обратно после окончания всенощной. В ожидании выхода батюшки все мы выстраивались коридором от западных дверей. Едва он показывался в дверях — мы обступали его, брали его благословение и, если что было кому нужно, спрашивали его. Всю всенощную мы выстаивали в монастыре и после нее снова видели старца, который всегда с отеческой любовью нас благословлял и спрашивал о нашем здорьеве».

Заседания Собора происходили в Епархиальном доме, находившемся в Лиховой переулке, и батюшка ездил туда на чудовской лошади иногда с митрополитом Платоном, иногда с митрополитом Михаилом Гродненским, а то и просто на трамвае.

Старец хотел перейти жить в семинарию, вероятно, ради близости ее к Епархиальному дому, но помещения обособленного для него там не нашлось, а когда грянула в октябре 1917 года революция и оставаться в Кремле было невозможно, старец 10-го ноября переехал жить к своему сыну в Докучаев переулок и жил там до Рождества Христова. На Рождество Собор закрылся, и старец провел праздники в Зосимовой Пустыни, а потом до Пасхи опять присутствовал на заседаниях Собора.

Во время перестрелки, в октябре, старец с другими соборянами перешел жить в подвал. Приведу рассказ самого старца об этом времени:

«27-го октября утром я после ранней обедни собирался на засе-

дание Собора. И вот в этот день начался обстрел Арсенала, но снаряды, пролетая мимо него, попадали в Чудов. Непрестанно слышна была перестрелка, гул орудий, шум от разрывающихся снарядов, разрушающихся зданий и разбивающихся стекол. Даже в мою келью влетел в окно снаряд, пока я читал утреннее правило, но, слава Богу, не убил меня, хотя пролетел совсем близко. Вот как близко я был от смерти. Я весь предался в волю Божию, да творит Он со мной, что Ему угодно, как хочет и как знает. Владыка Арсений благословил нам всем говеть, и когда мы приобщались Святых Христовых Тайн во время литургии, снаряд с силой ударился в окно храма, того верхнего храма, где покоились мощи святителя Алексея, стекла посыпались на пол и вся церковь задрожала. После литургии мы, с пением тропаря святителю, торжественно перенесли мощи угодника Божия в пещерный храм. Пока мы шли через дверь, приходилось нагибаться, потому что кругом свистали снаряды.

ПРИЕЗД

Летом 1917 года открылся Всероссийский Поместный Собор. Событие, о котором часто говорили дома. Как-то под вечер нас одели на прогулку, усадили на извозчика и привезли на Ярославский вокзал. На перроне было много людей, с которыми папа и мама здоровались. Подошел поезд. Из вагона вышел отец Алексей Зосимовский. Я его сразу узнал, так как меня и Сережу несколько раз возили в Зосимову пустынь, батюшка всегда ласкал нас. Но в 1916 году отец Алексей ушел в затвор, что было событием и огорчением, ибо он перестал выходить из кельи и к нему решительно никого не пускали. Но теперь батюшку вызвали на Собор.

Отец Алексей вышел из вагона немного сторбившийся, и на его черной одежде светились белоснежные длинные кудри волос и бороды и ласково смотрели молодые глаза. Отец Алексей благословил папу, маму, Сережу и меня и сказал что-то доброе. Его куда-то повели, а мы вернулись домой.

*Серафим ЧЕТВЕРУХИН**

(«Выбор». Литературно-философский журнал русской христианской культуры. М. 1988. № 4. С. 329).

ВЫБОРЫ ПАТРИАРХА

Избрание Патриарха состоялось в храме Христа Спасителя (5 ноября) после Литургии. Церемониал был выработан особой комиссией. Большевистская власть

уже утвердилась в Кремле. У всех ворот стояла стража, охранявшая запертые входы. С большим трудом удалось получить разрешение принести древнюю икону Владимирской Божией Матери в храм Христа Спасителя. Литургию служил старейший из иерархов Киевский митрополит Владимир в сослужении сонма архиереев (я стоял в алтаре). Кандидаты в храме не присутствовали — они остались в своих подворьях.

Перед началом обедни на аналой перед иконой иконой Владимирской Божией Матери был поставлен ларец с тремя записками, на которых были начертаны имена трех кандидатов. После литургии служили молебен с чтением особой молитвы. Храм, вмещавший до 12000 молящихся, был переполнен. Все с трепетом ждали, кого Господь назовет... По окончании молебна митрополит Владимир подошел к аналою, взял ларец, благословил им народ, разорвал шнур, которым ларец был перевязан, — и снял печати. Из алтаря вышел глубокий старец — иеросхимонах Алексей, затворник Зосимовой пустыни (неподалеку от Троице-Сергиевской Лавры), ради церковного послушания участвовавший в Соборе. Он трижды перекрестился и, не глядя, вынул из ларца записку. Митрополит Владимир внятно прочел: «Тихон, митрополит Московский». Слово электрическая искра пробежала по молящимся... Раздался возглас митрополита: «Аксиос!», который потонул в единодушном «Аксиос!.. Аксиос!..» духовенства и народа. Хор вместе с молящимися запел «Тебе Бога хвалим»... Ликование охватило всех. У многих на глазах были слезы. Чувствовалось, что избрание Патриарха для всех радость обретения в дни русской смуты заступника, предстате-

* Сын о. Или Четверухина. — *Ред.*

Святые мощи были положены на престоле в главном храме, и когда начали служить молебен, оказалось, что молитву святителю забыли в соборе, а идти туда было уже небезопасно, потому что стрельба с каждым часом усиливалась. Тогда служивший молебен еп. Владимир, как бы по вдохновению, начал вдруг нам говорить молитву святителю Алексию, и действительно—вдохновенна была эта молитва! Он говорил просто, как будто самому угоднику Божию, а мы чувствовали, что угодник Божий невидимо стоит с нами и готов нас защитить и спасти. После, когда хотели записать эту молитву, владыка не мог ее повторить.

И вот, целую неделю скрывались мы в подземелье, как в катакомбах, и как-то близко чувствовали Бога. В Нем одном искали мы поддержку и помощь, ведь все это Господь посылает нам, чтобы приблизить нас к Себе, и в жизни каждого человека, предающего себя всецело в волю Божию, видится и чувствуется удивительное Божие водительство, как будто крепкая рука ведет тебя и направляет и

поддерживает в трудные минуты жизни. В эти страшные дни мы неустанно пели тропарь Казанской иконе Божьей Матери: «Заступнице усердная». Это особенно теплая молитва к Божьей Матери, и если петь ее в час смертный, то Матерь Божия облегчит душу поющего этот тропарь в страшный час разлуки души с телом».

Так как на Всероссийском Соборе было решено восстановить на Руси патриаршество и были избраны 3 лица для принятия сана патриарха—митрополиты Антоний, Арсений и Тихон—и не знали, кто из них более угоден Господу, то и постановили вынуть об этих лицах жребий.

Собор предоставил право вынуть жребий старцу о. Алексию. Это событие было 5-го ноября в воскресенье. Из Большого Кремлевского Успенского собора была перенесена историческая святыня—Владимирская икона Божьей Матери—в храм Христа Спасителя, и, по усердной церковной молитве перед нею, старец трижды перекрестился и вынул жребий из ковчежца, который держал в руках митрополит Владимир. Жребий

пал на преосвященнейшего Тихона, и он должен был принять на себя сан святейшего патриарха Всероссийского. 21-го ноября состоялась интронизация патриарха в Успенском соборе.

28-го января 1918 г. был грандиозный крестный ход. Накануне всюду в храмах были общие исповеди, а в самый день крестного хода все богомольцы причащались, готовились, как на смерть, если это будет нужно для защиты своей православной веры. Подъем духовный у всех был громадный, ожидалось что-то великое, необъяснимое. Ввиду тревожного времени устроена общая исповедь. Картина была грандиозная—причащалось не менее 400 человек.

После литургии был Крестный ход на Лобное место. Хоругви тянулись от Спасских ворот вплоть до часовни Иверской Божьей Матери. Когда все стояли на площади, запели пасхальный канон, и все московское духовенство, и о. Алексий тоже.

На пасхальной неделе, 8-го апреля, Собор закрылся. Осенью 1918 года, когда возобновились за-

ля и молитвенника за русский народ... Всем хотелось верить, что с Патриархом раздоры как-то изживутся...

Митрополит ЕВЛОГИЙ (Георгиевский)

(*Митрополит Евлогий (Георгиевский). Путь моей жизни. Воспоминания. М. 1994. С. 279.*)

«НЕ ПОГИБЛА РОССИЯ...»

...Моим старцем был Владыка Арсений*, он жил в Чудовом монастыре в Кремле. Я всегда ходила в Кремль, а теперь особенно к старцу моему незабвенному Арсению.

В Чудовом же находился тогда старец иеросхимонах Алексий Зосимовский**. Тот, что перед иконой Владимирской Божьей Матери в Храме Христа Спасителя вынимал из ковчежца записки двух митрополитов на патриаршество. И оказалось—Тихон. Вот этот старец всегда бывал за вечерней в храме Чудова, а потом благословлял народ. А народ был растерянный, все плачут, боятся. Беда, горю не видно и конца. Не так ли?

Вижу, батюшка Алексий стоит на амвоне в Благовещенском приделе, а люди все вокруг него, и все говорят, спрашивают, просто убиваются от печали. И слышу я,

как кто-то воскликнул громко: «Пропала, значит, наша Россия, пропала Русь святая»,—и еще что-то такое же. А батюшка стоит такой большой и величественный, светлый. Его седые, пушистые волосы, как некое сияние вокруг головы. Изумительное впечатление. И вдруг громким голосом он спрашивает: «Кто это тут говорит, пропала Россия? Что погибла... Нет, нет,—она не пропала, не погибла и не погибнет,—не пропадет, но надо, значит, через великие испытания очиститься от греха русскому народу. Надо молиться, каяться горячо. Но Россия не пропадет и не погибла она».

Вот это я слышала, стоя в стороне, и слова его облегчали истомленные скорбью сердца людей. Не знали мы, никто, через какие испытания придется нам всем проходить. А потом все узнали, переживали и переносили, неизвестно как. Конечно, только чудесно укрепляемые силою свыше.

*Матушка ВАРВАРА (Цветкова),
помощница настоятельницы
Гефсиманского монастыря в Св. Земле.*

(«Православная Русь». 1970. № 1)

Страстной Седмицы» (Житие епископа Серафима (Звездинского). Б. м. и г., с. 28).

Описывая Чудов монастырь во время расстрела большевиками Московского Кремля 27.10—3.11.1917 г., епископ Нестор (Анисимов, 1884—1962), Камчатский писал: «Мощи Святителя Алексия с начала обстрела были перенесены в пещерную церковь, где под низкими сводами пещерного храма денно-нощно митрополит Вениамин, архиепископ Гродненский Михаил, наместник Чудова монастыря епископ Арсений, Зосимовский старец Алексий и вся братия совершали моления под несмолкаемый грохот орудий, потрясавших стены храма» («Царь-колокол», 1990. № 3. С. 16)—*Ред.*

* Епископ Арсений (Жадановский, 1875—17/30.6.1935)—принял монашество по благословению св. прав. Иоанна Кронштадтского, с 1904 г.—наместник Чудова монастыря, в 1914 г. хиротонисан во епископа. После 1923 г. жил в Понетаевском и Дивеевском монастырях, Подмоскovie и Арзамасе. Принял мученическую смерть.—*Ред.*

** Очевидцы, вспоминая пребывание о. Алексия в обители, писали: «В часы отдыха старец любил слушать физгармонию, в особенности «Тебе одеявшуся светом яко ризою» и другие напевы

седания Собора, старец по его немощи был уволен от участия в нем.

В следующем году, 28 февраля, о. Алексей был пострижен в схи-

му. Имя у него осталось то же, но день ангела стал праздноваться не 12-го февраля, а 17-го марта—в день св. праведного Алексея Чело-

века Божия.

К 1920 году Зосимову пустынь уже превратили в сельскохозяйственную рабочую артель.

«ТЫ ПОМНИ ОДНО, ЧТО ТЫ ХРИСТИАНКА»

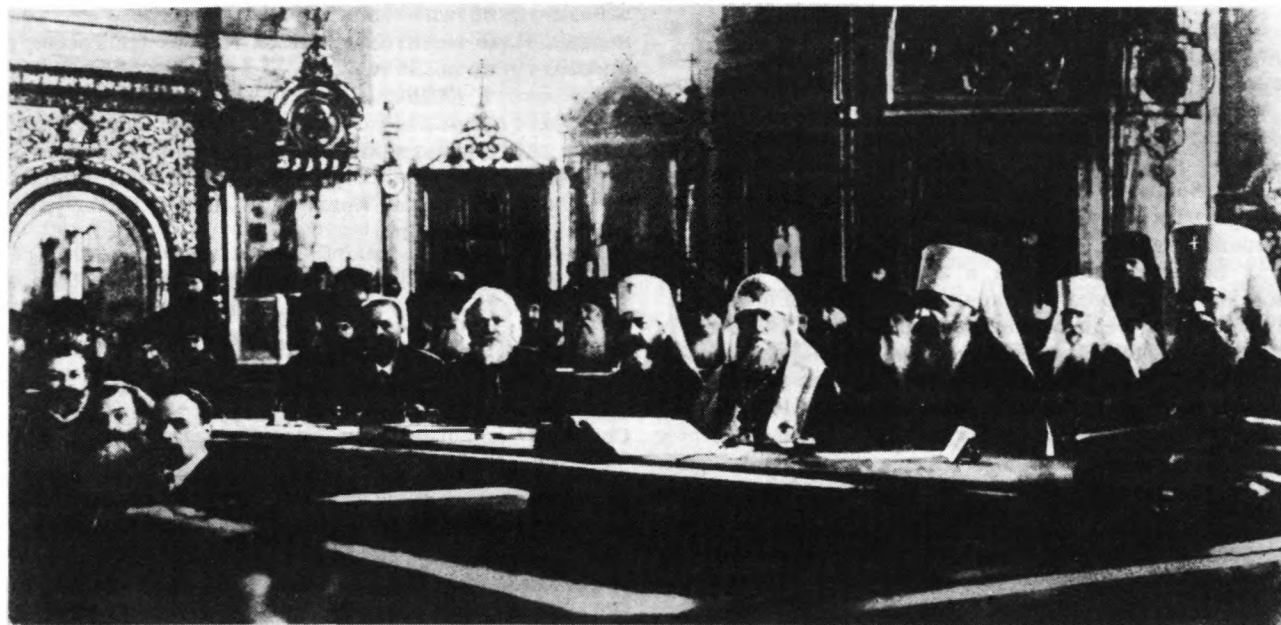
Отец Алексей был мне с детства дорог и близок. Родители мои с шестилетнего возраста возили меня в Зосимову пустынь. Будучи девочкой и приходя исповедовать свои грехи о. Алексею, я зачастую плакала в его присутствии. Он никогда не спрашивал, почему я плачу, а только говорил: «Плачь, милая, плачь, это значит Христос тебя посещает, а Он нам безценный Гость».

Покойный батюшка всегда был очень снисходителен к истинно желавшим спасения. Не было греха, которого бы не прощал мгновенно о. Алексей, за исключением греха духовной гордости. «Смирись, и спасе мя Господь»,—говорил о. Алексей. «Знаешь ли ты,—поучал он,—знаешь ли, мне кажется, что люди оттого только и страдают, что не понимают истинного самоотречения во имя Распявшегося ради нас. Помни, где горе, где беда, ты должна быть первой. Много слез сокрушенного сердца проливает человек, чтобы сделаться способным утешать других о Господе. Нужно идти туда, где туга душевная так мучит человека, что он склоняется на самоубийство. Это нелегкий подвиг;

это подвиг, граничащий с истинным распятием собственной греховности, ибо только тот может утешать отчаянного, кто сам силою своего духа сможет взять в это время его душевное страдание на себя». «Нет ничего удивительного, что ты страдаешь,—нередко говорил батюшка,—ты должна страдать, чтобы понять страдания других. Терпи, Христос терпел, будучи Безгрешным, поношения от твари, а ты кто такова, чтобы не пострадать? Знаешь ли ты, что душа очищается страданием, знаешь ли, что Христос помнит тебя, если Он посещает тебя скорбями, особенно помнит. Путь жизни труднее всего избрать самому. Нужно при вступлении в жизнь молить Господа, чтобы Он управил твой путь. Он, Всевышний, всякому дает свой крест сообразно со склонностями человеческого сердца. Кто тебе сказал, что Бог наказывает людей за грехи, как принято у нас часто говорить при виде ближнего, впавшего в какую-либо беду или болезнь. Нет, пути Господни неисповедимы, нам, грешным, не надо знать, почему Всевышний Христос допускает на свете часто уму человеческому непостижи-

мые как бы несправедливости. Он знает, что Он делает и для чего. Ученики Христовы никогда не думали, что Христос даст им счастье в смысле благополучия земного здесь, на земле. Нет, они были счастливы лишь общением духовным со Сладчайшим своим Учителем. Ведь Иисус явился в мир для того, чтобы Своей жизнью утвердить последователей Своих в мысли, что земная жизнь есть непрерывный подвиг. Христос мог избежать страдания Своего, однако Он Сам добровольно пошел на крест. Бог любит особенно тех, кто добровольно идет на страдания Христа ради». «Почему я должна жить не для себя?»—часто спрашивала я о. Алексея.—«Да потому, милая,—говорил покойный батюшка,—что ты только и обретешь мир о Господе, если отдашь себя на служение ближнему».

О. Алексей никогда не спешил со многими из своих посетителей. Он много раз говорил, бывало: «Господи, Господи едут, едут за столько верст, ведь приезжают ко мне недостойному, ну как их торопить!» Относительно молитвенного правила давал мне всегда один очень определенный ответ: «Тво-

Поместный Собор Русской Православной Церкви 1917-1918 гг.

ри молитву Иисусову всегда, что бы ты ни делала, если же рассеешься, вздохни перед Господом, и снова, и снова продолжай». — «Страх Божий, вот что потеряли люди, — говаривал батюшка. — Потому и скорбят люди, что думают, что они сами своими силами могут чем-нибудь помочь. Нет, люди готовы умереть духовно, чем поступиться своим самолюбием, своею «благородною», как они называют, гордостью. Гордость изгнала из рая прегордого Денницу, потерявшего из-за нее свое небесное величие. Думают люди, что вот-вот они достигнут здесь, на земле, благодаря своим личным трудам, земного счастья и благополучия, удивляются и печалятся, если выходит наоборот, забывая, что сам человек ничего не может сделать, если Всевышний не изъявит на то Своей Воли. Волос человека не падет с головы без воли Божией, неужели ты думаешь, что что-либо в жизни целых народов происходит без воли Творца? Нам, правда, часто кажется, что происходит что-то нецелесообразное, что-то прямо несогласное с божественными законами. Да ведь не знаем мы, что из этого произойдет в психологии этих пострадавших ныне, не знаем мы, что быть может Христос и решил очистить всех, всех, — повторял батюшка, — помни — всех, благодаря этим нечеловеческим как бы страданиям. Христос есть предвечная любовь, любовь николиже отпадает, и Христос с небесного Своего престола ни на минуту Своим взором не покидает грешной земли, Он все видит, все допускает, а вот почему Он допускает, нам грешным знать не полезно.

Ты помни одно, что ты христианка, и с этой точки зрения всегда и поступай в жизни. Долг христианки какой? Долг христианки исповедовать Христа безбоязненно и никогда ни в чем не поступаться своею христианскою совестью. Вот я, — говорил про себя о. Алексей, — думал ли я, что мне придется утешать стольких людей, мне, когда я и теперь зачастую чувствую, что я сам немощен и телесно, и духовно, а тут стольких немощных беру на свою ответственность. Ведь я на поруки как бы перед Богом беру вверяющихся мне людей, ведь от-

вет дам за них перед престолом Божиим. Ведь это не шутка, милая, взять на себя под свою ответственность пред Всевышним сотни людей, вверяющихся духовному руководству. Многие думают — ну что за важность советовать то или иное? Да ведь знаешь ли ты, что мне Христос полагает на сердце дать тот или иной ответ, ведь я сам, как говорится, в себе не волен. Лучше совсем не спрашивать совета старца, чем не исполнять его совета. Враг Божий только и ждет, чтобы за непослушание человека Божьему через старца совету опутать несчастного своими сетями».

«Всех, всех Христос пришел спасти», — говаривал мне всегда батюшка, когда я выражала ему свою скорбь за знаемых мне неверующих в Бога людей. «Так и помни, — сказал он мне как-то раз особенно дерзновенно, — помни, что ты сама только потому веруешь в Бога, что вера тебе Им дана — вера ведь дар Божий. Нельзя никого судить за то, что он не может верить в Бога, так как это бывает зачастую промыслительно. Христос может сделать чудо мгновенно. Он может в один миг сделать из гонителя ревнителя. Апостол Павел из величайшего из гонителей сделался ревностнейшим проповедником Христовой истины. Но велико, велико дело исповедничества Христовой истины, кому это, конечно, Им дано. «Всяк иже исповест Мя пред человеки, — исповем Его и Аз пред Ангелы Божиими». Есть два вида мученичества. Мученичество явное, открытое — это когда физически мучают человека, распинают, четвертуют, вообще подвергают каким-либо физическим страданиям за имя Христово — это наши первые мученики. А есть и теперь мученики, которые добровольно сами распинают свою плоть со всеми ее страстями и похотями. Вот наши, хотя бы для примера, ближайšie угодники Божии: Серафим Саровский, Сергей Радонежский, да и старцы, не прославленные еще открыто Церковью — Амвросий Оптинский, Иоанн Кронштадтский. Ведь эти последние два жили еще так недавно, жили среди нас, а разве все, все оценили их по заслугам?

Были люди, которые ценили, а были, которые и порицали их. И так было и будет во все времена и лета, и никогда не надо удивляться или негодовать на это, ибо и это происходит по воле Божьей».

Я часто скорбела, что я живу совершенно не так, как мне хотелось бы, что я живу, как мне казалось, совершенно не жизнью духа, что жизнь заставляет меня все время лишь думать о куске насущного хлеба. Батюшка всегда лишь улыбался на мои заявления и говорил: «Вот и скорби, скорби, только так и очистишься». — «Да как же я очишусь, батюшка, когда я все больше погрязну?» — «Ну, ну, погрязнешь и вылезешь, а то, знаешь, бывает и наоборот, вылезает, а вдруг и погрязнет, не спеши вылезать, так-то вернее будет, а тебе нужно узнать всю изнанку жизни, хоть ты и нежный цветочек. Не бойся грязи, грязи видимой в человеке, значит, он спасен, когда вся грязь наружу, т.е. когда духовная грязь в нем уже заметна, этим он искупает вполне свое недостойнство, а вот надо бояться той грязи, до которой трудно докопаться, той грязи, которая гнездится в тайниках нашего сердца, где никакая человеческая помощь не сможет заставить ее обнаружиться во всей ее закиселости, где может помочь лишь десница Божья».

Приезжай к нам в Великий Четверг: все чудные службы проведешь у нас; останутся они у тебя в памяти, в Четверг поспособуешься. У нас, как и в Успенском соборе, в этот день соборуют и мирян. В Светлую Заутреню стань ближе к Зосимовой пустыни, познакомься с ней, с ее духом. Читай утром и вечером молитвы по молитвослову, затем можно, по усердию, и каноны: Спасителю, Божией Матери, Ангелу Хранителю, а потом акафисты разные — какие захочется. Нужно непременно ежедневно, в течение 10 мин. (это пока), без счета, чтобы это не было машинально, читать молитву Иисусову, не скорым галопом, а с размышлением. Когда приедешь в следующий раз, тогда скажу тебе: увеличить ли время на это до 1 часа или нет. Во время молитвы Иисусовой можно класть поклоны, можно и не класть. Самое главное — это мо-

литва. Большого правила на тебя не возлагаю, потому что, когда ты получишь начальство в монастыре, то кто знает, успеешь ли ты все выполнить? Годишься ли ты... Если ты только заметишь, что в монастыре не строго, не все по монашескому строю совершается, то, говоря тебе, не поступай в такой монастырь (речь шла о Иоанновом монастыре), в другом месте можно, а о. Иоанн Кронштадтский везде-везде тебя сохранит*. Хорошо, если ты будешь по своей матери читать псалтирь, по усердию, сколько возможно, только помни, что есть там особая молитва при каждой кафизме. Если ты не понимаешь, что читаешь из Св. Евангелия, то советую тебе: день читать по русски, день по-славянски, а спустя месяц, вот 5-го числа, начни снова с того Евангелия, с той же главы, скажем, с 3-й, но теперь уже или по-русски, или по-славянски, и таким образом из месяца в месяц.

Надо непременно читать авву Дорофея и Св. Иоанна Лествичника. Еще и еще читай. Одно всегда помни: будь ли я твоим духовным отцом или другой, помоложе—имей к нему полное доверие, иначе ничего не выйдет для спасения твоей души. Доверие к старцу или к духовнику необходимо, но враг будет всячески смущать и постарается тебя от меня отбивать, и даже ты можешь меня возненавидеть...

Те, которые поступают в монастырь, непременно будут обуреваемы известной страстью (блудной). Очень часто, правда, так бывает, но этим не нужно смущаться и этого бояться—нужно только тотчас прибегнуть к старцу или духовнику. Те, которые до 40 лет

были свободны от этой страсти, после 40 вдруг бывают ею обуреваемы. Особенно это бывает с теми, которые гордились своим целомудрием, смеялись над теми, которые были под гнетом врага и не жалели о них, не молили о них. Я, как твой духовник, зная уклад твоей души, не советую тебе выходить замуж, чтобы страсти не поднялись.

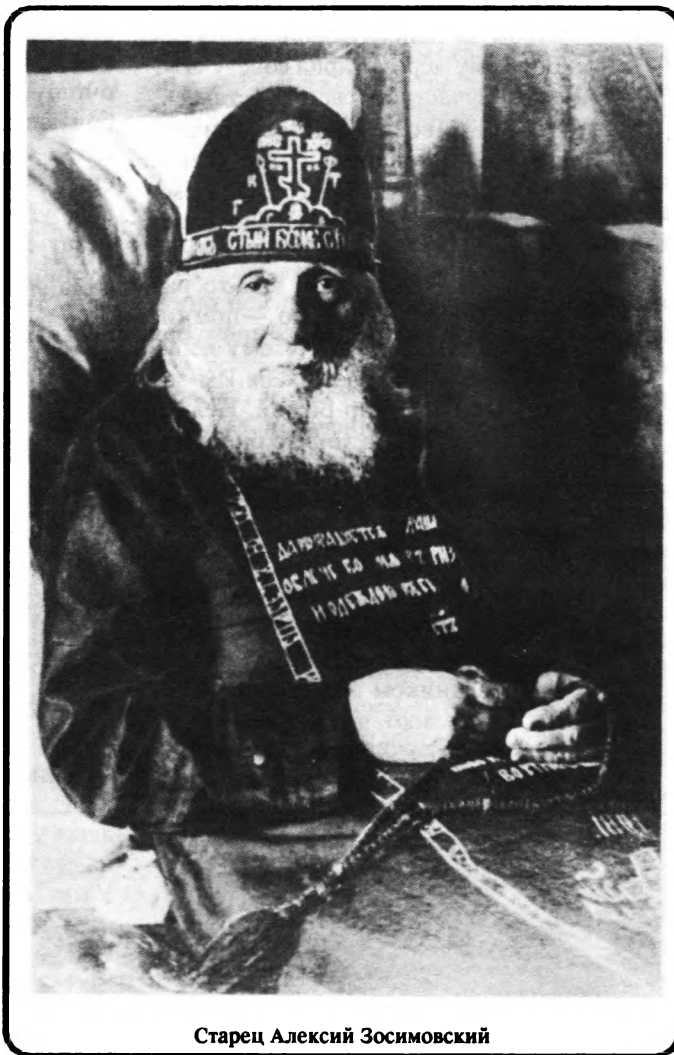
Держись духовника, он никогда тебе не даст впасть в неверие, бу-

так: в продолжение седмицы диавол жжет нас своим змеиным ядом, а мы в субботу и воскресенье прибегаем на источники водные, исповедуясь у своих старцев и причащаясь Св. Тайн, этим мы избавляемся от змеиного яда». И мы, живя в Зосимовой пустыни, когда теряли душевный мир, приходили к старцу о. Алексею и открывали ему свою душу. Старец говорил нам, что мир душевный теряется больше всего от осуждения ближних и от недовольства своей жизнью. Когда мы начинали о ком-нибудь говорить с осуждением, старец нас останавливал, говоря: «Нам до других дела нет, говори только свое. Правила св. отцов предписывают останавливать исповедующихся, когда они говорят о других. И мы, придерживаясь этого правила, строго следили за собой, чтобы не сказать какое-либо слово о других. «Кто любит говорить про других,—наставлял старец,—про того и люди много говорят». Старец еще учил нас: «Когда душа обвинит себя во всем, тогда возлюбит ее Бог, а когда возлюбил ее Бог, тогда—что еще нам нужно?» После исповеди и прочтения над нами разрешительной молитвы у нас опять возвращалась жажда духовной жизни и мир в душе водворялся.

Отец Алексей говорил нам: «Хотя Господь во ад меня пошлет за мои грехи, но я все-таки буду благодарить Его всегда за то, что я монах». Он и в миру

еще читал и любил св. отцов и был как бы ненасытен в монашеских подвигах.

Глубина смирения о. Алексея была так велика, что он при всякой своей ошибке признавал ее, каялся и просил прощения. Раз я пришел к нему днем. Он беседовал с каким-то студентом академии. Отец Макарий, келейник, только что вычистил самовар, налил его водой, разжег и говорит: «Я пойду за водой в часовню, а вы, батюшка, смотрите, чтобы самовар не

Старец Алексей Зосимовский

дет тебя пробуждать. Только крепко держись и все ему рассказывай. Избрала ли меня или другого—всегда обо всем посоветуйся с духовником.

Понуждай себя к милосердию, к добру для ближних—это своего рода подвиг—нужно помогать нуждающимся, развивать в себе жалость и любовь.

Однажды я пришел к старцу, а он начал мне говорить, что такое старчество. «Преподобные отцы, живя в пустыне, говорят про себя

* Отец Иоанн Кронштадтский был крестным отцом А.Г., когда она переходила из лютеранства в православие.

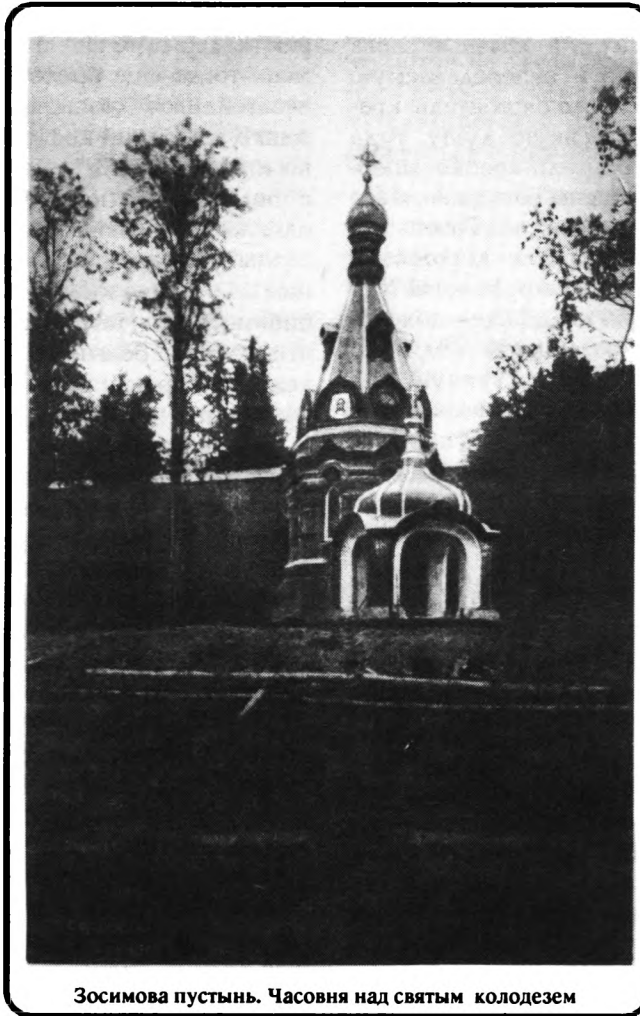
ушел». Отец Алексей во время разговора со студентом забыл про самовар; тот от сильного кипения залился водой. Отец Макарий, вернувшись с водою, увидел, что все его труды даром пропали, и, обратившись к о. Алексию, с укором сказал ему: «Батюшка, и это вы не могли исполнить! Теперь все мои труды пропали, а я полдня чистил самовар!» Отец Алексей упал в ноги о. Макарию и стал просить прощения: «Простите меня, о. Макарий, я нехорошо сделал». Но о. Макарий еще долго брюзжал, все жалел свои труды. В другой раз я прихожу к о. Алексию, когда он был болен; сделав три поклона, я его поцеловал, а он и говорит: «Стоит ли целовать сегодня? Мне бы нужно все лицо разбить». А я говорю: «Батюшка, да за что же?— «За то, что я перед Богом сказал дурное слово».

Отец Макарий не старался выводить клопов, которые размножались в батюшкиной постели. Однажды о. Алексей крикнул о. Макарию: «Отец Макарий, идите сюда!» Тот явился. «Возьмите этого клопа, он мне все руки объел». Отец Макарий взял клопа и говорит: «Куда мне его деть?»—«Только не убивай, а выбрось его в окно!» Отец Макарий хотел выбросить его в окно, а батюшка и говорит: «Как вы жестоко поступаете! В такой мороз, куда теперь он денется? Преп. Исаак Сирий говорит, что монаху надо иметь сострадание ко всякой твари, начиная с блохи». Отец Макарий заворчал: «Ну вот, я и над клопом не имею власти!»

Когда о. Алексию приносили подарки, он отдавал их другим и сам ими не пользовался. Раз, идя на послушание, встретился я с отцом Алексием: он разговаривал с женщиной, которая принесла ему узелок гостинцев. Она говорила: «Примите, батюшка, это от меня и кушайте на здоровье, это я для вас принесла». Отец Алексей, увидя меня, отдал узелок и говорит женщине: «У нас пища хорошая в мо-

настыре, я сыт, а вот рабочие имеют нужду в гостинцах». Женщина смутилась. «Батюшка, ведь я это для вас принесла, а вы отдаете». Отец Алексей говорит: «Вы принесли мне, и я принял от вас с благодарностью, но я хочу отдать другому, который имеет в этом нужду». Не знаю, чем кончился разговор, так как я узелок взял и унес к себе.

Высоко ставя послушание и сам

Зосимова пустынь. Часовня над святым колодезем

во всем слушаюсь своего духовника, о. Алексей и учеников своих учил этой добродетели. Идя однажды на послушание, встретился я с одним из учеников батюшки, студентом академии о. Игнатием Садковским*, который катил маленькую двухведерную бочку. Сам он был очень высокого роста, а бочка-то маленькая, подпрыгивала и перевертывалась. Ему поэтому приходилось ежеминутно нагибаться и подталкивать бочку. Я ему и говорю: «Вы бы ее, отец Иг-

натий, взяли на плечо да и несли бы». А он отвечает: «Меня благословили катить». Один духовный сын о. Алексия приехал в Зосимову пустынь поговеть Великим постом на первой неделе. Он стал ходить неопустительно по всем службам. А службы там были уставные, долгие. В то время огонь в монастырской кухне не зажигался и ничего варить для братии первые дни не полагалось. Со временем он начал изнемогать и слабеть. Наконец, не выдержав подвига, он бросился к отцу Алексию: «Батюшка, не могу больше без пищи, благословите что-нибудь съесть!»—взмолился он. А тот со свойственной ему мудростью ответил: «Как же ты просишь меня, твоего старца, благословить тебя нарушить устав той обители, в которой он живет? Другое было бы дело, если бы ты, не могший дольше терпеть, сам что-нибудь съел и потом пришел ко мне просить прощения». Не получив благословения нарушить пост, молодой человек ушел от о. Алексия, но не смог больше поститься, раздобыл где-то соленый огурец и кусок черного хдеба, съел их и затем пришел к старцу с повинной головой. Конечно, тот отпустил ему грех с любовью. Сам же старец всегда вкушал то, что давали всем на трапезе, а когда очень уставал от исповедников, то выпивал чашку крепкого чая, и это его подкрепляло.

Раз я иду из своей кельи—в саду стоит старец, а в руках держит небольшой камень. Взял я у него благословение и говорю: «Зачем это у вас, батюшка, камень в руках?» Отец Алексей отвечает: «Это я взял на дороге, камень-то острый, а тут многие ходят босыми ногами, могут ноги ушибить, надо его отнести куда-нибудь подальше». Я попросил камень у батюшки и отнес его в сторону.

(Старец Алексей Зосимовой пустыни. YMCA-PRESS. Париж. 1989. С. 45-62, 119-132).

* Умер мученической смертью в 1938.

Тогда еще не загасили лампы...

(Из воспоминаний Марии Александровны Голубцовой (1887-1925),
дочери профессора Московской духовной академии)

Я давно знаю пустыньку, но стала бывать в ней всего года за три до ее закрытия... надеюсь, временного. И пока я там бывала, не могла решиться записать что-либо из своих, скажу, впечатлений, хотя это слово не идет сюда. Мне страшно было переложить на бумагу, втиснуть в обычные слова и фразы всю ту неуловимую и непередаваемую красоту, которой жила эта скромная обитель, красоту и мир, изливаемую на всякую душу, туда пришедшую. Сейчас ворота обители крепко закрыты, молчат ее колокола, разрушены ее церкви, и все свалено в кучу и увезено в Александров. Разошлась братия, разъехались старцы, заросла дорожка к уютному собору, и образ Смоленской Божией Матери где-то в музее. Все как на кладбище—похоронили дорогого человека и разошлись люди. Но каждый из близких унес с собой доступную частицу его духовного облика и то богатство, которое не боится смерти. Вот и я от Зосимовой пустыни утаила в себе небольшую долю ее духовных ценностей, такую, какую могла вместить, и благодарю Господа за этот великий дар Его моей бедности.

А теперь, в печальные дни разрухи духовной, мне хочется здесь, в деревне, так близко от Зосимовой, когда я вижу или угадываю сквозь моросящий дождь ее высокую шатровую колокольню,— мне хочется вспомнить прошлое и вызвать к жизни забытый в суете жизни аромат пустыньки.

Ровно три года назад, ранним июньским утром (1920 года) я приехала в Арсаки, чтобы провести недельку у А. В. ради отдыха. Случайно в одном вагоне со мной оказалась М. Ф., с которой мы и пошли по дороге к Зосимовой. Эта узкая лента дороги, лесной свежий запах, росистость травы и утренняя влажность земли сразу рассеяли мое муемое недовольство—я не выпалась, хотелось покоя. Когда же через полверсты мы вышли на склон холма и передо мной открылась широкая долина, зеленый луг заблестел росой и, вытянувшись, как свечи, встали стройные елочки и затемнел вдаль сквозь туман лесистый склон холма,—душа моя вся зажглась восторгом утренней молитвы к Творцу всей этой чистой, ясной, только проснувшейся красоты земной.

Кажется, я никогда не забуду этого утра и думаю, что тогда именно это было предчувствие, предвкушение дальнейшего... В этот раз я остановилась в Зосимовой мимоходом, по дороге в Воскресенское, но все впечатления складывались так, что мне самой стало ясно, что вскоре я приеду туда говеть. Мы прошли к обедне в надвратную церковь Всех Святых. Обедня кончилась. Мне понравился и резной иконостас, и монахи, и тишина. В гостинице нас встретила красная лампада у образа Смолен-

ской Божией Матери, и от этого приветства стало сразу на душе тепло и уютно, и тайная надежда на душевный мир начала работу в глубине существа. В темном коридоре поздоровались мы с отцом Тимолаем, и он благословил нас маленький номерок на двоих, точас налево от входа. Все имело для меня тогда еще прелесть новизны: самовар наш и незатейливое хозяйство 20-го года—сухари, картошка, советский кофе, селедка. Все было так вкусно, а уж уютно! Вспомните—две постели по стенам с подушками, покрытыми жесткими байковыми одеялами. У окна маленький столик, 2-3 стула разных фасонов; в углу образ с лампадой, и под ним на столике книжечка-другая из монастырской библиотеки—Четьи-Минеи или «Душеполезное чтение». Пол белый, стены бревенчатые, и все как в кельи. Хорошо! Душа отдыхает, и невольно раскрываются потаенные двери в ее глухие отдаленные комнаты, которые как будто совсем и не существуют—так давно никто туда не заглядывал. Вот этот новый тембр жизни в Зосимовой особенно ясно чувствуется; становится реальным и доступным тот духовный мир, о котором в жизни принято думать, как о чем-то далеком, ненастоящем, неважном, ненужном. В те 2-3 часа, которые я тогда пробыла в Зосимовой, я, конечно, не успела ее почувствовать вполне. Но случайно в коридоре встретился мне отец Иннокентий и дал мне брошюрку о старчестве. Эта тоненькая красная книжечка была как дрожжи, брошенные в тесто. Я прочла ее, кажется, в Воскресенском и как будто позабыла. Но память о Зосимовой жила в сердце. И вот вскоре назначена я была в легочный санаторий в Подсолнечном «Алупка». В ожидании путевки уехала в Посад. И вот (накануне 1-го Спаса) в эти таинственные минуты, когда душа совершает свой путь к грядущему Христу и ум непокорный смолкает, я решила съездить поговеть в Зосимову.

Поздно вернулась я домой, собрала кое-что и очень удивила Наташу своим внезапным решением. Наутро в 6 часов мы вместе отправились на Александровском поезде и поспели к обедне, еще задолго—по советскому обычаю*, часы были переведены с 1 мая на два часа вперед, а Зосимова жила по-старому.

* Эти переводы часов, продолжающиеся до сих пор (когда уже вроде бы и нет советской власти), вовсе не так безобидны. Вкупе с переходом на новый стиль, попыткой изменить названия дней недели (провалившейся), эпидемией переименования улиц и населенных пунктов, попыткой ввести в употребление новые отсутствующие в святцах имена—все это была попытка сатанократии (отступившая, но не прекратившаяся!) поместить людей в новое пространство и время. И все это с одной целью: оторвать людей от Христа, лишить спасения. Но все это тема отдельного специального разговора.—Ред.

Кто из бывавших в Зосимовой не помнит напряженно-торжественной тишины в соборе перед началом службы! Народ подходит, многие уже давно, после правил, дремлют по углам после безсонной ночи. Темные, строгие фигуры монахов, служащих и поющих, проходят в алтарь. Теплится лампада у Смоленской Божией Матери, и здесь особенно заметно движение—все богомольцы идут к Ней с утренним приветом и молитвой. Тихо. Только сквозь шепот вдруг прорвутся густым басом несколько слов. То, верно, отец Симон* у свечного ящика не поладил с бабами. Но вот зазвонили: бом, бом, бом. Густым потоком понеслись звуки медленно, торжественно, заглушая шум земной. А за ними серебристым хоромом зазвенели и залились маленькие колокольчики, обгоняя, и веселясь, и праздную светлый Спасов день. Отзвонили. Начали (читать) часы. Все встали, и сразу стало в церкви темно от черных платков, людно и уютно. Медленно и неслышно прошел отец Симон в своей складчатой мантии, и засветились, как звезды, прозрачные огоньки свечей. Красные лампы у Спасителя и Богоматери ласковым светом своим озарили иконостас, проливая мир душам усталым. «Благослови, душе мо-оя, Го-оспода...»—старинным монастырским распевом начали оба клироса, соединившись в черный круг на соле. Этот удивительный псалом недаром стоит в начале всенощной, как начальный аккорд в сложной симфонии. Он сразу повертывает душу, даже неопытную, спиной ко всему домашнему, недавно оставленному ею, и призывает к благословиению всего мира и Бога. А где благословение, там и примирение, где примирение, там и тишина, о которой больше всего тоскует измученный человеческий дух. Обедня шла медленно, с антифонами. Помню, как в первый раз служил отец Досифей. Он вышел кадить такой строгий, с опущенными глазами; его седые волосы, истощенное бдением и постом тело, худое лицо и горящие глаза невольно напомнили мне тип преподобных, как они пишутся на иконах или рисуются при чтении житий русских иноков. Дух бодр, а плоть немощна— вот что убедительно говорит его внешность нам, немощным духом. К вечерне я пришла уже как своя. Был по обычаю акафист Спасителю; отец Иннокентий прочел молитвы пред исповедью, и в сердце шевельнулась боязнь. Я еще не знала, к кому идти: к отцу Досифею?—я боялась его аскетизма и строгости, к отцу Иннокентию?—но все наши исповедовались у отца Досифея. У меня было разрешение от наместника отца Кронида на беседу к отцу Алексию; он был в затворе и принимал только по благословиению Святейшего Патриарха и наместника. За всенощной во время кафизм я исповедовалась у отца Иннокентия, и не успел он меня отпустить, как пришел за мной отец Макарий**. Мы

пошли прямо по лесенке, с коптилочкой или с лучинкой. Перед дверью он прочитал «Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй нас». «Аминь»,—тихим баском ответил батюшка, и мы вошли. Отец Алексей в своей высокой схимнической шапочке и мантии сидел на диване. Меня поразила его величественная осанка, седые волосы и живые добрые глаза, которые любовно смотрели на меня. Он посадил меня на диван, и я сразу почувствовала в нем близкого человека, который знал и любил маму и всю семью мою давно-давно, когда я еще смела ворчать на него заглазно. И хотя я внутренне давно с ним примирилась, но все не решалась поехать в Зосимову, несмотря на постоянное, молчаливое желание мамы и даже ее робкие просьбы. Меня связывал один грех, который я боялась открыть батюшке и не справиться с ним после исповеди.

Мы начали беседу с мамы, так как она нас связывала и меня привела к батюшке; эта рана была у меня тогда еще свежа—ведь прошло только три месяца со дня ее смерти (27 апреля 1920 года—ст. ст.), семья только еще начинала жить без нее*. Никто не принял моего горя так сердечно, как батюшка, никто не сумел влить в измученную всеми прошлыми несчастьями душу необходимой бодрости и надежды на Бога в трудном деле ведения семьи. Все свои горести, вопросы, недоумения о детях я ему высказала, как высказала бы маме или папе, и была уверена что я встречу не только совет, но и участие и ласку. А потом раскрылась сама собой и моя душа со всей тяжестью ее блужданий, грехов, запросов, горестей, никому не нужных на свете и больно давивших меня.

Вот я пишу сейчас все это и плачу; я сама в первый раз понимаю, что отец Алексей тогда для меня сделал. Я ехала затем, чтоб перед санаторием очистить свою душу и тем подготовить себе и телесное здравие. Так думал мой рассудок. Но сердце ждало большего. Оно знало как надорвалось за истекший 20-й год все существо мое от горя, лишений, болезней, смертей дорогих мне людей. Тут мало было санатория, надо было любящее и близкое сердце, и таким во всем мире был только один отец Алексей, знавший и любивший нашу семью, как родную, муж опыта духовного. Он сразу увидел, как близка к отчаянию душа моя, и предостерег от уныния, хотя я сама еще не ведала, что опасность была так близка. Мы поговорили с ним часа полтора, а может быть, и больше, так что я застала еще конец всенощной. Как отрадно было мне идти с Наташей из храма в гостиницу: темная звездная ночь, разбуженная звоном колоколов, как будто молилась Начальнику тишины и без слов звала к Нему. В темноте светлели белые кисти акаций, тихо стояли пушистые сосны, прямо перед

* В миру - Сергей Евгеньевич Кожухов, в прошлом - крупный государственный чиновник. Поступил в Зосимову пустынь в 1912 году в возрасте 53 лет, когда ему предложили уже пост сенатора. Прекрасный музыкант, друживший со многими известными композиторами. Человек редкой доброты и смирения.

** Келейник отца Алексия. Расстрелян в 1928 году.

* Ольга Сергеевна Голубцова скончалась от оспы в Тамбовской губернии, куда она уехала с младшими детьми; сестра Наташа возвратилась из тюрьмы за протест против закрытия Лавры; старший брат Иван был в отъезде, его разыскивали, чтобы арестовать. Глава семьи, профессор Московской духовной академии Александр Петрович, скончался 4(17) июля 1911 года.

нами высилась стройная масса высокой «готической» колокольни. Народ расходился, некоторые поджидали своих старцев, чтобы спросить что-нибудь.

В гостинице вечером не полагалось чай пить, и все быстро укладывались спать. Иногда на номер,

где было две постели, приходилось человек по 5-6, и половина располагалась на полу, постлав шубейки или матрасы. Через часок гостиница успокаивалась.

(«Московский журнал». 1992. № 4. С. 7-10)

Свидетельства о случаях прозорливости и молитвенной помощи старца Алексия

1. Мой товарищ по Духовной Академии НИП был однажды в 1908 году у батюшки на исповеди. Прощаясь с ним, батюшка вдруг сказал ему про сестру: «Ах бедная, бедная ваша сестра!» Н.И. не понял слов батюшки, потому что сестра его была здорова, и он не подозревал никакого с ней несчастья, однако, когда он приехал домой, то нашел дома телеграмму от матери с извещением, что сестра его сошла с ума.

2. Одна учительница, В.П. Дмитриенко, в 1915 году, по своему обыкновению проводить в Зосимовой Пустыни субботу и воскресенье, однажды приехала туда и вошла к батюшке за ширмы. Батюшка встретил ее с удивлением: «Вера, ты почему приехала сегодня? Зачем? Я тебя сегодня никак не ждал. Братья-то твои все у тебя живы?» «Все, батюшка, живы»,—ответила В.П., недоумевая о такой встрече и о таком вопросе. По приезде в Москву она нашла у себя телеграмму с извещением о смерти ее брата-юнкера, которого даже уже успели похоронить.

3. 7-го мая 1906 года я был в первый раз у батюшки. Вместе со мной были товарищи, между прочим, М.Ф.Б. В гостинице мы попросили каждый себе по отдельному номеру. М.Ф., человек с большим сердцем, очень боялся одиночества, но нам постеснялся это сказать и промучился в своем номере всю ночь. Он и зарывался головой в подушки, и всячески иначе пытался успокоить себя, и выбегал сидеть в коридор, но никак не мог избавиться от мучившего его болезненного страха. Так, бедный, он и не спал всю ночь. На следующий день он ска-

зал об этом о. Алексию. Отец Алексей благословил его и перекрестил его сердце; на следующую ночь страх его совершенно оставил и он спокойно спал в своем номере, ничего не боясь.

4. М.Г. Золотова 8-го марта 1915 года приезжала в Москву хлопотать об открытии в Рязани женской гимназии. К своему огорчению, она узнала в округе, что заседание попечительского совета, от которого зависело дело, назначено на следующий день, что программа заседания уже составлена, и потому дело ее уже не может слушаться завтра. Таким образом, вопрос о ее гимназии откладывался на год, но и через год успех ее дела все же был сомнительным по некоторым важным причинам (между прочим потому, что М.Г.З., основательница и начальница предполагаемой гимназии, не имеет не только высшего, но и среднего образования). Огорченная М.Г. все-таки просила правителя канцелярии, чтобы попечитель принял ее бумаги и поспешила в Зосимову Пустынь к о. Алексию, по благословиению которого она и затеяла все свое дело.

—И ты уже усумнилась,—укорил ее тот, когда она рассказала ему свою неудачу и неутешительные известия. Затем М.Г. из Зосимовой приехала в округ, т.к. батюшка ее благословил и обнадежил успехом. И, действительно, когда она приехала в округ, то узнала, что ее дело рассматривалось на заседании попечительского совета, и вопрос о ее гимназии был решен в положительном смысле.

5. Некто М.А. Хромцева рассказывала, что была у батюшки

только один раз, незадолго до ухода его в полный затвор, приблизительно в марте месяце 1916 года. Ехала она туда с сокрушенным сердцем, боясь за один свой грех. Однако батюшка, вопреки ее ожиданию, очень снисходительно отнесся к ее греху, но очень строго начал говорить о ее муже, которого он знал. О нем он стал говорить с негодованием и рассказал некоторые темные подробности из его жизни, даже из давно прошедшего, про которые М.А. действительно слыхала от самого мужа в минуту его откровенности. «Если муж твой не исправится, он погибнет»,—говорил о. Алексий.

6. В 1907-м году А.В. Пороховников, в бытность свою белостокским железнодорожным комендантом, посетил батюшку. Разговаривая с ним, батюшка сказал ему: «Вот я вижу, вы теперь хорошо знаете нашу монастырскую жизнь, и потому, *когда вы будете в Успенском соборе*, поддерживайте нас, монахов». А.В. никак не мог понять, зачем о. Алексий сказал ему, чтобы он защищал монахов, когда он будет почему-то в Успенском соборе. Через 3 года слова батюшки объяснились: в 1910 году произошло покушение на ограбление Чудотворной Владимирской Божией Матери в Успенском соборе. Решено было для лучшего наблюдения и охраны Успенского собора учредить особую должность смотрителя собора, и на эту должность прокурор Московской Синодальной Конторы Ф.П. Степанов рекомендовал Синоду известного ему благочестивого подполковника А.В. Пороховникова. Хотя А.В. и предстояли вскоре по-

вышения по службе на железной дороге, но ради Дома Божией Матери он оставил все земные расчеты и дал свое согласие занять место смотрителя собора. О. Алексей его на это благословил. И когда ему в соборе приходилось иногда слышать нападки на монахов, он вспоминал тогда слова о. Алексия, сказанные ему в 1907 году, и старался защищать по мере сил своих русское монашество. Сделавшись смотрителем собора, А.В. поехал опять к о. Алексею взять благословение на новую службу и новую жизнь. Тот благословил его и, давая ему разные советы относительно службы в соборе, где он сам раньше служил, между прочим дал совет, по-видимому к А.В. не относящийся, а именно, как ему продавать свечи и как ему при этом держать себя. А.В. возразил, что он не староста, а продажа свечей не его дело. Батюшка на это промолчал. Через месяц после этого за случившейся болезнью старосты собора А.В. должен был по указу Синодальной конторы взять на себя временно обязанности старосты Успенского собора, а через год, в августе месяце 1911 года, он был утвержден в настоящей должности. Совет о. Алексия был дан ему кстати.

7. Сын А.В. Пороховникова Сергей, кончив в 1914 году реальное училище в Москве, очень хотел поступить или в Гардемариинские классы Морского корпуса, или, если это не удастся, в Московское Инженерное училище. Отец, для решения этого вопроса, посоветовал ему съездить в Зосимову Пустынь к о. Алексею и взять его благословение. Они поехали в Пустынь вместе. Сережа отличался нежной душой и был очень религиозен. На вопрос, куда батюшка благословит его поступать, он совершенно неожиданно и для себя, и для своего отца, получил ответ: «В Александровское военное училище». Сережа так расстроился этим ответом (он совершенно не чувствовал влечения к военной службе), что даже расплакался и плакал, как ребенок на плече у батюшки; однако батюшка решения своего не переменил и только повторял: «Сережа, милый, не плачь, ведь

ты спросил моего благословения, а мне думается, что тебе всего лучше поступить сейчас туда». С этим А.В. и Сережа и уехали от батюшки. Приехав домой, Сережа, однако, подал прошение в инженерное училище. И что же? Прошло лишь несколько недель, и вдруг объявляется война с Германией и предлагается всем молодым людям, окончившим среднее образование, поступить в Александровское военное училище. Патриотическое чувство захватило тогда Сережу. Он тут же записался в это училище, как и благословил батюшка.

8. Одна наша хорошая знакомая рассказывала, как однажды во время германской войны она была у батюшки в Зосимовой Пустыни. Перед нею была одна молодая женщина, у которой муж был в это время на войне (О.С. Садовская). Она сильно тосковала по мужу. Ей о. Алексей ничего не сказал, а когда подошла наша знакомая, батюшка вдруг и говорит: «Вот у меня была сейчас Олечка, она тоскует по своему мужу, а ведь муж-то ее убит». Как мог это узнать батюшка—Господь ведает, но через две недели после этого Оле прислали известие о смерти ее мужа.

9. Духовная дочь старца О.И. Морозова была на Рождестве 1915 года у батюшки. Батюшка в беседе с ней спросил ее, есть ли у нее прислуга и порядочная ли она, честная ли, подчеркнул батюшка. О.И. стала говорить, что прислуга у нее очень хорошая и честная, живет уже у них не первый год, и за нее можно поручиться. «Все-таки,—сказал батюшка,—ты будь осторожна и поприглядывай за нею». О.И. была удивлена подозрительностью батюшки к ее прислуге, которой она совершенно доверяла, но по возвращении домой все-таки стала внимательно следить за нею и вскоре заметила исчезновение какой-то вещи. После того, как она нигде не могла ее найти, она решила поискать пропавшую вещь в вещах ее прислуги во время ее отсутствия, и вещь действительно оказалась там. Батюшка был прав. Прислуга оказалась нечестной, и, когда узнала, что ее воровство от-

крыто, она тотчас же поспешила уйти с места.

10. В тот же раз батюшка сказал О.И.: «Вот ты теперь уже здорова, но когда будешь хворать, переноси болезнь терпеливо и не ропщи на свое страдание». Через две недели после этого О.И. настолько серьезно захворала, что была близка к смерти. Во время самых сильных страданий своих, она вспомнила слова батюшки и ими поддерживала свои силы. Болезнь продолжалась недели две, и потом, по милости Божией и по молитвам старца, О.И. выздоровела.

В тот же раз О.И. рассказала батюшке о скорби своей сестры, у которой муж был на войне и которую она очень любила. Сестра очень скучала по нем, не получая от него последнее время известий. Батюшка сказал: «Ну, что она скучает? Вот муж ее скоро придет и ее утешит». Действительно, через несколько же дней после этой беседы с батюшкой, муж сестры неожиданно приехал с фронта в Москву по казенной надобности и вместе с женой побывал у батюшки.

(Со слов М.И. Карповой)

12. Анна Васильевна Кондакова имела слабое сердце. С ней случались сердечные припадки, которые наступали иногда неожиданно, вследствие чего родные не позволяли ей отлучаться надолго и далеко от дому, если только она себя немного нехорошо чувствовала. Однажды она себя чувствовала очень плохо. Она думала, что пришла ее смерть, и ей страшно захотелось съездить в Зосимову Пустынь к о. Алексею, которого она давно знала и почитала, чтобы взять у него благословение, может быть уже перед смертью в последний раз. Чтобы родные не воспрепятствовали ее поездке, она им ничего не сказала про свое нездоровье. Дорогой ей стало еще хуже, и она думала только о том, как бы ей только до батюшки доехать, а там—буди воля Божия. Доехала она до Зосимовой, пришла к батюшке, стала с ним говорить... и забыла про свою болезнь. Только уже к концу беседы она вспомнила, что ведь она больная и еле доехала до батюшки,—и

сказала ему об этом. Батюшка выслушал, помолчал немного, потом перекрестил грудь больной. С тех пор уже лет 10 прошло, а больная совершенно здорова и никаких болезненных явлений в сердце ни разу не чувствовала.

13. Однажды на М.И. Карпову напала непонятная и крайне мучительная безпричинная тоска, такая сильная, что бедная девушка не находила себе места, не знала отдыха и близка была к сумасшествию. Тоска не покидала ее целые полгода. Ничто не помогало. Она обращалась к своим московским духовным отцам: о. Н. Смирнову и о. Н. Величко. Один из них сказал, что от безпричинной тоски ей не может помочь никакой духовный отец, а другой посоветовал съездить в Зосимову Пустынь. Но в Зосимову пустынь М.И. поехать не могла за неимением средств на дорогу. После того, как она объявила о. Н. Величко, что поехать в Зосимову Пустынь она по некоторым причинам не может, она по дороге домой зашла к одной своей знакомой барыне, и вдруг та приглашает ее поехать вместе с нею в Пустынь, так как в первый раз ехать с кем-нибудь знающим гораздо удобнее. М.И. с радостью согласилась. Приехав туда и будучи у о. Алексия, М.И. рассказала ему о своей ужасной тоске. Батюшка задумался и потом сказал: «Что с тобой, детка? Тебя надо перекрестить». Батюшка перекрестил М.И., и тотчас же ее полугодовая ужасная тоска пропала и с тех пор ни разу к ней не возвращалась.

14. Однажды М.И. Карпова, будучи в Зосимовой Пустыни, в день приема батюшки, в числе других богомольцев дожидалась в два часа дня около собора выхода старца из его кельи. Дожидались его и другие богомольцы, и в числе их была одна крестьянка с девочкой лет шести. Батюшка, выйдя из затвора и благословляя эту женщину и ее ребенка, ласково сказал ей: «Здравствуй, детка! Как твое здоровье? Что твои глазки?» Мать поспешила ответить за девочку, что она, слава Богу, теперь совсем здорова с тех пор, как побывала в Зосимовой. «Ну, слава Богу, слава Бо-

гу»,—сказал батюшка и пошел дальше. По уходе батюшки в собор, М.И. спросила у женщины, что такое было с девочкой? Женщина сказала, что у девочки очень болели глаза, так что она даже не могла смотреть. Больную девочку мать привезла в Зосимову Пустынь к батюшке. Когда батюшка благословил девочку, ей стало тотчас же лучше. По приказанию батюшки, они взяли из Пустыни святой воды, стали ею мазать, и глаза совсем перестали болеть. Она исцелилась без всяких медицинских средств. М.И. посмотрела на глаза девочки: они были какие-то необыкновенно чистые, светлые лучезарные...

15. Подруга М.И., часто бывавшая у о. Алексия, однажды приехала к нему с новым грехом, о котором он ее никогда не спрашивал, и потом она ужасно мучилась при мысли, как она будет открывать свой грех старцу. В конце концов она решила написать свой грех на записочке и в конце исповеди подсунуть старцу, чтобы он прочитал ее в ее отсутствие. Не тут-то было! Как только она вошла к старцу, он прежде всего заговорил о ее новом грехе.

Другая подруга М.И.—Катя—отказывалась от одного греха, на который ей указывал батюшка. Тогда он указал точно, что с ней случилось и когда: «А как же, что с тобой было на прошлой неделе, в четверг». Никто об этом не знал, кроме нее. Катя должна была согласиться, что действительно это было. Вообще и другие замечали, что часто о. Алексей как будто знал, что было на душе у приходивших к нему, и спрашивал о том, что они сами хотели ему сказать. Часто этим он облегчал их, когда они не знали, не умели или не смели рассказать то, что им было нужно открыть, а батюшка сам им шел навстречу и говорил как раз о том, что было у них затаенного. Часто он отвечал и на мысленные недоумения.

16. У М.И. Карповой однажды шуба дошла до невозможного состояния, износилась и изорвалась так, что неприлично было ее и надевать. Она должна была непременно завести себе новую, но

в какие магазины М.И. ни заходила и где только ни приценивалась, везде цена самой плохой шубы была не менее 30 рублей, а более или менее подходящие шубы стоили 50 рублей. В ее распоряжении было 20 с небольшим рублей. Как быть? А в шубе острая нужда. Она написала тогда письмо батюшке, чтобы он помолился за нее, чтобы Господь помог устроить ей шубу. Вскоре после того, как она послала батюшке письмо, приходит к ней сестра: «Маня,—говорит,—дай я тебе сошью шубу». М.И. обрадовалась, но указала на недостаток денег. «Не хватит, я дам»,—успокаивает сестра. Пошли покупать и нашли нужный остаток, как раз черный, как хотелось. Купили и ваты. Сестра и раньше знала о нужде М.И. в шубе, но была как-то безучастна и не предлагала ей ни денег, ни своей помощи. Здесь же она проявила вдруг столько любви, внимания, заботы и усердия. И материя, и вата были куплены очень дешево, и шуба вышла на славу. Обошлась шуба М.И. как раз в 22 рубля, т.е. столько, сколько она могла истратить. Когда М.И. после этого как-то приехала к батюшке на исповедь, он во время исповеди несколько раз расправлял и гладил воротник, чего раньше никогда не бывало. Видно, батюшка был доволен, что у М.И. новая шуба.

17. Летом 1913 года мы проводили лето у тестя в деревне. Сереже нашему было тогда три с половиной. Хотя батюшка велел приучать детей к посту с двух с половиной лет, и Сережа наш целый год постился во все постные дни,—мы этим летом поддались увещаниям тещи и разрешили Сереже по средам и пятницам пить молоко, тем более, что он был у нас худенький и бледненький. Мальчику мы объяснили, что позволяем ему по постным дням молоко «для здоровья», что это можно. Он стал пить молоко. Однажды Сережа, проснувшись, рассказал няне, что видел во сне отца Алексия, который его благословил и сказал: «Почему ты не постишься, Сережа?» По-видимому, Сережа испугался этого вопроса, потому что, рассказывая о нем, заплакал.

Няня передала рассказ Сережи нам. Когда мы за утренним чаем переспросили Сережу о сне, он нам его повторил, и опять при воспоминании о вопросе старца слезы показались на его глазах. Мы с женой после этого решили восстановить для Сережи пост.

18. Рассказ свящ. И.В. Гумилевского со слов жены преподавателя семинарии Сергея Павловича Никитского.

Есть в Москве купеческая семья, которая знает и уважает батюшку с того времени, как он был еще в миру. Однажды над этой семьей стряслось несчастье: с отцом семейства сделался удар, который повторился раз за разом второй и третий раз. Положение больного было отчаянное. Приглашенные врачи предсказали неминуемую скорую смерть и даже время ее определили не позднее вечера следующего дня. Оставалась одна надежда на Бога. Жена больного вспомнила дорогого молитвенника—батюшку—и предложила сыну тотчас же ехать к старцу и рассказать ему их горе и просить его святых молитв. Сын отказался ехать, боясь, что отец умрет в его отсутствие, тогда вызвалась ехать дочь. В тот же день она уехала в Пустынь. Когда она была у о. Алексия и рассказала ему про болезнь отца, о. Алексий остался к ее рассказу как будто равнодушен или невнимателен и только сказал: «Ничего, Бог даст, ваш папаша выздоровеет». Но зато батюшка проявил неожиданное внимание к ее брату и выразил желание непременно и поскорее его видеть. Девица пыталась второй и третий раз уяснить батюшке тяжелое и безнадежное положение отца, но он по-прежнему оставался спокойным и твердил, что все обойдется благополучно. «Только ты мне брата-то непременно пришли»,—подчеркивал батюшка. С этим и вернулась девица домой. Отец был все в том же положении: он лежал в постели и храпел. Вся семья находилась возле него. Все с минуты на минуту ждали его смерти. Вдруг больной сделал усилие, сел на кровати, осмотрелся кругом и сердито спросил окружающих, зачем они собрались и что они

тут делают. Собравшиеся были так изумлены оборотом дела, что не нашли, что отвечать, и стояли в рассеянности. Тогда больной стал браниться и кричать, чтобы все от него убиралось и занимались своими делами.

С этого времени больной стал выздоравливать. Согласно желанию старца, сын вскоре же поехал к нему. Отец Алексий очень долго беседовал с ним, благословил его иконой, и юноша вышел от старца просветленный и утешенный. Когда молодой человек вернулся к отцу, тот велел ему ехать в Нижний Новгород по торговым делам. Сын поехал, сделал все поручения, но на обратном пути неожиданно скоропостижно скончался. Вот почему наш дорогой батюшка был спокоен относительно отца семейства и проявил особое внимание к его сыну.

19. Один священник, и поныне здравствующий, прежде служивший в Екатеринославе, передал нам следующее: пользуясь летними каникулами, он ежегодно ездил к о. Алексию поговорить и побеседовать. Однажды (это было за несколько лет до революции) с ним попросилась ехать одна очень богатая его прихожанка. Беседа со старцем, она между прочим его спросила: «Как-то я кончу свою жизнь, батюшка?» А он вдруг и говорит: «В голоде и нищете, в богадельне». Слова эти неприятно поразили вопрошавшую и она старалась себя уверить, что старец ошибается, ведь у нее такой большой капитал, что и на нее, и на сына на всю жизнь хватит. Но Господь судил иначе. Через короткое время после этой поездки сын женился. Сначала невестка была ласкова со своей свекровью и все шло хорошо, но грянула революция, капиталы пропали, мать стала детям в тягость, и сын, подстрекаемый своей женой, решил устроить свою мать в богадельню, можно сказать, выгнал мать из собственного дома. У нее даже не было ни собственной постели, ни подушки. Добрые люди сжалились над ней и дали подушку, но матраца так у нее и не было, и спала она на досках. Скорби и лишения, однако, ее не

ожесточили, а привели к Богу, смирили, и она находила себе большое утешение и поддержку в святых таинствах исповеди и св. причащения. Перед смертью она тяжело болела, но не жаловалась на свои страдания, а переносила их терпеливо до крайности. Ее последнее желание было, чтобы ей в гроб батюшка положил три живых цветка. Когда эта раба скончалась и надо было ее снять с одра, оказалось, что у нее были громадные пролежни, тело в этих местах было покрыто гноем и живыми червями, и с трудом оторвали ее от досок, на которых лежала она, многострадальная. Так как ее погребение было вскоре после храмового праздника в честь св. мучениц Веры, Надежды, Любви и Софии, то батюшка с удовольствием исполнил ее предсмертную просьбу: он положил из венка мучениц в ее гроб 3 живых цветка.

Слова старца сбылись в точности: «Ты кончишь жизнь в нищете, в голоде, в богадельне».

20. Отец Симон, в самом начале своего поступления в Зосимову Пустынь, писал нам в письме от 29 сентября 1912 года, что на первых порах по поступлении его в монастырь его смущали иногда мысли о его годах (ему было уже 52 года), будто бы не оставлявших ему большого простора для совершенствования. Однажды, смущенный такими мыслями, он шел, понуря голову, из трапезной к себе в келью. Это было в конце недели, когда батюшка принимал народ. По дороге о. Симон столкнулся с ним, о. Алексий возвращался в келью из церкви преп. Сергия. Увидя отца Симона, он остановил его и, потрепав по плечу, ласково сказал: «Не унывайте, о. Симон, и я тоже в ваши годы поступил в монастырь... Отец Симон был поражен прозорливостью батюшки, потому что он в то время, не состоя духовным отцом о. Алексия, никогда не открывал ему своих помыслов и вообще ни разу не беседовал с ним, только брал благословение. Слова батюшки навсегда утешили его относительно его возраста.

21. Из письма С.Е. Кожухова от 25 апреля 1915 года.

«Случаи прозорливости о. Алексия учащаются. На прошлой неделе приезжала сюда (в Пустынь) из Петрограда знакомая моего приятеля Рейнке—девица Мезенцева. Я познакомился с нею только здесь. По ее словам, о. Алексей раскрыл перед нею все ее прошлое, чем она была до крайности изумлена».

22 В том же 1915 году произошло следующее чудо. Наталья Герасимовна Фишер в конце 1914 года тяжело заболела. Врачи сразу не могли определить ее болезни, констатировали лишь опухоль внутри живота. Больную поместили в Петропавловскую петроградскую больницу, потом перевели в Евангелическую. Как в первой, так и во второй больнице, ее освидетельствовали многие врачи, и все они признали в конце концов, что она больна раком брюшины. Об этом писал ее другу о. Сергию доктор Березкин 27 декабря 1914 года: «Тробрный прокол обнаружил присутствие коллоидного выпота в брюшине и дает несомненное основание определить коллоидный рак брюшины, идущий, вероятно, из желез. Оперативное вмешательство совершенно немыслимо». Стало быть, Наталья Герасимовна была приговорена к смерти, мучительной и медленной.

Удрученный полученным известием, о. Сергей в первую пятницу по получении письма Березкина сообщил о нем о. Алексию. Старец, к удивлению о. Сергия, отнесся к печальному известию, как ему показалось невнимательно, глядя куда-то вдаль, и сказал: «Ничего, не тревожьтесь, все уладится»,—и перевел разговор на другую тему. Отец Сергей перебил старца и обиженным тоном начал доказывать ему, что рак брюшины безусловно ведет к роковой развязке. Опять о. Алексей, как бы в нетерпении заерзав на диване, произнес: «Да все уладится». Отец Сергей рассказывает. «Я, грешный, тут его мысленно осудил, подумав: вот влиящие монастыря—очерствело сердце даже такого святого человека, как о. Алексей». И тот ни разу при нем не вспоминал Наталью Герасимовну и не спрашивал о ее здоровье. 9 января 1915 года отец

Сергий получает неожиданное радостное известие от воспитанника НГ. Жемчужникова, который пишет ему 4 января: «Вообразите, какая радость: директор Евангелической больницы Шренк находит, что у НГ. не рак, а киста, и что скорее надо делать ей операцию. Он будет оперировать сам при другом докторе—хирурге, который пользовал НГ. в последнее время. Будем надеяться и спокойно ждать результата». Стало быть, явилась надежда на спасение жизни НГ. Отец Сергей пошел с этой радостью к отцу Алексию. Старец, к его изумлению, опять не выразил ни радости, ни удивления, а только сказал: «Ну, значит, она теперь скоро придет сюда». Отец Сергей не вытерпел и спросил его: «Батюшка, почему вы так холодно отнеслись к сообщенному вам радостному известию?» «Нет, нет,—отвечал старец,—меня радует, что дело уладилось, но ведь вы, кажется, мне в прошлую пятницу сообщали о благополучном ходе болезни». «Нет, батюшка, в прошлую пятницу я ничего не мог вам сообщить хорошего о болезни,—сказал о. Сергей,—так как тогда никто не сомневался в том, что у НГ. рак брюшины». «Ну, вот видите,—объяснил батюшка,—это значит старость, я все и перепутал». Но батюшка не перепутал. На другой день была получена из Петрограда телеграмма: «Операция благополучно киста Жемчужников». Ясно, что о. Алексей все знал с самого начала болезни НГ., а когда ему на это указали, он по смирению своему представил, что он все перепутал». НГ. действительно вскоре поправилась и приехала в Зосимову Пустынь.

Вот еще письмо сестры о. Сергия, Марии Евгеньевны Лодыженской, касающееся этой истории, написанное в день операции НГ.

«Пишу тебе под глубоким впечатлением от прозорливости о. Алексия. Много докторов перевидали НГ., и каждый в отдельности признавал у нее рак, и к тому же рак желез брюшины—случай не оперативный. На основании этого диагноза все мы смотрели на больную, как на че-

ловека, которому осталось лишь несколько месяцев жизни. И вот отец Алексей сказал, чтобы не беспокоились, что ничего опасного нет. И что же: является доктор Шренк, который определяет кисту. Сегодня сделана операция, которая полностью подтвердила этот диагноз, и киста оказалась доброкачественной, так что всякие страхи и сомнения отпали. Я глубоко потрясена этим явным признаком прозорливости батюшки» (10 января 1915 г.).

23 Преподаватель костромского реального училища М.И. Дурново 8-го апреля 1915 года прислал следующее сообщение о чудесном исцелении его сына Сережи: «28 марта младший сын наш захворал гриппом, 26-го выпустили его ненадолго погулять на солнце, и он вскоре, как принесли его, почувствовал себя нехорошо. Смерили температуру—40,4. Помнится, тогда именно (т.е. 26 марта) я просил в письме о. Алексия помолиться на Сережу. 27-го доктор еще не мог точно определить болезни, хотя мы и высказывали свои опасения относительно легкого. Температура была 41. Тяжело было видеть, как мучается ребенок, ничего не может есть, мало спит, места себе не находит от боли и жара. 31-го доктор предложил впрыскивать Сереже камфору и давать дышать кислородом. Он ожидал кризиса на 7-й день—1-го апреля и хотел поддержать его силы. Кризиса, однако, не было. Прошли 8-й и 9-й день. Сережа продолжал отказываться от еды, только пил, очень ослаб и стал вяло ко всему относиться. На 10-й день был уже без сознания, температура: 39,7; 40,4; 40,2. Доктор не скрывал, что положение находит почти безнадежным, добавляя только, что надежды вообще не нужно терять. Утром на 11-й день, когда увидели, как изменился Сережа, стало еще тяжелее. Плакали над ним и со слезами молились. Вообще постоянно молились мы и дети. В 12-й день болезни (именно 6-го апреля) Сережа метался, по-видимому, еще от зубной боли. Часа в четыре с половиной дня заснул. Перед этим он не спал почти всю ночь, утро и день. Доктор удивлялся, как сердце выдерживает,

тем более что Сережа—бледный, малокровный мальчик. Сережа проспал одиннадцать с половиной часов, проснулся радостным: температура—38,4 (утро 7-го апреля) затем 38,1; 38,2. Когда доктору в передней сказали о температуре, он перекрестился, вошел в комнату, перекрестился еще раз и сказал, что выздоровление Сережи—чудо Божие.

Интересно, что посланное М.Н. Дурново письмо о. Алексею от 26-го марта с известием о болезни Сережи сильно запоздало, отчасти от неисправности почты, отчасти и потому, что корреспонденция вручается старцу лишь по пятницам, и если писем оказывается много, то старец не успевает ознакомиться с их содержанием в пятницу и разборку корреспонденции уже откладывает до понедельника. 26-го марта был четверг, к пятнице 27-го оно бы, конечно, не дошло до Зосимовой. Стало быть, оно дошло до старца уже в следующую пятницу, 3-го апреля, но, видимо, старец не успел с ним ознакомиться в тот день и вскрыл письмо только в понедельник—6-го. Это подтверждается и тем, что о. Сергей видел в синодике старца записанным 6-го апреля болящего младенца Сергея и его родителей—Михаила и Надежду. Как раз с получением о. Алексием известия о болезни Сережи, а стало быть, с началом его молитвы и совпало выздоровление Сережи.

24. М.Н. Дурново рассказывает, что когда он жил в Переяславле и 2 раза не имел возможности по материальным обстоятельствам перевезти к себе семью, жившую в месте его первой службы, в Рыбинске, он переживал крайне тяжелое время. На площади, где он жил, была часовенка Никольского монастыря. Монашенка, бывшая при часовне, как-то заговорила с зашедшим туда М.Н. и рассказала ему об о. Алексии, его прозорливости, мудрости, ответах, о его святой жизни. М.Н. неудержимо повлекло к старцу в надежде найти в нем опору и утешение в своем тяжелом положении.

М.Н. приехал в Пустынь в Вербную Субботу вечером. Думая об о. Алексии, он никак не мог пред-

ставить себе, как он будет говорить с ним. «Есть человек, который может понять, утешить, подать совет. Но как говорить о том, что переживается теперь, если о. Алексей не знает ни меня, ни условий моей жизни, ни обстоятельств службы? С чего начать?»

«Я вошел к о. Алексею в воскресенье за литургией,—рассказывает М.Н. в письме ко мне от 3 февраля 1917 г.,—о. Алексей сам задал вопрос: «Чем вы занимаетесь?»—«Я учитель гимназии».—«По какому предмету?»—«По математике».—«Кончили Московский Университет? Так вы не Дурново ли будете?». Не помню, тотчас ли после этого вопроса или несколько спустя, но вскоре спазмы сдавили горло,—я едва мог говорить: слишком сильно почувствовалось, что в о. Алексии я нашел то, чего не доставало мне, чувствовалось, что можно облегчить мою душу. Давно я не чувствовал себя так хорошо, как после этой исповеди. И понимаю теперь, какую отраду получали в Зосимовой Пустыни исстрадавшиеся, измученные люди. Того, что о. Алексей сразу узнал меня, ответил первыми же вопросами на мои мысли и столько радости дал своим сочувствием, не удасться объяснить естественным путем».

25. М.И. Карпова, будучи больна инфлюэнцей, отказалась, однако, ради заповеди о. Алексия, пить мышьяк с железом. Тогда шел Петровский пост, а это лекарство требует молока. Инфлюэнца осложнилась бронхитом. Нужен был непременно отпуск. Хотя доктора и дали свидетельство о болезни, однако отпуска тогда давались очень трудно, и М.И., как недавно поступившая, имела очень мало надежды получить отпуск. Если бы ей и дали отпуск, то только на две недели, да еще без сохранения содержания. Таким отпуском, конечно, она не могла воспользоваться, т.к. денег у нее не было.

М.И. написала батюшке по поводу тяжелого состояния своего здоровья и начала хлопоты об отпуске. Вышло неожиданно удачно. И медперсонал фабрики, и контора, и администрация отнеслись с необыкновенно сердеч-

ным участием, вниманием, заботливостью и дали отпуск на 6 недель, не в пример прочим, и даже назначили ей содержание более полагающегося. М.И. ставит свою удачу в связь с отказом от скоромного в Петров пост и с молитвой батюшки за нее.

26. Однажды М.И. Карпова, будучи чем-то недовольна в отношении своего московского духовника, которого имела с благословения о. Алексия, хотела пожаловаться о. Алексею на него и даже не прочь была его переменить. Когда она приехала в Пустынь, старец еще до исповеди, идя по храму, мимоходом обратился к ней при всех, грозя пальцем: «Смотри, без особенной причины не меняй духовника». Когда же она пришла на исповедь, он прежде всего спросил: «Ты почему не ходишь к... духовнику?» Это было сказано так серьезно и строго, что у М.И. не хватило духа жаловаться на него, и она только сказала в свое оправдание: «Он очень серьезный, я его боюсь».

27. Вечер был пасмурный, улицы в то время почти не освещались, и стал накрапывать дождь. Я возвращалась домой,—рассказывает Е.Л. Ч.,—идя по мостовой, а не по тротуару: это была маленькая предосторожность, чтобы ноги мои, обутые в самодельные туфли, связанные из бинтов, поменьше промокли, ступая на булыжники. У меня гвоздем засела мысль и не давала мне покоя: «Что нам взять с собой в дорогу поесть?»—Дело в том, что ввиду голодного времени (1920 г.) Зосимова Пустынь не давала трапезы приезжающим, т.к. и самим-то монахам нечем было питаться. Был уже поздний час, на другой день надо было очень рано подыматься, чтобы поспеть на поезд, и печь что-нибудь на дорогу мне было решительно некогда, да и не из чего. Поневоле мысль о предстоящей поездке гвоздила мне голову, но где-то внутри была надежда, что если Господу угодна эта поездка к батюшке, Он пришлет нам и пищу на дорогу. И вдруг, идя по улице почти ощупью, я наткнулась ногой на какой-то лежащий на мостовой предмет: нагнувшись, я нащупала мокрый

мешок с чем-то. Сначала я испугалась. «Уж не бросил ли кто ребенка?»—подумала я, но, преодолев страх, я стала открывать мешок, и первое, что попало под руку, была бутылка с чем-то. Перекрестясь, я подняла мешок и быстро направилась домой. Дома меня ждала вся семья к ужину. Когда я рассказала о своей находке, дети и я стали ее подробно осматривать, и мне показалось, что эта находка мне послана в ответ на мои мысли о еде на дороге. В мешке была бутылка с молоком, несколько больших деревенских пирогов со свеклой, штук пять вареных крутых яиц и порядочный кусок черного хлеба. Мы изумились: все было для того, чтобы мы могли быть сытыми в дороге. Не явная ли это была милость Божия ко мне, недостойной?

28. В 1921 году, весной, 1 мая,—рассказывает Е.Л.Ч.—я тяжело заболела ползучим воспалением легких. Легкие и всегда-то у меня были слабые, но эта тяжкая болезнь сильно надорвала мое здоровье, и силы мои ослабели. Встав с постели к Духову Дню, я не могла пройти по комнате без того, чтобы не обливаться потом при каждом моем движении. Врач меня мало утешил. Надо было бы ехать в деревню, чтобы подышать вольным воздухом, но об этом мы

и мечтать тогда не могли. В это же самое время заболела и Л.Г. У нее появилась опухоль в области печени и были иногда сильные боли, так что она, такая обычно живая и быстрая, вдруг стала едва ходить и по лестнице подымалась с большим трудом. Мой муж решил ее свести к старцу в Зосимову Пустынь. Поехали туда они 14 июня и попали как раз на торжественную заупокойную всенощную по схимонахе Зосиме, память которого праздновалась 15 июня. Л.Г. придя к старцу, рассказала ему о своей болезни, прося его помолиться за нее. Отец Алексей и сам помолился, и благословил Л.Г. и велел ей поусерднее попросить старца Зосиму об исцелении, что Л.Г. и исполнила. На другой день после этого она вернулась в Москву веселой и настолько здоровой, что, еще идя быстрыми шагами по нашей лестнице, он стала мне говорить: «Ну, мамаша, теперь вы поезжайте в Зосимову Пустынь, я там совершенно исцелилась—у меня теперь ничего не болит...» И действительно, больше Л.Г. не понадобилась никакая помощь врача—у нее опала опухоль и боли как не бывало.

После болезни своей я была настолько еще слаба и здоровьем, и нервами, что в ответ на слова Л.Г. я только расплакалась и, хо-

рошенько не подумавши, ответила ей, что я сейчас никуда не поеду. Однако Л.Г. продолжала меня уговаривать, и вышло так, что я вскоре после этого разговора, заручившись благословением патриарха поехала в Пустынь. Никогда я не забуду этой поездки.

Я рассказала старцу о своей тяжелой болезни, которую только что перенесла, и об опасениях врача: ведь у меня были найдены палочки Коха в легких—открытый туберкулез, а между тем, дети все еще были маленькие—Ванечке моему было только 3 года, а Сереже, старшему—11 лет,—мелюзга. Старец очень серьезно отнесся к моему сообщению, тут же встал и, усердно помолившись, благословил мою грудь сначала спереди, а потом сзади и проговорил твердо и властно: «Ты будешь жить, потому что ты нужна и детям и Толмачам».

Я приняла эти слова с верою, и вот уже 18 лет прошло с тех пор—туберкулеза у меня как не бывало, и не раз приходили ко мне из диспансера убеждаться, что я не только жива, но и совершенно здорова.

(Старец Алексей Зосимовой пустыни. YMCA-PRESS. Париж. 1989. С. 89-118).

Последние годы

Пасха в 1923 г. приходилась на 26 марта церк. ст. В Зосимовой Пустыни в пасхальную ночь, светлую утреню и Литургию, служил Владыка Варфоломей, им были рукоположены о. Феофан во иеромонаха и о. Тимолай-гостинник во иеродиакона. Это были последняя в Зосимовой Пасха и последняя архиерейская служба. Владыка Варфоломей на пасхальной неделе простился с Зосимовой. Он уехал в Москву, получив назначение в настоятели Петровского монастыря.

Со дня на день ожидавшееся закрытие Пустыни совпало с сорокадневным продолжением Светлого Воскресения Христова. Просветившись неотъемлемой пасхальной радостью в Отдание Пасхи, торжественно воспев: «Аз есмь с вами и никтоже на вы»,—в праздник Вознесения, под музыкальный Зосимовский звон последним было шествие братии

в Трапезу. На другой день Литургией окончилось богослужение в Зосимовой Пустыни.

6 мая из Александрова приезжала ликвидационная комиссия, инокам было предписано: в этот же день всем оставить обитель. Разрешили взять каждому с собой вещей один узел или котомку.

Оставили монахи отстроенную ими обитель: показательное хозяйство, необходимые запасы, картофель сохранялся так, что не отличишь его от нового, капуста в кадках могла быть годной не один год. Учиться бы и учиться у таких хозяев, а хозяева ушли, оставив пришельцам в кухне стоговленный для братии ужин.

Старец о. Алексей вместе со своим келейником о. Макарием переехал в Сергиев Посад и поселился в доме своих духовных детей* в двух комнатах:

* На Дворянской улице.—Ред.

одна побольше для о. Макария, а поменьше для Старца. При закрытии Пустыни у Старца сняли ризы со всех его икон взяли все ценное, не возвратив ему даже книг его библиотеки.

Из записи о. Илии Четверухина: «Не берусь описывать, что пережил наш Старец, уезжая из родной Пустыни, это тайна его души. Но видя, как слабеет здоровье и силы, он лишь все более и более смирялся. И когда нам приходилось ездить к нему и что-нибудь привозить, он всегда смиренно, и кланялся, и благодарил, говоря: «Я ведь теперь нищий, живу подаянием, меня добрые люди кормят». Одна раба Божия взяла на себя обязанность ежемесячно собирать с его близких духовных детей посильное пожертвование и ей мы были глубоко признательны за ее безкорыстный, святой труд».

Запись современника: «До 1925 года Старец еще немного бродил по комнаткам, но, наконец, ноги его так ослабли, что он слег в постель, и когда надо было пить чай или кушать, о. Макарий сажал его на кровать».

Отец Макарий до самой кончины Старца был его верным слугой и безропотно нес свое послушание, конечно, нелегкое. Старец был всегда и во всем со всеми утонченно вежлив и деликатен. С о. Макарием он был так предупредителен, точно только что к нему поступил на послушание, а о. Макарий был при Старце 28 лет.

В тесной духовной связи со Старцем состоял бывший наместник Лавры архимандрит о. Кронид, который с присущей ему внимательной заботливостью предусмотрительно охранял от возможных осложнений пребывание в Посаде Старца до самой его кончины.

О. Кронид жил в те годы в Гефсиманском Скиту. На скитской лошадке, как стемнеет, его привозили к Старцу. После беседы со Старцем о. Кронид отправлялся на ночлег к своему племяннику (жив-

шему близко), бывшему регенту Лавры Н. Г. Рожкову. Следующий день с утра о. Кронид находился у Старца, вечером он возвращался в Скит на присланной за ним повозке. Такие посещения Старца были не менее одного раза в месяц.

В духовной среде учеников Старца отличался Зосимовский инок о. Владимир, в 1919 году назначенный игуменом Боголюбовской Киновии. По переезде в Посад Старца о. Владимир стал духовником своего учителя-старца. В праздничные и Воскресные дни о. Владимир находился у Старца, участвуя в совместной молитве и причащении Старца Святых Христовых Таин. От богослужений в Киновии о. Владимир был свободен. В ноябре 1922 г. храм в Киновии и Собор в Черниговской закрыли, оставив одну Успенскую церковь в Гефсиманском скиту, куда к службам стали ходить и киновицы.

Основой всей подвижнической жизни Старца было смирение. Не полагаясь на свой богатый рассуждением разум, он искал совета у других. Старец благодарил Бога за то, что он в конце своей жизни оказался послушником благоразумных наставников: отца Кронида и о. Владимира.

24 сентября 1924 г., накануне празднования памяти преподобного Сергия, в Посад приехал Святейший Патриарх Тихон. В Петропавловском храме была совершена возглавляемая Патриархом всенощная. На другой день в том же храме Святейший Патриарх совершил Литургию в сослужении Епископов Никона и Василия. За Литургией Святейший рукоположил иноков Гефсиманского Скита: кононарха о. Иону во пресвитера и скитского фельдшера о. Германа во иеродиакона.

После Литургии Святейшего Патриарха подвели к домику, в котором жил Старец о. Алексий. Старец был глубоко тронут вниманием и беседовал с ним лежа в кровати. Поэтому Старец несколько раз порывался спустить свои ноги на пол, но Свя-

Приезд Святейшего Патриарха Тихона

тейший брал их своими руками и снова клал на постель.

О Старце о. Алексие Святейший узнавал от отца Крониды, с которого не снято было сношение с Патриархом, а затем с Синодом о духовных делах монастырей, оставшихся до 1929 года около Лавры. Кроме этого Патриарх расспрашивал о Старце тех, кого направлял к нему.

В тот же вечер Сергиева дня Святейший служил всенощную, а на следующий день Литургию в Рождественском храме, в нем имелся престол во имя св. Иоанна Богослова. К вечеру этого дня Патриарх прибыл в Гефсиманский скит, где Святейшему был предоставлен отдых. На следующий день, благословив скитскую братию, Святейший заехал в Боголюбовскую Киновию, где у закрытой церкви его встретили игумен Владимир с братией. Посмотрев на виднеющуюся Лавру из калитки в западной стене ограды и благословив Киновийскую братию, Святейший отправился на скитской пролетке в Пустынь Параклит. У святых ворот Пустыни он был встречен игуменом Паисием с

братией. Патриарх благословил отслужить всенощную преп. Харитону Исповеднику. Святейший выходил на величание, во время чтения канона всех благословлял. Утром 28 Святейший отправился на ст. Сергиево к поезду. Провожая Его под звон, братия плакала, плакал и Святейший. Это был прощальный приезд в весь Сергиеву, Святителя Земли Русской.

Старец о. Алексей до последних сил старался вычитывать в келлии все дневные службы, исключая Литургии, которой он в келлии никогда не совершал и антимиаса не имел. Когда он уже не мог стоять, то вычитывал службы в полусидячем положении на кровати. Книги находились на прилаженной к стене на петлях полочке, повернув которую, Старец ставил ее перед собой. Потом и это для Старца стало невозможно, так он ослаб.

Протоиакон СЕРГИЙ БОСКИН

(Публикация Ю. Куликова)

Насельник Святой веси

От Лавры по дороге в Александров стояла в это время и процветала Зосимова пустынь. Сколько людей спешило по живописной дороге через лес и перелески к вратам тихой обители! В ее стенах подвизался дивный старец Алексей, бывший протоиерей московских соборов в Кремле, обладатель замечательного баса. Овдовев, отец Алексей принимает монашество в Зосимовой пустыни, с настоятелем которой, замечательным отцом Германом, его связывала теплая дружба. Множество людей тянулось к нему как к благодатному источнику за врачеванием, помощью и утешением. Величавый старец с внимательным взглядом черных глаз на широком крупном лице, обрамленном обилием белоснежных волос, он вначале мог показаться суровым и строгим, но при первом же столкновении с ним перед пришедшим открывался такой источник добра, такая глубина мудрости, бережного внимания к нужде пришедшего, такая тщательная любвеобильная работа над его душой, что связь между ним и пасомым становилась крепкой и нерушимой на всю последующую жизнь.

Вот этот-то старец и схимник, прославленный в пустыни и далеко за ее пределами, слабый и больной, был принужден искать себе пристанище по закрытии обители. Заехав

к Преподобному на поклонение, он по воле Божией с благословения отца наместника остается в Сергиеве в двух комнатках второй половины нашего домика. Это было в мае 1923 года, когда над маленьким домиком воистину зажегся могучий светильник веры и подвига. И потянулись к его порогу, как недавно в Зосимовку, духовные дети со своими печальями и напастями, горем и душевной нуждой. Тяжко болеющий старец ушел в затвор, и только некоторым с разрешения отца наместника удавалось к нему проникнуть. Монашество, миряне, духовенство и святители Церкви... сколько побывало в чаянии приема у скромного крылечка маленького дома! Получившие разрешение заходили в соседнюю горенку мамы и терпеливо ждали часами возможности быть принятыми из-за великих немощей старца.

На нашем историческом диванчике, на котором некогда скончался наш отец, сидел и святейший патриарх Тихон. От этого памятного дня храню его карточку, его рукой подписанную. Св. Патриарх любил и чтит старца, рука которого вынимала в храме Спасителя жребий на его Патриаршество. Приход святейшего в сопровождении отца наместника взволновал старца. Он торопливо стал опускать свои больные отекавшие ноги, намереваясь привстать, но святейший со свойственной ему до-

брой улыбкой, сам такой простой и ясный, с лаской поднял ножки старца и положил их обратно на постель, не разрешая ему встать, и, близко присев около него, повел с ним беседу. Дорогие, памятные мгновения!

Преданно и самоотверженно ходил за больным старцем его келейник отец Макарий. Суровый на вид, дисциплинированный и умный, он неутомимый был труженик, выполняющий обязанности посредника между приходящими и старцем со стойким терпением. До последней минуты жизни отца Алексия, кончина которого последовала 19 сентября 1928 года в полной памяти после соборования, совершенного отцом игуменом Израилем, и святым причащением, преподанным ему протоиереем Поповым, отец Макарий неотлучно был при нем, охраняя его сыновне. После кончины старца недолго отец Макарий, принявший иеромонашество, прожил в памятном для него домике. Он окончил жизнь свою в узах и там же принял смерть, ниспосланную ему Господом...

Наталья ВЕРХОВЦЕВА

(«Московский журнал». 1992.

№10. С. 8-9)

еси наш Просветитель и Спаситель и Тебе славу
воссылаем во веки. Аминь.

**МОЛИТВА ЧЕЛОВЕКА,
ищущего покоя в Боге
(духовное завещание старца)**

Господи, Боже наш! Прости нам вся прегрешения
наша вольная и невольная! Во всем да будет Твоя
святая воля над нами, грешными. Нас же сподоби во
всем неуклонно, в мире душевном, покоряться
всеблагой и премудрой воле Твоей и исполнять ю, и
имиже веси судьбами спаси нас, недостойных раб
Твоих; тогожде сподоби и присных наших и всех
людей Твоих, яко вся ведый, яже ко истинному благу
нашему, Всемилостивый и благословенный во веки,
аминь.

МОЛИТВА ЗА ИНОВЕРНЫХ*

Помилуй, Господи, аще возможно есть, раба
Твоего (имярек) отшедшего в жизнь вечную в
отступлении от Святой Твоей Православной Церкви.
Неизследимы судьбы Твои. Не постави мне в грех
сей молитвы моей, но да будет святая воля Твоя.
Аминь.

* Эта молитва о. Алексея Зосимовского найдена в бумагах епископа
Афанасия (Сахарова) с пометкой: «Взята у о. Леониды Оптинского».

**МОЛИТВЫ
отца Алексея,
старца Зосимовского**

Москва
1994

МОЛИТВА В ПРЕДУВСТВИИ КОНЧИНЫ

Господи, мой Господи! Прими смиренное сие моление мое. Избави мя от внезапной смерти. Но перед наступлением кончины моей, ради очищения множества грехов моих, ради принесения истинного покаяния и напутствия Святыми Таинствами, ради христианского перехода в жизнь вечную блаженную в мире душевном, — сподоби мя, Превластий Господи, потерпеть болезнь предсмертную без непосильных страданий, без ропота с благодарностью. Сподоби и окружающих мя разумно и во благодушии послужити мне при одре моей болезни во имя Твое, и через сие святое дело обрести себе благоволение Твое и вечное спасение. Ты во еси хотяя всем спастися, Всемилостивый и Благословенный во веки. Аминь.

МОЛИТВА ДУХОВНИКА ПЕРЕД ИСПОВЕДЬЮ

Господи Боже мой! Прости мне и чадам моим духовным вся согрешения вольная и невольная. Сподоби мя свято, в мире душевном, во здравии души и тела совершить предстоящую спасительную исповедь.

Слово разума и рассуждения духовного подаждь ми. Тожде подаждь и чадам моим духовным; дух покаяния сердечного и исповедь совершенную даруй им.

Соблюди нас в истинной вере и благочестии. Взятый душевный мир подаждь нам и вечное спасение. Яко Ты

МОЛИТВЫ СТАРЦА АЛЕКСИЯ

Достойное по делам моим приемлю. Помяни мя, Господи, во царствии Твоем. Господи, да будет святая воля Твоя надо мною грешным ныне и во веки. Господи, я создание и раб Твой, хочу или не хочу, нахожусь во власти Твоей. Твори с созданием Твоим по святой воле Твоей и по великой милости Твоей. Слава Тебе, Господи, за все, что Ты навел на меня. Слава Тебе! Праведен суд Твой надо мною, заслужившим все временные и вечные казни. Благодарю и славлю Тебя, Господь и Бог, за те малые и ничтожные скорби, которые Ты попускаешь мне всеблагим и премудрым промыслом Твоим, которыми Ты облегчаешь (обличаешь?) неведомые страсти мои, которыми облегчаешь мне ответ на страшном суде Твоем, которыми искупаешь меня от вечных мук ада.

МОЛИТВА В МИНУТУ ОСОБОГО УМИЛЕНИЯ

Господи, не погуби мене со беззаконьями моими. Подаждь ми успешную борьбу со страстями моими. Или же веси судьбами, спаси мя. Да будет земное пребывание мое в истинном смирении и чистоте, не во вред и тягость мне и людям Твоим, но на общую святую пользу к снисканию спасения вечного, в славу Твою, Боже, Благодетелю мой, Спасителю мой.

«ГЛАВНОЕ У НИХ—ЛЮБОВЬ!»

«Ты, может быть, считаешь, что теперь нет таких монахов, которые молились бы за весь мир; а я тебе скажу, что когда не будет на земле молитвенников, то мир кончится, пойдут великие бедствия; они уже и теперь есть».

Схимонах СИЛУАН

С протодиакном о. Сергием Боскиным посоветовал встретиться один из послушников Черниговского скита. Прощаясь, он сокрушался:

—Ей-Богу, много потеряли, не застав отца Сергия!

И столь горячо сочувствовал, что я тогда же и решил: непременно надо повидаться.

Благодаря своему отцу—художнику Михаилу Васильевичу Боскину, коротко знакомому с людьми, принадлежавшими к культурной элите XX века, о. Сергию, конечно же, было о ком вспомнить и рассказать. Достаточно назвать такие имена, как иерей о. Павел Флоренский, протоиерей о. Сергей Булгаков, М. В. Нестеров, М. М. Пришвин, А. А. Александров...

Любопытна судьба самого протодиакона. В разные годы ему приходилось работать и художником, и реставратором, и даже регентом.

Однако более всего о. Сергей меня интересовал как свидетель трагически угасавшей монастырской жизни, как человек, заставший в живых едва ли не последних старцев.

... Поначалу засомневались: примет ли престарелый протодиакон гостей незваных (вместе со мною были журналист Андрей Лобашинский и фотокорреспондент Сергей Старшинов), но положились на волю Божию.

О. Сергей выслушал, зачем пожаловали, пригласил в комнату. Представляла она собою нечто среднее между кабинетом и келлией. Лампадка... Множество икон в красном углу. У стены—солдатская койка, посредине—письменный стол, на нем стопы книг. За-

помнились в новеньких переплетах «Старец Силуан» и трехтомник о. Павла Флоренского. На стенах плотно, рама к раме, картины, рисунки. На стеллаже и другом столе—книги, книги, книги...

Обращаемся к хозяину: «Батюшка». Да и сам-то он осанкою и сединами лишь такому обращению и соответствует.

—Об отце Варнаве рассказывали разное...—начал он издалека на вопрос о старце.—Слышал я в Дмитрове, где работал по реставрации... Об этом можете

прочитать в брошюрке, недавно изданной Лаврой. Но, пожалуй, расскажу и вам.

Как-то раз три дмитровских огородника приехали сюда к Троице. Звали их «три Ивана»: Иван-большой, Иван-маленький и Иван-рыжий. Быстро и удачно продали они овощи. Пообедали плотно. Напоили лошадей и уж было собрались в обратный путь. Тут рыжий-то Иван и говорит:

—А что, ребята, не пойти ли нам поболтать к отцу Варнаве?

—Пойдем, —согласились Иваны,—поболтаем!

Ну, и поехали. К батюшке Варнаве—очередь, но двигалась быстро. Подошли Иваны, входят.

—А! Молодцы! Вы что?—спрашивает отец Варнава.

—Да вот, батюшка, благословите...

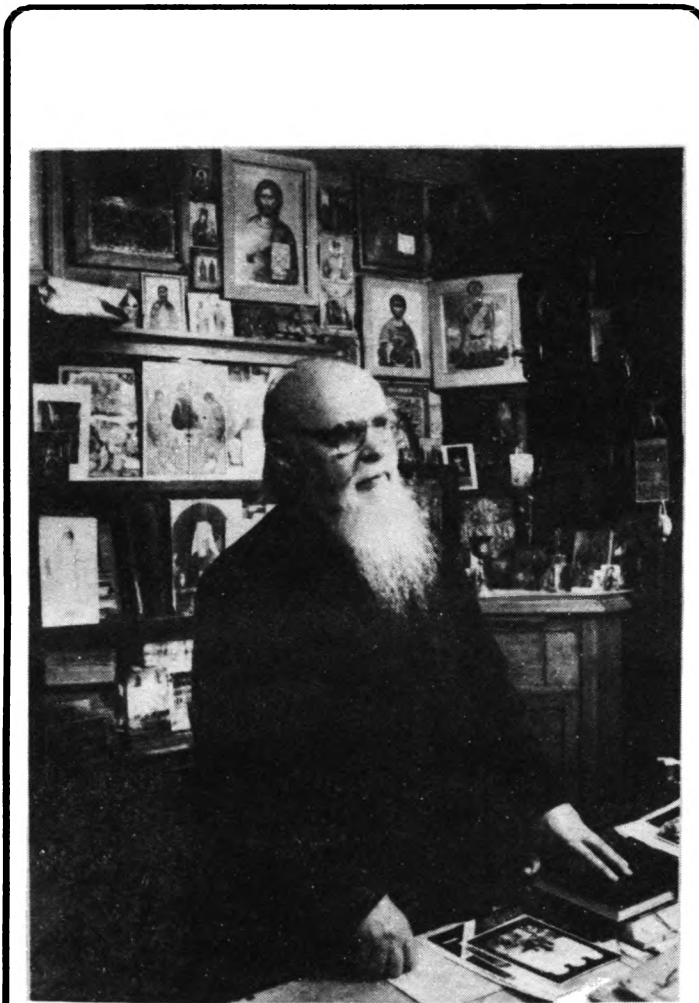
—Отец Порфирий, вынеси им с водичкой и ложечками три стакана, —приказал он келейнику.

Выносит, подает «молодцам». А батюшка говорит:

—Вот, стойте тут—и «болтайте»! А ты, отец Порфирий, проследи, чтобы «болтали»!

Иваны покраснели, как раки. Все смотрят на них. А кого тут только не было! И господа, и крестьяне, и фабричные... Но делать нечего, так вот и «болтали», покуда батюшка не вышел:

—Ну, что? Поболтали? А теперь ступайте с Богом!

Протодиакон Сергей Боскин († 19.1.1992)

«Сколько уж лет прошло,—сокрушался один из Иванов, церковный староста Иван Петрович,—а как сейчас это вижу и вновь переживаю!»

Байка не байка, а «сюжетец» в духе Варнавы. Шустрому «старичку-монаху, как вспоминает о нем Сергей Александрович Нилус, с необыкновенно живыми, добрыми и ласковыми, пронизательными глазами», легко попускаешь в душе и такое.

Старчество—что мы о нем знаем? Старец, например, вовсе не значит «ветх денми». Батюшка Варнава по завету своего духовного учителя принял на себя подвиг старчества в

тридцатилетнем возрасте. А насколько тяжел крест народного духовника, мы можем судить хотя бы по такому «внешнему» свидетельству: ежедневно о. Варнава принимал страждущих, порою до 500 и более человек в день,—изнемогая физически, теряя голос до шепота, но неизменно бодрый и крепкий духом. И так—до последней минуты, когда, приняв исповедь у духовной дочери, он с крестом в руке вошел в алтарь и в земном поклоне перед святым Престолом предал душу Богу.

— Б а т ю ш к а , — спрашиваем, — а знался ли отец Варнава со старцем Амвросием Оптинским?

— Не сомневаюсь, они знакомы были! Связь с Оптиной поддерживалась. Некоторые оптинские сюда перебирались. Один, помню, в «Параклите» (скит неподалеку—Ю. К.) долгонько жил. Но потом его все же домой, в Оптину, потянуло, там и скончался старец...

— А после кончины отца Варнавы к кому перешли его духовные чада?

— Многие—к келейнику его, отцу Порфирию. Он в том же домике, в той же келлии принимал. Вот к нему мамаша и привела меня на первую исповедь. Подводила и к чудотворной иконе Черниговской Божией Матери. Где она сейчас находится, неизвестно. Говорят, в частных руках. Но это только слухи. Написана она на холсте. Письмо, похоже, XVII века.

Хоть и копия с Ильинской-Черниговской иконы, а чудес явила премного! В честь ее и собор построен...

Закрыли его в ноябре 1922 года. И кинобийский храм—тоже. В один день! Киновийцы и говорят: как же нам без храма? Ничего, отвечают, у вас Гефсиманский скит поблизости, туда пойдете. А там тоже два храма запечатали: трапезный и кладбищенский. Оставили монахам только один, деревянный, Успенский. В нем до января 1929 года и служили.

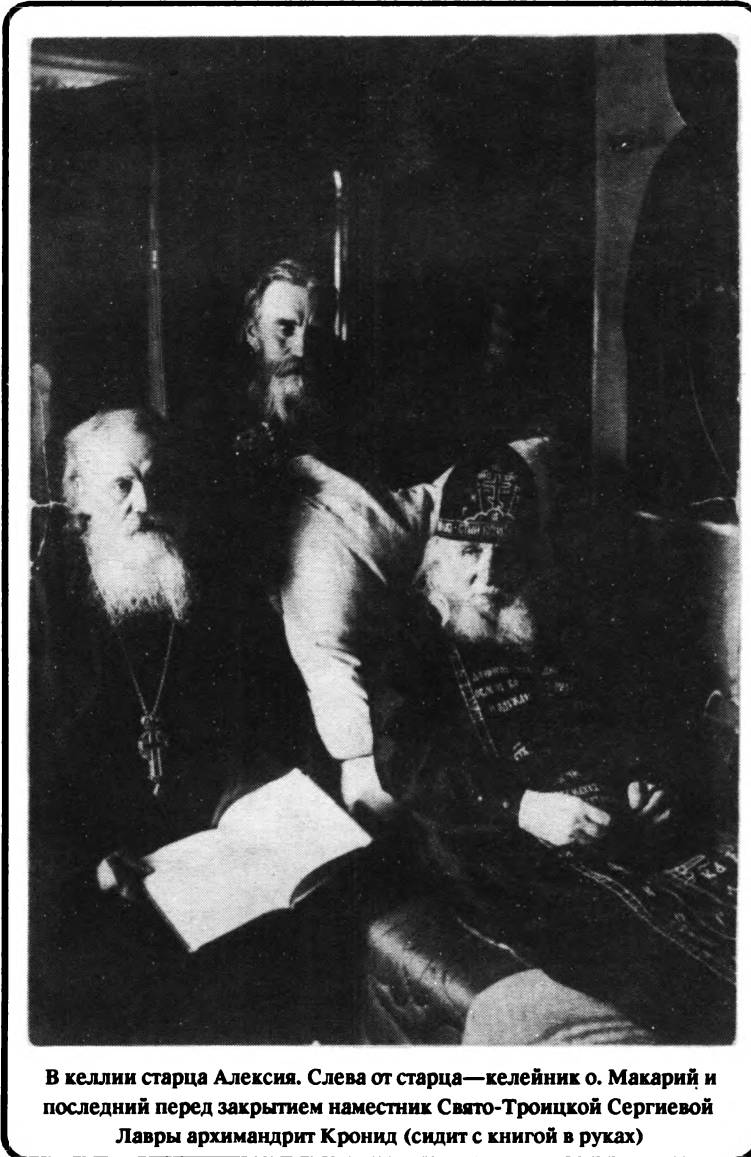
Сейчас говорят, что в 19-м году по приказу самого Ленина в Черниговский скит вселили больных де-

тей—слепых и глухих... В одном корпусе, правда, жили инвалиды. Потом их убрали, остались одни только дети. Однако в храме еще три года служили. От ворот, где была первая колоколенка, соорудили из толстых досок крытый проход—для богомольцев. Так и ходили этим коридором.

А когда храм запечатали, недели через три приехали из Москвы рабочие, да с бумагой от Калинина: выдать, мол, Черниговскую икону Божией Матери. Вот такие старинные русские рабочие! Как только прознали о закрытии Черниговской, пришли к Калинин и говорят: икона там чтимая, хотим забрать ее в свой храм Сергия Рогожского*. Не отказал. Попробуй-ка откажи: с самого «Серпа и молота» просят!

Спустились они в пещерный храм вместе с благочинным, отцом Ираклием, по-

дошли к иконостасу, видят: пусто—нет иконы! А она уже в одной из пещер лежит опрокинутая. Подняли ее, привели в порядок, установили на место. Торже-

В келлии старца Алексия. Слева от старца—келейник о. Макарий и последний перед закрытием наместник Свято-Троицкой Сергиевой Лавры архимандрит Кронид (сидит с книгой в руках)

* Храм Преподобного Сергия, что в Рогожской Ямской слободе (ныне пл. Прямикова). Вплоть до закрытия в 1930-х гг. там читался рукописный акафист Черниговской иконе Божией Матери (в пещерах перед образом читался акафист Благовещению Пресвятой Богородице). Как стало известно, «в 1938 г. и этот храм был закрыт и икона долгое время считалась утраченной. Но в недавнее время выяснилось, что икона эта не погибла и находится ныне в Москве, в частных руках, прикровенно—доступа к ней нет» («Православный путь». Церковно-богословско-философский ежегодник. Джорданвилль. 1991. С. 124-125).—Ред.

ственную всюнощную отслужили. Потом—литургию. Молебен. Со слезами прощались с иконой!

На паре лошадей увезли ее в Москву, а у Сергия Рогожского торжественно встретили. Туда из скита был даже послан иеромонах, который служил молебны и жил при храме. Черниговская икона находилась там до его закрытия в 1938 году. Куда она оттуда ушла—Бог весть!

Наше внимание не мог не привлечь выразительный портрет старца, рисованный углем.

—Батюшка, кто на нем изображен?

—Иеромонах Смоленской Зосимовой пустыни отец Алексей, тот самый, который в 17-м на Поместном Соборе тянул жребий на патриаршество. Рисовал его мой родитель Михаил Васильевич.

—А вот этот, писанный маслом, тоже работы вашего батюшки?

—Нет, не отцовской кисти... Висел он в трапезной Боголюбской киновии, и вот—попал ко мне... Когда-то был большим, да пообтрепался в своих скитаниях так, что пришлось обрезать края. К тому же долго хранился свернутым. Едва отмыл—чернота была сплошная! А изображен на нем основатель киновии монах Филарет, известный до пострига как Христа ради юродивый Филиппушка. Картины же Михаила Васильевича я вам покажу... Вот, портрет с натуры—мой дедушка, отец Николай Львов. Служил в Знаменской церкви села Комлево, что под Рузой. Дедушка со стороны мамы, Клавдии Николаевны. У нее вся родня—священники.

—А ваш отец до старца Варнаве не рассказывал?

—Нет, не припомню... Он в скиту, конечно, часто бывал, как художник, наблюдал типы. С отцом Павлом Флоренским любил окрест путешествовать. Сергей Николаевич Булгаков (впоследствии—отец Сергей) тут одно время обретался у Флоренского. Вот и

бродили по округе втроем*. И в «Параклит» хаживали...

—Тут и Михаил Васильевич Нестеров жил, в 17-м году...

—Нестеров сюда часто приезжал. Писал портрет двух философов (о. Павла Флоренского и С. Н. Булгакова—Ю. К.). Гостиница была прекрасная у Черниговской, в ней и останавливался. Бывало, сойдутся с Пришвиным—тоже частый гость—начнут с поцелуев, а кончат чуть ли не дракой. Так спорили! Оба сильные, могучие. Ну, думаю, сейчас подерутся, но—Бог миловал. Я свидетель. Вот читаю о Нестерове. Он-то, оказывается, столько пережил! Все у него пропало—записи, картины, этюды... Семья была, кажется, в Армавире, а он тут в Москве...

—Батюшка, а где вы обучались живописи?

—Учился у академиков... Бастрем тут жил. Швед. Интереснейший человек! Шесть лет у него работал. А по реставрации учителем моим был профессор Нерадовский. Ну и, конечно, у отца учился. Помогал ему. Сам писал. Вот мой натюрморт.

—А иконы не пробовали писать?

—Писал и иконы, но показать вам нечего. Ведь писал-то, как говорится, по нужде, на заказ. Теперь не пишу. Пять глазных операций перенес. Оперировался и у Федорова, да зря надеялся—лучше не стало.

—Где же вы работали, служили?

—Много работал по реставрации. И стены довелось расписывать. Храмы Лавре музей возвратил не сразу все, а—постепенно. Войдешь в церковь, где был какой-нибудь склад, оглядишься—оторопь берет! Шту-

* Кисти М. В. Боскина принадлежала картина «В Радонеже» (портрет П. Н. Каптерева, П. А. Флоренского и С. Н. Булгакова), написанная в 1916 г. (х. м. 55 x 39), принадлежавшая сыну художника протоиереевскому Сергию Боскину.—*Ред.*

Старец
Алексий
Зосимовский
с келейником
и неизвестным
владыкой.
Собрание
Е.В. Апушкиной

катурный слой отвалился... Плечи жуткие! Словом, всякие работы пришлось осваивать, познавать, как и что от самого камня делается. Шестнадцать лет регентствовал в Лавре. Первый «Аминь» пропел на ее открытии в 1946 году. Потом, при Хрущеве, мой хор разогнали. На меня тоже были великие напасти. Устроился по знакомству в макетную мастерскую чуть ли не при Совете министров. Когда ко мне «финны»* пришли, я им такую справку показал, что они глаза повылупили. А то хотели, не знаю, что со мной сделать. Да—Бог спас! В 65-м начал служить в Ильинском храме, возле Лавры, там еще сад городской был... Приехал митрополит Крутицкий: заберем тебя в Москву. А через месяц говорит: нет, тебе надо у Сергия служить! Пятнадцать лет служил, пока не заболел гипертонией. Пришлось оставить службу.

Никто из нас не спросил о Сергия, как же он нынче служит в Черниговской церкви? На восемьдесят пятом-то году! И как служит! Такого вдохновенного диаконского служения ни слышать мне не доводилось, ни видеть. Помнится, при прощании о. Сергей сказал:

«Вот собираюсь в воскресенье на службу... Скучают!» Этим прочувствованным словом он как бы открыл тайник своей души, где бережно хранились отеческое тепло, любовь и забота. Воистину—осиротели те, кто «скачал» и кому это сердечное богатство предназначалось!

... Разговор наш вновь зашел о старце Алексии.

—Когда Зосимову пустынь в 23-м году закрыли, старца сюда привезли. Игуменствовал тут отец Владимир—ученик старца Алексия. А Патриарх Тихон с о. Кронидом, бывшим заместителем Лавры, благословили его быть духовником старца. Вот как бывает!

Игумен Владимир был и моим духовником... А старец тут в частном доме жил, вместе с келейником, отцом Макарием. Никого не принимал. Только с разрешения Патриарха.

У старца еще в Москве, когда он служил в Успенском соборе Кремля, ноги болели. Застудил он их. И в Зосимовой ими мучился... Помнится, так и читал—полулежа. А читал он ни мало ни много, а круглые сутки!

Вот тогда меня вместе с товарищем моим Серафимом, братом владыки Сергия (Голубцова), что в Лавре похоронен—могилку его знаете?—вызвал отец Кронид: вот вам, говорит, послушание—будете читать келейное правило отцу Алексию. Я тогда в университет намеревался поступать и сказал об этом отцу Владимиру, на что он мне: «Молчи! Тебе такие университеты уготованы, каких нигде не было и не будет!» Вот и прошел я «университеты»—у старца

Алексия два с половиной года чтецом! Вместе, конечно, с Серафимом.

О старце Алексии и о Смоленской Зосимовой пустыни я потом написал подробно... Зосимову называли «Северной Оптиной», а отец Алексий всегда добавлял: «В миниатюре. Я и сам-то, говорил, оптинский старец в миниатюре!»

До могилы не забыть, как с ним прощался, за неделю до его кончины. Он мне столько напоежал, даже неудобно стало. «И желаю тебе все пережить, и как можно, Господи, дай тебе того-то и того-то...» Батюшка, говорю ему, вы мне столько насказали благостей Божиих, что мне их не вынести. «А вот я тебе желаю!...»

На этих словах о. Сергей потупился, помолчал и добавил: «Любовь у них—главное!»

—Батюшка, а есть нынче такие старцы?

—О таких вот, старой закваски, что-то не слышно. Были тогда и еще из Зосимовой старцы. Отец Досифей—о!—только вид один чего стоил! Помню отца Иакова в скиту, схимонаха... А когда прошли уже и тридцатые, и сороковые годы... Ну, думаю, больше не увижу подобных старцев. Ушли вместе с моею молодостью! И представьте себе, в конце пятидесятых вдруг такого старца встречаю у отца Сергия, который мне прижизненный портрет батюшки Серафима Саровского давал списать. К нему-то и приехал старец Глинской пустыни отец Серафим. Довелось с ним поговорить и даже исповедоваться. Признаюсь, почти то же самое, что и в юные годы, пережил! Может быть, и есть где еще старцы... Дай-то Бог!

Служение о. Сергия Боскина мне довелось слышать лишь один раз—на литургии 24 ноября 1991 года. Тогда приехал к Черниговской на торжества, посвященные 100-летию со дня кончины великого русского мыслителя К. Н. Леонтьева (в монашестве Климента). И вот после панихиды, совершенной на его могиле, у восточных ворот скита повстречал о. Сергия. Я спешил на автобус и лишь успел сказать, что как только выйдет журнал с публикациями о старце Варнаве, так обязательно привезу.

Вот и вся встреча. Впрочем, нет, еще запомнилось, как подошедший к нам молодой человек (из приехавших на торжества), взглянув на о. Сергия, вдруг решительно шагнул к нему под благословение. «Нет, я—не священник»,—спокойно и нимало не смутившись ответил старец.

О смерти нам сообщила его дочь, когда мы приехали к «батюшке» с версткой номера: в Крещенский сочельник в церкви Черниговской Божией Матери перед службой о. Сергей, потеряв сознание, упал на каменный пол, а на следующий день, уже в больнице, около трех часов утра отошел к Богу.

Упокой, Господи, душу усопшего раба Твоего Сергия!

Юрий КУЛИКОВ

* Финансовые инспектора—Ю. К.

ДОБРОЕ СЛОВО НОВОНАЧАЛЬНОМУ ПОСЛУШНИКУ

Боже, в помощь мою возми,
Господи, помощи ми потщися!

Пустынным непрестанное
Божественное желание бывает,
мира сущым светнаго кроме.

1-й антифон 1-го гласа

Сердце мое к Тебе, Слово,
да возвысится, и да ничтоже
услудит мя от мирских красот на
слабость.

3-й антифон 4-го гласа

БОЖИЕ ПРИЗВАНИЕ

Спросим себя, братья: что заставило нас оставить мир и вся яже в мире? И что это за сила, которая повлекла нас из мира в монастырь? Что это за сила, понуждающая и толкающая нас, так что мы не могли более противиться и должны были переменить весь порядок своей жизни? Припомним, как дошли мы до решения оставить мир и все яже в нем, и укрыться от него за стенами св. обители. Сначала появлялась только мысль: оставить греховную жизнь и идти куда-нибудь спастись. Потом сложилось убеждение: действительно нужно оставить мир и идти в монастырь. Наконец приходит минута решимости: во что бы то ни стало нужно идти спасать свою душу: нужно бежать из мира, нужно укрыться от него между иноками за

Доброе слово новонаначальному послушнику, желающему нелицемерно проходить путь Божий в пустынной обители. Изд. 4-е. (Пустыни Св. Параклита). Исправленное и дополненное. Сергиев Посад. Типография Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. 1916. 56 с.

монастырской оградой. Что это такое действовало в нас, что возбуждало нас? Не что иное как благодать Божия, звание Божие. И добро мы сотворили, что послушались сего таинственного голоса Божией благодати.

Желающего поступить в число братства пустынной обители принимают не сразу, а предлагают ему сначала пожить при обители на правах гостя. Ему советуют ходить в церковь к каждой

службе, трудиться на всех братских послушаниях, как-то: обдѣлывать огороды, копать гряды, косить сено, собирать в лесу дрова, пилить их, качать на монастырскую потребу воду, зимой же, кроме того, раскидывать снег, колоть лед, вообще исполнять все трудные, но необходимые в монастырском хозяйстве послушания. Трапезовать ему позволяется на кухне с рабочими. В это время новопоступающий всматривается в порядок пустынной монастырской жизни. По тщательном испытании самого себя, если он чувствует, что может понести труды пустынные, то он заявляет о сем Настоятелю. Тогда его одевают в подрясник, зачисляют в число

братства пустыни и ему позволяется обедать уже с братиею в трапезе.

Долговременный опыт показал, что большую часть приходящие в пустынную обитель, смотря на весь порядок ее жизни, на продолжительное и чинное Богослужение, на тишину и удаление от мира, умиляются сердцем и разгораются желанием остаться здесь и не возвращаться

+

*Достойному православному
ослушнику дорогому Мише /
Аскритову от / любящего его всей /
душой недостойнейшего /
монаха православного /
послушника на /
молитвенную память / Свящ. С. <Сергий> Мечев /
1922 г. День праздн. / иконы Б. <ожией> М. <атери> /
Феодоровской>.*

ДОБРОЕ СЛОВО
НОВОНАЧАЛЬНОМУ ПОСЛУШНИКУ,
ЖЕЛАЮЩЕМУ
ПРОХОДИТЬ ПУТЬ БОЖИЙ
ПУСТЫННОЙ ОБИТЕЛИ.

ИЗДАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ
1922 г. День праздн.
Св. Параклита
Иконы Б. <ожией> М. <атери>
Феодоровской.

Дарственная надпись на экземпляре книги, принадлежащей прот. Валериану Кречетову: «†/Достойному православному/ ослушнику дорогому Мише/ Аскритову от/ любящего его всей/ душой недостойнейшего/ православного/ послушника на/ молитвенную память./ Свящ. С.<ергий> Мечев./ 1922 г. День праздн./ иконы Б.<ожией> М.<атери> Феодоровской».

более в суетный и многмятежный мир, но здесь, с иноками скромной обители пустынной, подвизаться и работать Господу Богу до смерти.

Да, действительно хорошо смотреть на скромность иноческих порядков, но не без труда и подвига привыкли иноки к ним. Каждому иноку приходится много претерпеть и поскорбеть в то время, когда начнут его, так сказать, переделывать из мирянина на монаха во всех его поступках, паче же приучать к смирению, к послушанию и к отсечению своей воли, а это продолжается не месяц, не два, а несколько лет, пока он обучится. Вот это-то и не всякий выдерживает, и не у всякого достает произволения претерпеть до конца первоначальное испытание пустынное.

Некоторые послушники, по недостатку произволения, потерпят, потерпят, да и начнут унывать, или же совсем уходят в другой монастырь, где, по их мнению, легче живется, но увя, легче только там, где нас нет. По сему-то и не сразу принимают желающего поступить в братство пустынной обители, но дается ему время на испытание своего произволения, аще убо может понести, дабы после ему не раскаиваться.

Сие то самое и побудило составить эту книжицу, чтобы каждый поступающий видел и знал, что от него потребуется по принятии в число братства пустыни. А главное и то, чтобы вновь поступающему брату скорее научиться порядку пустынному, как держать себя в церкви, в трапезе и на послушании: не всегда-то удобно наставлять каждого порознь.

И. КАК ПОЛАГАТЬ НАЧАЛО

Как же нам жить, и как себя вести, чтобы действительно сделаться монахом, не только по внешности, но и по духу?

Для сего святые Отцы написали нам много наставлений, поучений и огласительных слов, заключающихся в книгах, которые общим названием именуются «Свято-отеческие писания». От сих-то святых книг, как от богатой трапезы святых отцов, потщились мы ныне собрать некие крупичицы, как бы падающие от их богатой трапезы и относящиеся наиболее к наружному поведению инока, без которого, по выражению Святых отцов, нельзя приобрести духовного ведения, и предложить новонаначальному иноку для того, чтобы он мог положить правильное начало иноческой жизни.

II. ПЕРВЫЕ ШАГИ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

Святые отцы называют монастырь *врачебницею* (больницею). Точно: монастырь есть нравственная *врачебница*. Мы приходим из мира в монастырь, чтобы оставить греховные навыки,

которые мы стяжали в мирской жизни и стяжать навыки или поведение истинно христианские. Мы должны приложить все старание к тому, чтобы цель, с которою мы вступаем в монастырь, была достигнута, чтобы наша жизнь в монастыре послужила нам во спасение, а не к большому нашему осуждению на Суде Христовом. Поступающие в больницу для излечения, обязываются руководиться во всем наставлением врача, не позволяя себе употребление пищи, одежды, движения, лекарства по своему усмотрению, ибо иначе вместо пользы они причиняют себе вред: подобно тому и всякий, вступивший в монастырь, обязывается упражняться не в тех подвигах и трудах, которые кажутся ему самому нужными и полезными, но в тех, которые будут ему указаны и назначены настоятелем лично, или чрез кого-нибудь другого из старцев. Поэтому принятый в братство Пустыни послушник, если желает положить правильное начало иноческой жизни по образу строгих обителей, должен просить у настоятеля назначить ему старца, который бы руководил его ко спасению.

III. НЕОБХОДИМОСТЬ РУКОВОДИТЕЛЬСТВА В ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

Всего труднее, говорит св. Василий Великий, знать и врачевать себя самого, потому что людям прирождено самолюбие, и каждый по пристрастию к самому себе превращает истинный суд (о себе самом) (*Подвиж. уст. гл. 22, V т. 451 стр.*). Если и великие подвижники благочестия не всегда оставались победителями в духовной брани с хитрыми и сильными врагами спасения, то может ли устоять в этой брани неопытный и слабый воин Христов, не имея при себе опытного руководителя и помощника? Авва Дорофей в 5 поучении говорит: «В Притчах сказано: *имже несть управления, падают якоже листвие: спасение же есть во мнозе совете* (*Притч. 11, 14*). Видите, чему учит нас Св. Писание? Мы не должны следовать самим себе, почитать себя разумными, думать, что можем сами собою располагать; но имеем нужду в помощи наставляющих нас по Богу. Нет несчастнее и ближе к погибели того человека, который не имеет для себя руководителя на пути Божиим. Ибо что значат сии слова: *имже несть управления, падают якоже листвие?* Лист сначала всегда бывает зелен, цветущ и красив, потом малопомалу увядает, падает и его попирают. Так и человек, никем ненаставляемый, сначала имеет расположение к посту, бдению, безмолвию, послушанию и другим добрым делам; но потом сие расположение без наставника, возбуждающего и воспаляющего в нем оное, мало-

помалу уменьшается, охладевает, нечувствительно пропадает, и он, наконец, становится подвластным врагам, которые делают с ним, что хотят».

Поэтому, принятый в братство, как сказано выше, должен просить у настоятеля назначить ему старца, который бы руководил его ко спасению.

IV. УВЕЩАНИЕ ПРЕП. ОТЦА НАШЕГО СИМЕОНА НОВОГО БОГОСЛОВА

Ты же, брат возлюбленный, прими назначенного тебе старца, как Богом показанного наставника, исповедуй ему помыслы сердца своего, если можно, каждый вечер объясняй ему все случающееся с тобою в продолжении целого дня. Имей к нему веру несомненную, хотя бы и весь мир досаждал ему и ругался над ним: даже если ты сам своими глазами увидишь его совершающим блуд, не соблазняйся и не умаляй своей веры к нему, повинуйся сказавшему: *Не судите и не судят вас (Лк. 6, 37)*.

V. КАК ИДТИ К СТАРЦУ

Собравшись идти к старцу, прежде всего собери свои помыслы и припомни все, что нужно открыть старцу. Потом встань пред св. иконами и помолись в простоте сердца, говоря так: *«Господи, благослови меня идти к старцу! Господи, научи меня открыть ему всю совесть мою! Господи, вразуми его возвестить мне волю Твою святую!»* Пришедши же к старцу, сотвори молитву и скажи: «Батюшка, вот я чего желаю, но не делай по воле моей, а по воле твоей». Потом открывай ему все свое душевное состояние, занятия, недоумения, затруднения, смущения, искушения, погрешности, случающиеся неблагоприятные отношения к другим.

И получив от него разрешение недоумений, исправление погрешностей и наставление на будущее, с твердою и несомненною верою прими, как выражение воли Божией, для дальнейшего успеха в жизни духовной*

Пришедши от старца в келлию свою, от всего сердца возблагодари Господа, удостоившего тебя очистить совесть свою. И как незлобивое дитя, омытое от грязи матерью, опять начинает радостно играть, так и ты радуясь вкупе и трепеща, яко младенец о Христе, теки путем послушания, ничтоже сумняся, покрываемый отеческими молитвами.

* Внемли и сему, о рачителю душевной чистоты: открывая старцу свои помыслы, открывай все дочиста, но только про себя, а не про других.

VI. НАСТАВЛЕНИЯ НОВОНАЧАЛЬНОМУ

1) Преподобного отца нашего Ефрема Сирина

Если, отрекшись от мира и от суетной жизни, вступишь ты в обитель многочисленного братства, желая вместе с ними жить и работать Господу нашему Иисусу Христу, увидишь же, что некоторые из братьев безчинно ходят и говорят неугодное Богу, то не обращай внимания на них и на речи их, предоставь им говорить между собою. Кто говорит неугодное Богу, тот не боится Господа, живя сам в нерадении.

Не будем осуждать кого-либо: ибо не знаем, как он ведет себя в келлии своей, или как трудится он пред Богом; не будем осуждать, если увидим, что он смеется или разговаривает, ибо не знаем, каковы расположения его в келлии, или как трудится он пред Богом. Посему каждому из нас надобно быть внимательным к себе, потому что каждый из нас за себя даст ответ Богу.

Всем сердцем своим внимай псалмопению и чтению божественных писаний; из писаний узнаешь награды за добродетели; и будет радость и веселее сердцу твоему.

Будь кроток, послушен и благоразумен, чтобы сохранить тебе о Господе чистоту тела своего, как драгоценную жемчужину.

Не шеголяй одеждами, но будь доволен тою, какую тебе дадут из монастырской рухлядной, не хвались богатыми родителями. Взор обращай долу, а душу горе. С юношей не доходи до вольного обращения. С отроком не дли беседы; не входи в сообщество с непокорными, или смехотворами: но весь день пребывай в страхе Божиим.

Если желаешь стать монахом, то да не обольстит тебя враг выйти из обители до принятия тобою святого монашеского одеяния; иначе будешь сильно раскаиваться при конце жизни. Не бойся насылаемых на тебя врагом искушений, но терпи, чтобы достигнуть блаженства. Хочешь ли же, чтобы не преодолело тебя искушение? Отсеки всякую свою волю. Если дело кажется тебе и хорошим, но настоятель о Господе не признает оно хорошим, то покорись ему о Господе.

Входить в споры, следовать своему собственному намерению есть уже признак совращения. Новоначальный, если он не покорен, сам на себя навлекает укоризненное имя. Но когда и сподобишься одеяния монашеской жизни, и тогда не соглашайся на помыслы, если хотят они различить тебя с братством, чтобы тебе от юности

своей не научиться скитанию и непостоянству, смотри же, не утрати благоговения, какое имел при вступлении в обитель, но сохрани оно до конца.

А злословие и клятва да не именуется устами твоими, *якоже подобает святым*; но имей смирение и во всяком ответе своем говори: «прости меня», чтобы истребить в себе бесполезные обычаи мира, и пожив благоугодно Господу, иметь похвалу от Него.

Если кто хочет стать монахом и не переносит оскорбления, уничтожения и ущерба, тому монахом не быть. (Ефр. Сир. Т. 1 С. 154. §6).

Поступив в монашество, не ищи себе ни золота, ни серебра, ни одеяний, но предпосли все на небо, по заповеди Спасителя нашего Иисуса Христа; приобрети себе следующее: веру, воздержание, терпение, смиренномудрие и прочее, чем по благодати Своей снабдит тебя Бог. Ему слава во веки веков, аминь.

2) Преподобного отца нашего Симеона Нового Богослова

Братия! Всяк человек, отрекшийся от мира и всего, что в мире, и приступивший к житию и поприщу монашескому, если он отрекся Бога ради и желает научиться сему художеству художеств, и хочет, чтобы его исхождение из мира было не тщетно, должен с самого начала со всяким усердием и теплейшим произволением тщательно совершать дела добродетели. Он должен вставать тотчас по зову будильника*, и идти в церковь, внимая тщательно началу Богослужения, то есть: полунощнице, шестопсалмию и чтению кафизм, канонов и поучений, без ленности, не расслабляясь телом, не переступая с ноги на ногу и не прислоняясь к стене или столбу. Но руки должны держать опущенными вниз, ногами стоять ровно и неподвижно, голову не обращать по сторонам, а несколько наклонить, умом не рассеиваться или мыслями не любопытствовать, не отвлекаться ленивыми, которые беседуют друг с другом и шепчут, а всячески удерживать от рассеянности очи и душу, внимая сколько возможно одному псалмопению и чтению, и силе слов Божественного писания, которые поются и читаются так, чтобы ни одного в нем слова не пропустить праздно; но чтобы от всего этого душа, будучи утучняема, пришла в умиление и смирение и просвещение Божественного Святого Духа.

* Учиненный брат на возбуждение братии, позовнив в колоколец, носимый с собою, творит молитву: *Молитвами Святых Отец наших Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас. Возбужденный брат отвечает: Аминь. Будильщик: Пеню время, молитве час. Вставший отвечает: Спаси Господи.*

Положи и сие себе законом, чтобы прежде последней молитвы никогда не выходить из собрания церковного без крайней надобности или телесной нужды; но терпи, как мы сказали, и не сходи со своего места. Ибо сказано в писании: *претерпевый до конца, той спасется*. По окончании же утреннего славословия, тотчас выходя, не начинай разговор с тем и другим, или рассеиваться умом, или празднословить, но иди спешно в келлию твою**

Не обходи также монастыря, спрашивая с любопытством работающих или находящихся на послушаниях. Храни молчание и от всех удаляйся: в том состоит истинное странничество. Внимай себе одному и рукоделию своему, какое у тебя есть. И не входи ни в чью келлию, кроме келлии твоего отца по Богу, разве только будешь послан от Настоятеля, или распорядителя по твоему послушанию. И когда пойдешь, старайся ни сказать, ни услышать сверх того, для чего ты послан; но исполнив поручение, не медля возвратись. Если же, проходя, увидишь какого-нибудь брата одного, или с другими сидящего и разговаривающего безвременно, то, сделав им поклон, пройди молча; не подходи к ним и не садись с ними, не говори: вот и я послушаю, о чем вы говорите, но как сказано, сотворив поклон, пройди мимо. Сохрани молчание и странничество, то есть удаление от всех.

Если ты так будешь поступать каждый день, и таким образом подвизаться, не замедлит Бог посетить тебя свыше и пошлет тебе помощь от святого жилища Своего и благодать Пресвятого Духа осенит тебя; и мало-помалу преуспевая в деле твоем, возрастешь духовным возрастом и достигнешь в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова, прославляя житием и словом Бога, давшего дар тебе Святого и Животворящего Духа. Ему же подобает всякая слава, честь и поклонение, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

3) Преподобного отца нашего Серафима Саровского

По совету ли, или по власти других, или каким бы то ни было образом пришел ты в сию обитель, не унывай; посещение Божие есть. Аще соблюдеши, яже тебе скажу, спасеши сам и

** В пустыни Св. Параклита в это время, то есть после утрени, трудящимся на тяжелых послушаниях позволяется подкрепиться чаем с укружом хлеба, который, по благословению о. Строителя, радается с вечера после ужина; подкрепившись чаем, тотчас принимайся за святое послушание, которое тебе назначено, или на какое позовут. А праздным сидеть в келлии всячески избегай, чтобы праздность не научила тебя всякому алу (Сир. 33, 28).

присные твои, о которых заботишься: *не видех*, глаголет Пророк, *праведника оставлена, ниже семени его просяща хлеба (Пс. 36, 25)*. Живя же в сей обители, сие соблюдай: стоя в церкви, внимай всему без опущения, узнай весь церковный порядок, то есть вечерню, повечерие, полунощницу, утреню, часы, выучись содержать в разуме. Если находишься в келлии, не имея рукоделия, всячески прилежи чтению, а наипаче Псалтири; старайся каждую статью прочитывать многократно, дабы содержать все в разуме. Если есть рукоделие, занимайся оным: если зовут на послушание, иди на оное. За рукоделием или будучи где-либо на послушании, твори безпрестанно молитву Иисусову: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго*.

Когда же будешь содержать в себе сию пищу душевную, то есть беседу с Самим Господом, то зачем ходить по келлиям братий, хотя кем и будешь призываем?

Истинно скажу тебе, что празднословие есть и празднолюбие. Аще себя не понимаешь, то можешь ли рассуждать о чем и других учить? Молчи, безпрестанно молчи*, помни всегда присутствие Божие и имя Его. Ни с кем не вступай в разговор, но всячески блюдишься осуждать много разговаривающих или смеющихся. Будь в сем случае глух и нем; чтобы о тебе ни говорили, пропускай все мимо ушей. В пример себе взять можно Стефана Нового (**Чет. Мин. 28 ноября, в житии его**), которого молитва была непрестанна, нрав кроток, уста молчаливые, сердце смиренно, дух умилен, тело с душою чисто, девство непорочно, нищета истинная и нестяжание пустынноческое, послушание безроптивно, повиновение тщательное, делание терпеливо и труд усерден. Скажу тебе истинно, аще тако будешь вести себя, то неисходно пребудешь в обители до скончания твоего. Смиряться, и Господь поможет тебе и изведет *яко свет правду твою, и судьбу твою, яко полудне (Пс. 36, 6)*, и *просветится свет твой пред человеки (Мф. 5, 16)*.

Однажды к преподобному Агафону, который отличался между отцами Египетского скита особенным даром рассуждения, пришел брат и спросил его: «Я намерен жить с братиею: скажи, как мне жить с ними?» Старец отвечал: «Все время пребывания с ними проводи так, как первый день твоего прихода».

* А другой старец разъясняет: молчание же да будет до вопроса. Молчание собирает, многословие же расточает.

VII. О ПОСЛУШАНИИ И НРАВСТВЕННОМ ЕГО ДОСТОИНСТВЕ

Что такое есть послушание? Послушание есть исполнение всякого дела, какое бы нам ни приказали, с отсечением своей воли и своего смышления. Слово послушание само по себе хоть и малосложное, но столь много заключает в себе великого, чудного и дивного, что не достанет у нас ни слов, ни разума для того, чтобы точно объяснить всю силу святого послушания. Хотя высока добродетель монашеская — нестяжание, есть еще выше ее — девство; но обоих выше послушание, если оно будет всеобщее, т. е. всегда и везде, как в легких, так и в самых трудных делах; охотное, т. е. без всякого ропота и неудовольствия, но с радостью и готовностью; чистое, т. е. не из страха человеческого, не из уважения к лицу, но ради Господа Бога, Который изрекает волю Свою чрез высших; готовое, т. е. без всякого промедления и отлагательства исполняющее распоряжение начальства. Из всех жертв, какие только можно требовать от человека, жертва собственною волею и собственным разумением есть величайшая. Надобно иметь особенную решимость к самопожертвованию собою, чтобы сказать: я отрекаюсь от своей воли и от своего мудрования и обязуюсь повиноваться правилам и узаконениям иноческим, настоятелю и всей во Христе братии. Кратко сказать: в послушании содержится вся жизнь монашеская. Основание и совершенство иноческой жизни есть *послушание*. Смело можно сказать, что послушливый инок подражает Самому Христу: сказано о Христе Спасителе нашем, когда он был еще отроком: *и бе повинуюся има (Лк. 2, 51)*, то есть Матери Своей Пресвятой Богородице и мнимому отцу, праведному Иосифу. Потом, когда оканчивалась земная жизнь Его, пред страданиями за грехи наши, в Гефсиманском саду моляся даже до пота кровавого, в молитве же Своей возопил к Отцу Небесному, глаголя: *Отче, аще волиши, мимонеси чашу сию от Мене: обаче не Моя воля, но Твоя да будет (Лк. 22, 42)*. Сего ради и св. Апостол Павел взывает: *послушлив быв даже до смерти, смерти же крестныя (Флп. 2, 8)*.

Послушание, по словам Отцев Церкви равняется мученичеству. «Послушание, — говорит св. Григорий Великий, — лучше жертвы и приятнее Богу, ибо в жертвах закаляется чужая плоть, а в послушании — собственная воля» (**Нрав. прав.**). Послушание превосходит другие виды подвижничества, как это видно из следующего древнего сказания. «Один великий старец, — рассказывала Авва Руф, — видел на небе четыре чина, знаме-

нующие совершенство подвижников. На первой степени стоял недругами удрученный и благодарный Бога; на второй — безкорыстный и услужливый странноприимец; на третьей — безмолвный пустынножитель; наконец, четвертую и самую высшую степень занимал послушный своему наставнику и ради Господа всем сердцем ему преданный. Сей последний за послушание свое носил золотую цепь и имел большую пред другими славу» (Достоп. сказ. о под. отцев. С. 294). Видите ли сходство? Видите ли подражание? Видите ли высоту монашеского чина и послушания достоинство?

VIII. СУЩНОСТЬ ПОСЛУШАНИЯ

По учению святого Иоанна Лествичника послушание есть совершенное отречение от собственной своей души, явственно обнаруживаемое в телесных действиях; оно есть гроб воли и воскресение смирения, отложение своего разума, при богатстве оно, недоверчивость к самому себе во всех добрых делах даже до конца жизни.

Послушание в том и состоит, чтобы не иметь своей воли.

Послушание приводит Сына Божия обитать в человеке.

По словам преподобного Иоанна Кассиана, послушник должен быть подобен распятому на кресте. Как распятый на кресте сам собою не может ходить и делать что-нибудь, если другой не будет приводить его в движение, так и послушник ничего не должен делать по своей воле, по своему разумению, но все исполнять по воле другого.

Послушник, по учению Василия Великого, совершенно отвергнув свою волю и свое разумение, должен всецело предаться в волю старца и поступать по его воле во всех делах.

IX. ИЗРЕЧЕНИЯ СВ. ОТЦЕВ О ПОСЛУШАНИИ:

1) Св. Ефрема Сирина

Если не соглашаешься терпеть труды ради Господа, то для чего же оставил ты мир? Блажен, кто приобрел истинное и нелицемерное послушание; потому что такой человек — подражатель благому нашему Учителю, Который послушлив был даже до смерти.

В ком есть послушание, тот со всеми соединен любовью. В ком есть послушание, тот приобрел великое достояние, великое богатство. Послушливый всем благоугоден, всеми восхваляется, всеми прославляется.

Послушливому приказывают, и он не противоречит, дают повеление, и он не извращает его;

делают выговор и он не гневается. Он готов на всякое доброе дело. Послушливый не переселяется с места на место, не переходит из обители в обитель, но на том месте пребывает, куда призван, и не предается унынию.

2) Аввы Исаян (как держать себя на равных послушаниях)

Когда выйдете вместе на какое дело, каждый из вас себе да внимает, а не брату своему; ни учить его, пусть не учит, ни приказывать что, пусть не приказывает.

Когда сидишь за рукоделием своим, и войдет в келлию твою брат твой, отнюдь не любопытствуй, ты ли наработал более его, или он более тебя.

Если работаешь с немощным, не любопрись в сердце своем наделать более его.

Если брат твой, делая какое-либо дело, испортит его, ничего не говори ему об этом, если он сам не скажет тебе: «сотвори любовь, брате, поучи меня», и если ты, зная (как сделать), промолчишь, то нет в тебе любви Божией, потому что держишь в сердце лукавство.

Когда пойдешь на работу с братьями своими, не желай, чтобы они узнали, что ты более наработал, чем они.

Вот что требует Бог от человека: чтобы всякое дело, делаемое им, делал он в тайне.

Когда работаешь вместе друг с другом, то если ты мудр, какую бы погрешность не увидел ты вне, у других, не носи ее в памяти, чтобы не сорвалось как-либо с языка сказать о том братьям, с тобою живущим: ибо в этом смерть души твоей.

Если прорвется между вами какое смехотворное слово, остерегитесь позволять гласу смеха вашего возвышаться до услышания; ибо это знак необученности и безстрашия Божия, потому что нет стражи внутри вас.

3) Преподобного отца нашего Феодора Студита.

Преподобный отец наш Феодор Студит всегда поучал свою братию, как можно тщательнее исполнять возлагаемые на них послушания, даже до самых мелочей, как например: не бросайте зря малый обрубок доски и малый лоскут материи, который еще пригодится на починку. Потом объясняет, для чего все это делается. Не для того, (говорит он), собрал я вас, чтобы только обирать виноградники, обделывать огороды, дрова пилить, или и другие трудности работать. Но чтобы посредством общего и трудного послушания приобрести чистоту сердца, чтобы всякий познал свои немощи, которые всегда

обнаруживаются при столкновении с братиею, чтобы могли приучить себя к перенесению оскорблений, которые часто встречаются на общих послушаниях, и чтобы приобрести опытность в духовной жизни и любовь к братии, которых добродетелей инок не может стяжать, если не пройдет низкие послушания.

4) *Старца неросхимонаха Иларiona Саровского*

Святое послушание старайся с усердием, без роптания и с отвержением своей воли проходить. Определенную же должность со вниманием и рассуждением нести, аки от Самого Бога наложенную, понеже писано есть: имей Игумена аки Самого Бога, братию же яко Ангелы Божии. Твори всегда то, что тебе повелят, или что прежде благословят навсегда, или о чем попросят: сам же собою ни за что общее не принимайся, каково бы то дело ни было. Если с тобою кто-нибудь на том же послушании, то поклонись ему низко со смирением и тихим гласом сотвори молитву; делай не как пред человеком, но совершенно как пред Богом и Его Ангелами, ибо не человеком работаеши, но Самому Богу трудисься, поэтому всякое дело делай так, как лучше не можешь и не умеешь.

Х. ПЛОДЫ ПОСЛУШАНИЯ

Прежде всего истинное послушание плодородно, приносящее стяжавшему его избавление от страстей. Преп. Иоанн Кассиан говорит: «Многими опытами известно, что монахи никогда не могут потушить в себе пламени гнева, печали, нечистоты, не могут приобрести истинного смирения, не могут долго жить с братиею в мире твердом и постоянном, ни остаться, наконец, в монастыре, если не научатся подчинять свою волю воле начальника» (Кн. IV. Гл. VIII и IX). По свидетельству преп. Варсонофия, послушание искореняет все страсти, насаждает всякое благо (вопр. 223), возводит человека на небо и творит подобным Сыну Божию (вопр. 250), благоволившему воспринять не пустынный, но страннический, но послушнический образ жизни. Валаамские старцы, поучая своих учеников, говорили: «Есть путь просвещающий и очищающий, и с Самим Богом соединяющий — когда сам человек ищет, старается, отсекает свою волю, — и просвещает его Господь». А св. Симеон Новый Богослов даже и молитву чистую и непарительную называет плодом послушания. «Послушание, как негде справедливо сказано, врата небесного рая отверзает, преслушанием затворенные» (Взаимн. должности общего монаш. жития. С. 25). Чрез послушание в короткое время так

угождают Богу, что по смерти сподобляются одинаковой награды с трудившимися долгое время. Так, Авва Дорофей, поучая братию послушанию и показывая, сколь полезна и Богоугодна эта добродетель, представлял им в пример св. Досифея и говорил, что он, живя в монастыре, прислуживая больным, не постился и не бдел, как другие; однако же за точное, усердное послушание и отвержение своей воли в короткое время угодил Богу так, что по смерти получил одинаковую награду с великими подвижниками, долго трудившимися на поприще благочестия, — и приобщен к их светоносному лику, как было это открыто одному благочестивому старцу.

Но и в земной жизни Бог не оставляет без награды подвижников за непрекословное и самоотверженное послушание, сподобляя их даже дара чудотворения. Так авва Павел приказывает ученику своему Иоанну связать и привести к нему гиену; ученик, повинувшись без страха и рассуждения, связывает и приводит ее (Достоп. сказ. С. 146). Ученик преп. Венедикта, отрок Плакида, тонет среди реки; преподобный, видя то прозорливыми очами, посылает другого своего ученика Мавра спасти его. Мавр, выполняя непрекословно послушание, спасает отрока и, спасши, узнает, что бежал по воде, как по суху (Чет. Мин. 14 апр.). Авва Иоанн Колов, по приказанию старца, ежедневно с вечера отправляется далеко с кружкой за водой, чтобы утром полить посаженное старцем дерево. Через три года дерево оживает и приносит плод и старец в собрании предлагает братии вкусить от плодов послушания (Достоп. сказ. С. 120).

И кто не поревнует подклонить свою выю под благое иго святого послушания, видя столько блага, проистекающего от него?

Любили и крепко держались св. отцы послушания и отсекавшие своей воли, даже состарившиеся уже в добродетелях и получившие от Бога дар чудотворения, как например:

1. Кто был авва Анатолий Великий? Это светило всему монашеству; и тот по получении от Императора письменного приглашения, призывающего его в Константинополь, обратился с вопросом к ученику своему, препод. Павлу Препростому и сказал: «Идти ли мне к царю или нет?» И когда тот не одобрил его путешествия, сказав: «Если пойдешь, то будешь Антоний, а если не пойдешь, то авва Антоний» (этими словами он ясно показал, что не идти для него полезнее); то услышав сие, авва Антоний послушался и остался в келлии.

2. Также и великого столпа всякой добродетели, препод. Симеона Столпника, ничем св. отцы не решились испытать, от Бога ли его

начинание стоять на столпе*, как только послушанием. Ибо посланные от них сказали преп. Симеону: «Почто отеческим путем не идиши, но ин некий нов изобрел еси? Сниди убо со столпа, и древних отец пустынных последуй житию. Сие слышав преподобный, ничтоже рассуждая, абие ступи ногою на лествицу, хотя снити долу. Видевши же таковое послушание, посланнии возопиша: не сходи, святыи отче, но пребывай, якоже начал еси: ныне бо вемы, яко твое зачатое дело от Бога есть, Иже помощник тебе до конца будет».

Посланным сказано было стащить его со столпа, если не окажет послушания.

3. Великого угодника Божия, отца нашего преподобного Сергия, никакие просьбы братий, ни даже убеждения самого Святителя Афанасия не могли принудить к принятию священства и игуменства, но когда он услышал слово от святителя: «О возлюбленный! Ты все стяжал, а послушания не имеешь», то не мог более отказываться, но с покорностью отвечал: «Как Господу Богу угодно, так и пусть будет; благословен Господь во веки».

Подобный пример видим и в житии препод. Авраамия затворника, друга св. Ефрема Сирина, и других много примеров можно встретить в житиях преподобных Отцев.

XI. САМОЧИННИЕ, КАК СИЛЬНОЕ ПРЕПЯТСТВИЕ КО СПАСЕНИЮ

Насколько высоко и спасительно истинное послушание, настолько вредно и губительно преслушание. Св. Симеон Новый Богослов говорит: «О том, кто противоречит своему отцу, радуются бесы, а тому, кто смиряется даже до смерти, удивляются Ангелы» (Доброт. Т. V. Гл. 45). «Истинному послушнику и сам диавол не может повредить» (Там же). Но сей невидимый враг не только может повредить, но и прямо погубить того, кто начнет жить самочинно, т. е., кто осмелится устремиться к достижению высшего духовного совершенства сам собою, своим только разумом и волею. Св. Иоанн Лествичник говорит: «Как неимеющий руководителя легко заблуждается в пути, так и иноческим путем самочинно идущий, легко погибает». Самочинный или совсем оставляет впоследствии строгую жизнь по правилам иночества, или, продолжая подвижничество, впадает в бесовскую прелесть и погибает. Это и опыт подтверждает. Так, например, по рассказу св. Иоанна Кассиана, старец Ирон, после 50 летней строго подвижнической жизни в уединенной пустыни, когда по самомнению остался один со своим

разумом и волею, подвергся такому бесовскому обольщению: принял сатану за Ангела и по его наущению бросился в пустой колодец, в надежде, что Ангелы возьмут его на руки, но разбился так, что на третий день по его извлечении из колодца, скончался (Собес. 2. Гл. 5). Тот же св. Кассиан упоминает еще об одном муже, как принимал он откровения от беса, свет в келлии видел и научен был принести в жертву сына, что впрочем не случилось. Двое других ревнителей подвижничества устремились в пустыню с надеждою, что Господь пропитает их, но из них один без пищи погиб, а другой едва спасся от голода, приняв пищу от дикарей. А многие от самочиния подвергаясь бесовской прелести, приходили в иступление ума** Это подтверждает и преп. Григорий Синаит, говоря: «Если некоторые совратились и повредились умом, то знай, что потерпели это от самочиния и высокоумдрия» (Добротол. Т. V. О безмолвии).

В виду таких губительных последствий для уклоняющихся от послушания, св. отцы даже и случайное, произвольное нарушение сей добродетели по легкомысленности или слабости, почитали тяжким преступлением и определяли за сие строгое наказание. О виновности своечиния или исполнения чего-нибудь без спроса наставника св. Василий Великий говорил послушнику: «Опасайся что-нибудь сделать без воли учителя. Ибо все, совершаемое тобою без него, есть кража и святотатство, ведущее к смерти, а не к пользе, хотя бы дело твое казалось тебе и добрым» (Вас. Вел. Т. V. С. 50). Однажды преп. Пахомий Великий подверг строгому взысканию брата повара за то, что тот, вопреки его приказанию, в течении двух месяцев его отлучки, не подавал на трапезу вареных зелий и каши потому только, что большинство братий ради воздержания, не вкушали их; пятьсот же рогозин, сделанных им за это время во избежание праздности, сей великий авва велел сжечь, как дело самочиния (Чет. Мин. 15 мая). По словам преп. Варсонофия Великого, «кто хочет исполнять свою волю, тот сын диавола» (отв. 548). А св. Иоанн Лествичник говорит: «Лучше изгнать послушника из обители, нежели позволить ему исполнять волю свою» (сл. 14. Гл. 4). Так строго святыми отцами преследовалось самочиние!

• • •

Вот, возлюбленный брат, тебе показан самый безопасный путь — святое послушание; шествуя

* До него столпников еще не было (Житие его 1 сент.)

** Из наших русских подвижников сие состояние испытал преп. Никита Киево-Печерский.

им ты вернее всего можешь достигнуть Царства Небесного, — указана в предостережение и гибельность самочинного жития. Зная сие, брате, не неради о своем спасении, но потщись стяжать спасительную добродетель — святое послушание и решительно откажись от своей воли и своего разума, да во спасение совершишь течение своей жизни во св. Обители, а не в горшее осуждение.

ХII. НЕОБХОДИМОСТЬ ТЕЛЕСНОГО ТРУДА

Хотящему подвизаться в обители и созидать свое спасение, необходимо упражняться как в молитве, так и в телесных трудах. Сам Бог открывал чрез Ангелов святым подвижникам (напр., преподобным Антонию Вел. и Симеону столпнику), что удобный способ для спасения есть молитва и телесный труд. И необходим труд именно потому, что плоть наша, по слову Апостола, постоянно воюет на дух, стремится поработить его и погубить. Тело наше по отношению к душе есть то же, что необузданный конь для всадника; поэтому, если тело не укрощать и не утомлять постоянно, то оно может душу умертвить и погубить на веки. Вот почему даже Верховный Апостол находил нужным поработать тело и умервлять: *умервляю*, — говорит он, — *тело мое и поработжаю* (1 Кор. 9, 27). А преп. Феодор Студит, приведя сии слова, прибавляет: «Видишь, что изрек человек Божий? Потребно умерщвление и властное поработание этого неукротимого коня плоти. Утесним же его и обуздаем» (Добр. Т. IV. Гл. 59, 4) Святые подвижники так и поступали. Так, напр., преп. Серафим Саровский иногда без всякой надобности, переносил камни с места на место, только для того, чтобы обуздать плоть: «Томлю, — говорил он, — томящего мя». И преп. Феодор Студит постоянно располагал свою братию к трудам, уверяя, что трудясь на послушаниях, они «шествуют путем Божиим» (Добр. Т. IV. 14, 2).

Поэтому, кто ропщет на трудности послушания и уклоняется от него, тот идет не Божиим, но противным, скользким и опасным путем; тот не знает, что ему полезно, не верит начальству, ни св. Отцам, не исполняет заповеди Самого Бога, повелевшего добывать пропитание «в поте лица». Обитель не обеднеет и без его трудов, но сам он в деле своего спасения понесет великий ущерб. Чтобы сего не случилось, должно терпеливо пребывать в благословенных телесных трудах. Ведь «труд, — скажем словами преп. Феодора Студита, — не долог, а воздаяние вечно; злострадание коротко, а радование присно; тягота привременна, а упокоение безконечно» (Доброт. Т. IV. Гл. 5, 4).

ХIII. О ПРАЗДНОСТИ, ПО УЧЕНИЮ СВ. ОЦЕВ

Св. Ефрем Сирин, говорит: «Человеку, который в силах работать, не хорошо есть хлеб в праздности, когда Апостол говорит: *без стужения себе соблюдох и соблюду* (2 Кор. 11, 9)* Никогда не давай отдыха плоти своей, чтобы не сделалась она бременем души твоей** По учению преп. Феодора Студита, «никто не должен оставаться праздным: таковой не имеет части с братьями и не есть из числа ищущих Господа» (Доброт. Т. IV. Гл. 137). Св. Кассиан говорит: «Египетские отцы никак не позволяют монахам быть праздными, особенно молодым; на сей предмет у древних отцов Египетских составила еще и такая поговорка: работающего монаха искушает один бес, а на праздного нападает бесчисленное множество бесов» (Доброт. Об унынии). «От праздности, — по словам св. Иоанна Златоустого, — порождается грех, и не один только и два, или три, но всякий вообще порок. Посему некто премудрый, показывая, что праздность научила всякому злу и беседа о слугах, говорит: *вложи его в дело, да не празден будет* (Сир. 33, 28). Ибо, что узда для коня, то работа для нашей природы. Бог заповедал людям, запрягая волов, и влачить плуг, и проводить борозду, и бросать семена, и многими другими способами ухаживать за виноградною лозою, и за деревьями, и за семенами, чтобы занятие работою отклоняло душу работающих от всякого зла. Нет, подлинно нет ничего в мире, что не портилось бы от бездействия. Так, вода стоячая загнивается, а текучая и всюду разливающаяся, сохраняет свою доброту; и железо, лежащее без движения, становится слабее и хуже, и точится большою ржавчиною, а находящееся в деле, становится полезнее и красивее, блистая несколько не хуже всякого серебра; и земля, остающаяся в покое, как всякий может видеть, не произращает ничего хорошего, но и дурные травы, и терния, и волчцы, и бесплодные деревья, а получающая возделывание, обильно произведет питательные плоды. Вообще сказать, всякое существо от бездействия портится, а от свойственной ему деятельности становится полезнейшим.

«Итак зная все это, сколько вреда от праздности и сколько пользы от деятельности, будем первой избегать, а последней держаться, чтобы нам и настоящую жизнь прожить благопристойно и, усовершенствовав свою душу, получить вечные блага». (Собрание поучений из Твор.

* Пр. Ефр. Ч.1 С. 130.

** Там же. С. 333.

св. Иоанна Златоустаго. Стефана Дерябина.
Т. I. Поуч. 14-е).

XIV. КАК ИДТИ В ЦЕРКОВЬ

Приспешу часу Богослужения, возрадуйся сердцем, что Господь призывает тебя к Себе на молитву, внимай себе и опрятайся, чтобы из церкви не выходить по естественным нуждам. Потом стань пред Св. иконами и читай: *Все упование мое на Тя возлагаю, Мати Божия, сохрани мя под кровом Твоим.* (Поклон). Келейные поклоны, когда полагаются земные, когда поясные, по уставу должно следовать церковному порядку. *Достойно есть яко воистину:* до конца (и поклон), таже: *слава и ныне, Господи помилуй*, трижды, *благослови* и отпуст: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, молитв ради Пречистыя Твоея Матере, Преподобных и Богоносных отец наших и всех святых помилуй и спаси мя грешнаго.* (Поклон). Сие должно говорить и делать при каждом выходе из келлии в церковь и при каждом входе из церкви в келлию.

Если вы живете в келлии двое, или в соседстве с другим, благословись, глаголя сие: *«Благослови, брате, я иду в церковь»*, (или на послушание), а тот должен ответить: *«Бог благословит»*. И так иди в церковь, творя молитву Иисусову и радуясь, что Господь воздвигнул тебя от одра и сподобил во святом храме Его молиться и славословить Его со святыми отцами. Старайся всегда прийти в церковь до благовеста, чтобы тебе можно было немного посидеть и собрать скитающиеся помыслы, дабы мирною душею начать славословие Божие.

XV. О БЛАГОПОВЕДЕНИИ В ЦЕРКВИ:

1) Как держать себя в церкви

Каждый брат, придя к церкви Божией, должен пред дверьми ее оградиться крестным знаменем и положить поясной поклон, воздавая этим честь жилищу Божию, которое есть церковь. По входе в церковь каждый брат обязан стать посреди ее пред царскими вратами и положить три поясных, а когда отправляется октоих, три земных поклона с молитвою: *Боже, очисти мя грешнаго и помилуй мя; создавший мя, Господи, помилуй мя; без числа согреших, Господи, прости мя*, и поклонившись на обе стороны предстоящим братьям, прося прощения, глаголи мысленно: *благословите мя отцы св. и братия и простите мя грешнаго*. Если же никого еще нет, то, по учению св. отцев, поклонися святым Ангелам, присутствующим в церкви, и стань на свое место*

Старайся неопустительно и так благоговейно присутствовать в храме Божием, как если бы ты был на самом небе; ибо, по учению св. Церкви, — *«в храме стояще, на небеси стояти мним»* (Троп. в конце утрени). Истину сию подтверждают многие чудесные события и видения. Некоторые видели сослужащих, сславящих Бога Ангелов вместе с братьями монастырей. Так, блаженный Евлогий поведал следующее видение как бы некоторого старца, на самом же деле ему было видение. Старец этот стоял в церкви на всеобщем бдении пред воскресным днем. Братия стояли ликами и пели псалмы Давидовы. Старец увидел, что церковь исполнилась света и что Ангелы Божии воспевают с братьями. Когда окончилось всеобщее бдение, Ангелы вышли из св. алтаря; поставлены были пред ними корзины как бы хрустальные, наполненные золотыми, серебряными и медными монетами, просфорами, как цельными, так и раздробленными на укрузи; также поставлен был небольшой сосуд с мвром и золотая кадильница с весьма благовонным фимиамом. Когда братия, прежде нежели выйти из церкви и разойтись по келлиям, подходили для поклонения к честному Кресту, то Ангелы давали некоторым златники с изображением Господа нашего Иисуса Христа, другим серебряные, а иным медные монеты, иным целые просфоры, иным укрузи; одних Ангелы помазывали мвром из золотого сосуда, других кадили кадильницею. Все это, как открыто было Богом старцу, означало различные благодатные дары, какие получала братия по своим подвигам. Некоторые же не получали ничего, а иные уходили, оставив в церкви полученное ими. (Отечник еп. Игнатия. СПб. 1870. 136, 137). Из рассказанного видения можно убедиться, с каким благоговением требуется стоять в церкви

* В пустыни св. Параклита соблюдается старцами такое правило: став на своем месте, полагают поклоны с молитвою вместе: *Боже, очисти мя грешнаго и помилуй мя:* поклон. *Без числа согреших, Господи, прости мя:* поклон. *Создавший мя, Господи, помилуй мя:* поклон. *Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и святое воскресение Твое поем и славим,* поклон. *Достойно есть яко воистину;* до конца, поклон. *Слава, и ныне: Господи помилуй*, трижды: *благослови:* и отпуст: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, молитв ради Пречистыя Твоея Матере, силою честнаго и животворящаго Креста, предстательства честных небесных сил безплотных и святаго ангела хранителя моего, святых славных и всехвалных Апостол, святых и добродетельных мучеников, преподобных и богоносных отец наших Сергия и Никона изуменов и прочих Радонежских чудотворцев и всех святых, помилуй и спаси мя грешнаго.* Потом кланяются направо и налево, прося прощения.

Божией, чтобы не без пользы для души был молитвенный подвиг, и сколь опасно должно блюсти себя от рассеянности, кольми паче от разговора и смеха, чтобы не погубить всеу труд свой и не повредить душе.

2) Как идти на клирос

Если брат — клиросный и принадлежит к правому клиросу: то он, идя на свой клирос, должен благоговейно положить поясной поклон пред святыней, лежащей на аналогии за клиросом, потом, подойдя к клиросу, положить пред иконою Спасителя два поясных поклона, поклониться братьям, стоящим на клиросах (обращаясь сперва к левому клиросу, потом к правому) и стать со скромностью на свое место. Если же брат принадлежит к левому клиросу, то, идя к нему, он также должен положить поклон пред святыней, лежащей на аналогии за клиросом и, дойдя к левому клиросу, положить два поясных поклона пред иконою Божией Матери и, поклонившись клиросам (сперва правому, потом левому), стать на свое место.

На клиросах каждый должен занимать назначенное ему место. Старший же на клиросе должен расстановить певцов соответственно их голосам.

3) Как стоять на клиросе

На клиросе должно стоять с благоговением, чинно, подобно св. Ангелам; отнюдь не позволять себе празднословия, тем более смеха и шуток. Книги безвремененно не рассматривать и шума листами не производить, дабы всякий мог с вниманием слышать читаемое.

Первое внимание каждого богомольца оставливается на певцах, поэтому клиросные должны быть особенно внимательны к себе и благоговейны.

Идя на сход, должно идти в порядке, плавно, одному брату за другим, не толкая, и не торопя друг друга, глаза иметь опущенными к земле, отнюдь не оглядываться по сторонам.

Став на сходе, должно выровняться, чтобы один не стоял впереди другого, также положить поклон Богу, потом друг другу. Пение должно начинать и оканчивать всем вместе, по окончании пения опять поклон Богу, друг другу, и идти на клирос в том же порядке, какой выше указан.

Стоя на сходе, должно руки иметь опущенными, отнюдь не складывая их вместе, поклоны класть не произвольно, а когда следует, — класть не порознь, а всем вместе, по Саровскому уставу в один мах, чтоб братия, находившаяся на сходе, представляла из себя единое тело, по выражению церковного устава (Церков. уст. Гл. 27 и гл. 29).

Вообще клиросное послушание необходимо проходить со всем усердием, безпрекословно и без ропота. Ибо, дело певца — словословие Бога, есть дело Ангельское, высокое, святое; потому и награда за усердный сей труд подается от Бога сугубая, как это было открыто в видении некоему Матфею из числа братии преп. Афанасия Афонского. Вот что читаем в Афонском Патерике. «Раз во время утрени, вдруг открылись очи души Матфея, и он видит, что в церковь вошла некая Жена, облеченная небесною славою и честью, с двумя в белых, как свет, одеждах юношами, из которых, один держал горящую свечу и освещал Ей путь, идя пред Нею как раб, а другой следовал за Нею, и оба отнеслись к Ней с великим благоговением. Когда эти необыкновенные посетители стали осматривать всех присутствующих в церкви, чудная Та Жена разделяла всей братии дары: тем, которые были на клиросах, Она давала каждому по золотой монете, стоящим внутри храма — по 12-ти серебряных монет, а находившимся в притворе — по 6-ти серебряных всякому; некоторым же из братий дала даже по 6-ти золотых монет. Сам же благоговейный Матфей получил лишь 6-ть серебряных монет, ибо и он стоял в притворе. Лишь только окончилось это видение, он тотчас пошел на клирос, возвестил о нем отцу своему и просил у него позволения поместиться в лике поющих» (II ч. 28. изд. 1897).

Вот как велика награда за пение!

Но насколько Богу благоприятна жертва певца, благоговейно и усердно исполняющего свое послушание, настолько Богу она неугодна и противна, если брат будет лениться или совсем уклоняться от пения, будет прекословить, роптать, не повиноваться, — словом, если так или иначе вознерадит о возложенном на него Божественном деле. Таковой всеу погубляет труд свой. Поэтому должно проходить клиросное послушание с крайнею осторожностью и благоговением, а не небрежно. В противном случае нужно опасаться, чтобы не отнеслось к нему сие страшное определение Божие: *проклят человек, творяй дело Господне с небрежением* (Иерем. 48, 10).

4) Голосовщнику

Для такового единообразного и благоговейного поклонения вся братия должна применяться к голосовщнику, который обязан наблюдать за своевременным исполнением поклонов и за тем, чтоб его собственные поклоны не были ни поспешны, ни преждевременны, и братия имела бы всю возможность сообразоваться с ним. Также он обязан пресекать празднословие и

всякое безчиние, если это заметит в клиросных, кольми паче сам не должен начинать этого.

5) Суточным чтецам

Читающий кафизмы и суточное последование, то есть вечерню, утреню и часы, должен заблаговременно приготовить и приискать тропари и кондаки дня, чтоб во время чтения в церкви не ошибаться, и не делать остановки в молитвословии приискиванием тропарей и кондаков. Чтец должен стоять прямо, иметь руки опущенными, читать и неспешно и непротяжно, произносить слова отчетливо, внятно. Читать должно просто, с благоговением, в один тон, без изливания своих чувствований переливами и изменениями голоса. Предоставим святым молитвословиям действовать собственным их духовным достоинством на слушателей. Желание преподавать предстоящим свои чувствования есть знак самомнения и гордости.

Читая в церкви, помни всегда, что твоими устами произносится и возносится к Престолу Божию молитва всех предстоящих, и что каждое произнесенное тобою слово должно проникать в слух и душу каждого молящегося в храме*

Суточная чреда чтения начинается с вечерни.

Вступающий в чреду должен стать близ оканчивающего ее девятым часом. Когда тот окончит, они оба вместе полагают поясной поклон к алтарю, потом кланяются друг другу. Вступающий в чреду становится пред наложом, а окончивший сходит на свое место.

Если же брат идет читать с клироса, то должен стать пред иконою Спасителя, если с правого клироса, — и пред иконою Божией Матери, если с левого, и положить один поясной поклон, потом поклониться сначала своему клиросу, потом другому, и идти на средину церкви к налою.

6) Канонарху

Канонарх строго должен следить как за собою, так и за ходом Богослужения, и на каждый день должен вперед просматривать в Минеи и Уставе, как будет отправляться Богослужение в следующий день, иногда и за несколько дней, особенно пред великими праздниками. В конце ектении на вечерни канонарх должен стать пред Св. Иконою Спасителя или Божией Матери, смотря по тому, к какому он принадлежит клиросу, и положить три поясных поклона, потом поклониться на клироса и идти за благословением к Настоятелю. Затем стать посреди

* Сие вразумление дано было уставщиком Саровской Пустыни, наместнику Свято-Троицкой Сергиевой Лавры архимандриту Антонию, когда он был послушником в Сарове.

церкви и возгласить глас настоящего пения, без напряжения и кричания, а просто, тем голосом, какой у него есть, только протяжно.

Затем паки поклон ко св. алтарю, и стать на свое место на клиросе.

По окончании же канонаршения или чтения канонов, так же каждый чередной чтец по окончании своего чтения, и после чтения Апостола и паремий, должен положить Богу, как показано раньше, два поклона поясных и третий земной, аще отправляется Октоих; аще же ни, то все три поясных, идти за благословением к Настоятелю, потом опять поклон Богу и братии и стать на свое место.

7) Чтецу Апостола

Чтец Апостола, идя с клироса и на клирос, должен держать книгу на левой руке, несколько прислонив верх ее к груди. Выходя для чтения, чтец апостола становится сперва пред иконою Спасителя или Божией Матери, судя по тому, к какому клиросу он принадлежит, полагает поясной поклон, потом кланяется на клироса, а за сим выходит на средину пред Царские врата и полагает поясной поклон к алтарю. На слова служащего иеромонаха: *мир всем*, чтец воздаст поклон служащему, глаголя: *и духови твоему*, и затем начинает сказывать прокимен. По произнесении заглавия Апостола, когда служащий иеродиакон скажет *вонмем*, чтец опять воздаст поклон служащему иеромонаху и начинает чтение Апостола. По окончании чтения, на слова служащего: *мир ти*, чтец воздаст ему поклон и глаголет вполголоса: *и духови твоему, аллилуиа, аллилуиа, аллилуиа*, идет с середины церкви, становится близ своего клироса перед Св. иконою, вычитывает аллилуиарии, потом творит определенные поклоны и идет за благословением к Настоятелю.

Читая Апостол или паремии, отнюдь не должно непристойно кричать, увлекаясь гнусным тщеславием, напротив, должно читать природным голосом, к тому же благоговейно, внятно, чтобы не оказалось, что мы приносим Богу один плод устен, а плод ума и сердца приносим тщеславию, причем, и плод устен отвергается Богом, как оскверненная жертва.

Это должно помнить и певцам: потому что для всех вообще клиросных крайне опасна страсть тщеславия, за которою входят в душу и другие пороки, особенно гордость, и отступает от человека хранящая его благодать Божия.

Такой же порядок должны соблюдать и те, которым поручено читать поучение или прѣлог, и если чтец малограмотный, то он должен заранее приготовить, просмотреть, чтобы ошибками не прерывать внимания слушающих.

8) Когда снимать камилавки

Камилавки снимаются с головы и становятся на плечо в следующие времена Богослужения. На литургии: при входе с Евангелием, при чтении Евангелия, при великом входе, при словах Христовых; *примите ядите* до *И всех и вся*, включительно; при пении молитвы *Отче наш* и при явлении св. Даров; на вечерне: при входе; на повечерии: при чтении акафиста и молитв после канонов; на утрени: при чтении Евангелия и при пении «*Честнейшую Херувим*»... При чтении Апостола на литургии и паремий на великой вечерне тец снимает камилавку. Канонарх при возглашении прокимна как на утрени, так и на вечерне снимает камилавку, а канонаршит в камилавке, даже во время входа на вечерне: когда канонаршит *и ныне* Богородичен или стихиру великого праздника, предпразднества и попразднества, камилавки он не снимает. Братия снимают камилавки при пении *Отче наш*, пред трапезою и *Достойно есть*, после трапезы. Братия должны как снимать, так и надевать камилавки все в одно время, не предупреждая друг друга.

9) Опрятность

Излишнюю мокроту должно собирать в платок, а не повергать на пол при непристойном шуме. Не должно также кашлять и сморкаться громко. Вообще в церкви Божией должно держать себя скромно, ходить тихо, сохранять всевозможное благоговение и порядок, как для славы Божией, так и для собственной душевной пользы и для пользы зрящих на нас мирян, которые благоговением иноков назидаются, а не благоговением их смущаются, соблазняются, повреждаются. Не должно позволять себе какого бы то ни было самонаименованного нарушения правил благочестия и благоговения; от небрежения к малому и ничтожному легко и скоро переходим к небрежению и о важнейшем*

10) Как входить в алтарь

Брат, которого необходимость заставляет войти в алтарь, или пройти чрез него, обязывается сделать это с величайшим благоговением и страхом Божиим. Войдя в алтарь, положи, обратясь ко святому Престолу, три земных поклона, потом обратясь к жертвеннику один поясной поклон; после этого поклонись служащему иеромонаху, прими от него благословение. Потом принимайся за дело, за которым ты пришел, или послан начальствующими, со страхом Божиим. По исполнении же дела немедленно

* Преп. Аввы Дорофея поучение 3-е о совести.

выходи, предварительно положив поклон Святым Тайнам и Самому Господу в них присутствующему на святом Престоле.

Без надобности же отнюдь ни входить, ни стоять в алтаре, как во святая святых, неосвященным, за исключением пономарей и свечников, не позволяется, по 19 правилу Лаодикийского Собора и по обычаю принятому в строгих монастырях. Во время проскомидии поминать родственников можешь с клироса, или же с того места, на котором ты стоишь. Бог одинаково слышит, где бы ты ни помянул. Бог зрит на сердце, и ему приятнее будет молитва твоя из церкви, когда по причине благоговения к Нему, ты устранишься входа в алтарь, нежели из алтаря, когда ты взошел в него без должного благоговения. Вокруг Престола Божия не должно ходить неосвященным. В крайнем же случае, должно исполнить это с великим страхом Божиим и осторожностью, идя тихо, и как можно в дальнейшем расстоянии от него, осуждая себя как недостойного, говоря: *увя мне грешному и скверному, во осуждение себе дерзнувшему войти во Святая Святых*.

В алтарь же входя, всегда прежде главу открий. Егда же приключится мимо Св. Царских дверей идти, должен поклон поясной соделать**

11) Пономарю

Проходящий послушание пономаря должен быть тщалив в своем деле, ибо оно от Бога и божественно. Блюди освещение храма, как два свои ока: ибо оно пред лицом Бога свершается. Если возжигающий свечи пред царем бывает весь внимание, чтобы угодить пред очами его; не тем ли паче тебе, со страхом и любовью должно совершать возжение лампад Всецарю Богу, от всея твари дориносимому, равно как очищать лампы, исправлять светильни и поддерживать соразмерный свет. И за чистотою церкви смотри, выметай ее по крайней мере два раза в неделю, смахивай пыль и с икон, чтоб не портились, и все прочее держи в порядке и убирай, всячески остерегаясь, как бы чего не повредить церковного. Алтарю служащие, си есть пономари, да с великим страхом и трепетом и всяким благоговением входят в святой Божий алтарь и свое им надлежащее дело творят. Престола же Божественного, потира, дискаса, звезды, лжицы, копия, губы, никакоже прикоснуться дерзнут, да не в грех впадут: но токмо светильников и свеч, кадильницы же и иных меньших священных вещей да касаются, но и то часто должны исповедываться у духовного отца, дабы с чистотою совестью проходить свое служение.

** Из церковных правил.

Пред каждую службу за 5 минут иди за благословением на благовест. Трезвон наблюдай в следующее время: к литургии по прочтении псалмов на шестом часе 3 звона. Если молебен будет до обедни, тогда в конце молебна. К достойно во время пения символа веры 12 раз. К вечерни по прочтении псалмов на 9-м часе 3 звона. На полунощнице по прочтении 17-й кафизмы.

Если полиелей, тогда по прочтении кафизмы на полунощнице 2 звона и пред Евангелем 1 звон. На бдении: в начале 3 звона, к шестопсалмию 2 звона, к Евангелию 1 звон. Если в праздники бывает после обедни благодарственный молебен, тогда нужно во время запричастного поучения ударить в большой колокол 12 раз. По окончании всей службы, проводной звон во вся.

Кадила, лампы, подсвечники и прочую церковную утварь должно содержать в чистоте и опрятности. А когда именно нужно подавать служащим кадила, свечи, синодики, теплоту и прочее, об этом нужно позаботиться и обдумать заранее, чтобы во время Богослужения не происходило замешательства и задержки; для этого пономарю в обязанность вменяется перед большими праздниками дня за два и за три просматривать церковный устав и спрашивать настоятеля, как будет отправляться Богослужение, в какие часы и кто будут служащие.

За точное же и тщательное исполнение сего послушания да ожидает награды от Господа в день воздаяния. Запомни и сие: золу из алтарной горнушки и воду из-под умывальницы не повергай на скаредном месте, но старайся по возможности отнести на такое место, где бы не попирались человеческими ногами.

12) О поклонах

Относительно творимых в церкви поклонов, каждая обитель держится того порядка, который введен был при основании ее. Для руководства укажем здесь на общий пустынный порядок о поклонах.

Когда иеромонах, отправляющий чреду Богослужения, выходит пред царские двери, чтобы благословить чтение девятого часа или полунощницы, или во время проскомидии благословить чтение часов, пред возгласом *Благословен Бог наш*, также диакон когда выходит начать Божественную литургию, перед *благослови владыко*, и на всенощном бдении, при троекратном произнесении иеромонахом *приидите поклонимся*, — как сами служащие, так и вся предстоящая братия в глубоком молчании полагают три поясных поклона. Затем при всех службах, на всяком Трисвятом, на *приидите поклонимся* и на троекратном произнесении *аллилуиа*, полага-

ется три поясных поклона. На *аллилуиа* же среди шестопсалмия, ради глубокой тишины, равно как и в начале утренних двух псалмов на *приидите поклонимся* и на трисвятом, по уставу поклонов не полагается.

На *Сподоби Господи* как на вечерне, так и на утрени, полагается по три поясных поклона.

На возглас: *Яко подобает Тебе всякая слава, честь и поклонение*, всегда полагается один поклон. При пении или чтении стихир, стиховен и других молитвословий, тогда только полагается поклон, когда слова стихир побуждают к поклонению, например: *припадаем, поклонимся, молимтися, кланяемтися*, и т.п. При чтении акафиста на каждый кондак и икос полагается по одному поклону: при троекратном произнесении тринадцатого кондака полагается три поясных, аще же отправляется Октоих, то три земных поклона; в таком же порядке полагаются поклоны на молитвах акафистных и на отпущах. В трапезе после ужина на *Достойно*, на помяннике и на отпущах, так же на утрени во время пения: *Честнейшую* и на отпущах, и в конце Божественной литургии полагаются поклоны, смотря по тому, какое отправляется Богослужение: если с Октоихом, то земные, кроме же Октоиха — поясные. Пред чтением и после чтения Св. Евангелия, во время пения *слава Тебе, Господи, слава Тебе*, как на литургии, на утрени, на молебнах, так и во всякое время, когда только читается Св. Евангелие, всегда полагается по одному поясному поклону. По окончании первой половины Херувимской песни, пред великим входом полагается поясной поклон и наклонение главы: этим самым воздается честь приносимым дарам, но еще неосвященным; по окончании *Яко да царя* на *аллилуиа* полагается один поясной поклон. Во время пения: *Достойно и праведно есть*, три поясных поклона. По возгласе: *примите, ядите: и пийте от нея вси*, когда поют *аминь*, полагается по одному поясному поклону (Арх. чин.).

По окончании *Тебе поем, Достойно есть*, пред *Отче наш* и при появлении Св. Даров, полагается по одному земному поклону; пред возгласом: *Святая святым*, полагается два поясных, третий земной поклон. Все эти поклоны исполняются точно во весь год, кроме двенадцатых праздников, в которые земные поклоны заменяются поясными.

Клиросным, тому только лику позволяется заменять земные поклоны поясными, которому немедленно нужно начинать пение.

По окончании вечерни, во время пения: *Под кров Твой, Владычице*, и по окончании утрени, во время чтения первого часа, вся братия прикладывается ко Св. мощам, части которых

имеются в храме. Прикладываться должно при трех благоговейных поклонах и при сердечной молитве о том, чтобы святые помогли нам, совершив поприще иночества во славу Божию и во спасение души. Два поклона полагаются пред целованием Св. мощей и один после целования; потом поклоняются друг другу и расходятся. Подходить нужно по два, начиная от старших, и кончая младшими. Сей порядок должен сохраняться и на всенощном бдении, когда прикладываются к Св. Евангелию или к иконе праздника, и на литургии, когда приходят за антидором.

13. О причащении Св. Христовых Таин

Простые иноки готовят к св. причащению, исповедываются и причащаются Св. Христовых Таин 6 раз в году; в Великий пост 2 раза, на первой неделе и на Страстной, в Петров пост 1 раз, в Успенский — 1 раз и в Рождественский 2 раза. Схимникам же и желающим по произволению — дозволяется чаще. На святой же горе Афонской монашествующие причащаются каждую неделю, а послушники — через неделю.

Приготавливаясь к сему страшному и святому Таинству, примиришься во всеми, предварительно испроси прощение у тех, с кем было столкновение и искушение*. Приступая же принять Тело Христово, положи земной поклон, и имей руки крестообразно на груди сложенными, по принятии — лобызай край св. потира (чаши), якобы самое прободенное ребро Христово, из которого истекли кровь и вода, и отходи спокойно, не полагая земных поклонов, по примеру мирских людей, которые делают сие по недоразумению. В это время, говорят св. Отцы, человек должен быть весь — внимание, весь — око, чтобы и помысла неподобного не было на душе. Сам Господь да сохранит тебя в сей день от вредящих душе твоей.

XVI. Как держать себя в трапезе

Собравшись идти в трапезу обедать или ужинать, стань в келлии своей пред св. иконами, положи три поклона с молитвою Иисусовою и иди. Если увидишь около трапезы двоих или троих, или множае стоящих и празднословящих, то не осуждай их и не старайся узнать, о чем они разговаривают, но пройди мимо, внимая себе. Пришедши в трапезу, положи три поклона Богу и братьям — направо и налево и сядь на последнее место, ожидая начала трапезования.

* Таковое прощение и примирение должно быть и повседневно после всякого искушения.

Когда садишься за трапезу, наблюдай порядок старшинства, чтоб не сесть впереди старшего, и кто из вас четверых за одной миской постарше, тот пусть отвечает *аминь* подавшему пищу и приправляет по вкусу поданное яствие, но из младших да не дерзнет сие сделать. Ты же, наибольший, внемли, чтобы не пересаливать, да не оскорбиши братию твою, но старайся, чтобы всем было хорошо. Потом перекрестись и начинай есть. Руки во время употребления пищи на стол не клади и не облакачивайся, как делают миряне. «Когда ты сядешь за трапезу, смотри, что заповедываю тебе о Господе, как возлюбленному моему отцу и брату, — говорит преподобный отец наш Симеон Новый Богослов. — Не простирай дерзновенно руки твоей к снедам, предлежащим на трапезе, прежде чем начнут есть старшие из твоих братий. И начав есть с отцами и братьями твоими, внимай себе одному, сидя со всякою скромностию и молчанием, отнюдь ни с кем не говори, но внимая чтению и питаюсь как телом, так и от Богодухновенных слов Св. Духа душею. Не любопытствуй, какая из предложенных тебе на трапезе частей случится больше, или какая меньше, но какую дадут тебе, возьми и ешь со всяким благодарением».

«Сидя за трапезой, — учит преподобный Серафим Саровский, — не смотри и не осуждай, кто сколько ест, но внимай себе, питай душу молитвою** За обедом ешь довольно, за ужином повоздержись». Употребление пищи в трапезе почти до сытости нужно для новоначального по той причине, что он обязан исполнять послушания иногда трудные. Для должного подкрепления сил телесных и для усмирения страстей достаточно трапезной, благословенной монастырской пищи. Страсти умягчаются в новоначальных не от усиленного поста, но от исповедания греховных помыслов, от трудов и от удаления от свободного общения с братьями. Пост полезен будет монаху впоследствии. Если новоначальный не будет употреблять пищи вне трапезы, то таковой пост будет вполне удовлетворительным для него.

Епископ Игнатий Брянчанинов пишет, что если в нынешнее время встретим монаха, который довольствуется только трапезною пищею, то прямо назовем его постником. Вся братия должна употреблять пищу в общей трапезе, а не по келлиям, кроме больных, которым дозволяется употребление пищи в келлии, но не иначе как с дозволения Настоятеля. Старайся быть

** Ах, как просто и свято поучает старец Назарий, игумен Валаамский: «Не выпускай, — говорит он, — из мысла твоей молитвы Господу Иисусу, и смешивай ее языком с пищей», т.е. пищу во устах, молитвою растворенною.

участником общей трапезы, не избегая ее по какой-нибудь маловажной причине, имеющей личину правды: в свое время увидишь особенную душевную пользу от постоянного участия в общей трапезе. Если понадобится что сказать, то говорится весьма тихо и кратко, чтобы не воспрепятствовать слышанию чтения*

Если захочешь воздержаться, а братия станут приглашать тебя к ястию какому или питию, то ты, ничтоже глаголя, поклонися им. Если же и еще станут к чему-нибудь принуждать, то паки, преклоня голову, отвечай кротким и тихим голосом: «Прости мя, довольно уже насытился».

Боже сохрани, как тебя, так и меня и всю о Христе св. братию от роптания на пищу, ибо пагубные примеры роптания на пищу видим мы на древнем Израиле, коих кости падоша в пустыни. (Да едва ли и поропщет тот, кто до обеда ничего не поел). Для вразумления новому Израилю, избранникам Божиим монахам, Господь открыл вред роптания на пищу таковым видением:

Был один старец прозорлив в братии, и видел духом ядущих, сидящих за трапезою, каковы суть: одних — ядущих мед, других — хлеб, а иных — мотылу**. Удивился старец и молился в себе к Богу, глаголя: «Господи, яви мне тайну сию: одинаковая пища предложена всем на трапезе в снесь, и почто изменена суть? Одни едят мед, другие же хлеб, а иные мотылу». И пришел к нему глас свыше, глаголющий: «Ядущие мед, это те, которые со страхом, и трепетом, и радостию духовною сидят на трапезе и непрестанно молятся, и молитва их аки кадило восходит к Богу, поэтому — мед ядят. А ядущие хлеб, — хвалящие вкушение данное им от Бога; ядущие же мотылу, это те, которые ропшут и говорят: это хорошо, а это гнило». Того ради не подобает помышлять этого, но паче воспевати Бога, и славити песнями Его, да и на нас исполнится сказанное: *Аще ясте, аще пиете, аще ли ино что творите, вся во славу Божию творите****. — Вставши из-за трапезы со всем братством, воздав благодарение Богу и, получив отпуст от иеромонаха, спеша молча в келлию свою и, затворив дверь, берись за книгу и почитай немного. Потом можешь лечь отдохнуть, дабы быть готовым на святое послушание.

Так же сделай и после ужина, прочитай немного в книге, потом стань пред святыми иконами, дочитай молитвы, которые положены отходящим ко сну, и огради крестным знамени-

ем, как одр свой, так и всю келлию, читая молитву св. кресту: *Да воскреснет Бог...* Затем перекрестись и с молитвою засни, помышляя день судный, како имаши предстати Богу.

Много спать не полезно, самое лучшее спать умеренно. Преподобный Серафим Саровский советует 5 часов в сутки спать, а слабому силами 6 час.; отделить из этого же количества и на отдых после обеда час или полчаса.

XVII. ТРАПЕЗНОЕ ПОСЛУШАНИЕ

«Если тебе назначено послужить в трапезе, — учит преподобный Симеон Новый Богослов, — то предстань как пред Христом, а не пред человеками, служа всем от чистого расположения и с любовью, как святым или лучше как бы ты должен был послужить, как мы сказали, Самому Христу и Ангелам Его, к каждому из них как бы прилепляясь душою, с усердием и любовью всего себя предавая им, твердо надеясь от служения сего получить плод освящения».

Трапезный (старший) должен наблюдать время, когда ударять в колокол. В пустыни Св. Параклита за 5 минут до 11 часов он должен идти за благословением к Настоятелю, и потом ударять в колокол 12 раз к обеду. К ужину по окончании вечерни, тоже 12 раз. Если ты чередной суточный чтец, то приготовь чтение, чтобы достало на все время трапезования. Если же в праздник, то благословись у уставщика, что читать. Служащие в трапезе должны оканчивать ядение каждой пищи прежде других, для того, чтобы быть готовым на ударение в колоколец воздать поклон Настоятелю*. Ходить должны тихо, не топая ногами; подавая пищу должны сотворить молитву, а от сидящего старшего за чашкой должен последовать ответ: *аминь*.

По окончании трапезы старший трапезарь берет кошницу, салфеткой устлану, и идет к Настоятелю (или к чередному иеромонаху) за благословением на собрание укруп. Положив три поясных поклона (а вместе с ними и чтец, и виновные стоявшие на поклонах), творит молитву: *Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас, Настоятель — аминь*. Трапезарь: *Благослови, отче святой, собрати избытки укруп*. Настоятель кладет оставшийся укруп, благословляя десницею кошницу и глаголет: *Христе Боже, благослови и умножи избытки и укрупы во святой обители сей, и во всем мире Твоем, всегда, ныне и присно, и во веки веков,*

* Церк. уст. Глава 31.

** Скотский сухой навоз.

*** Пролог. 4 августа.

* В других монастырях трапезари обедают за второй трапезой.

— трапезарь: *аминь*, и идет собирать по всей братии, творя молитву. Настоятель же, подавая частицы *пречистой** братству, глаголет: *Во многия молитвы Пречистыя Владычицы нашей Богородицы, и приснодевы Марии. Мы же приемлем с молитвою: Пресвятая Богородице, помогай нам.*

Трапезному должно наблюдать за чистотою посуды, за порядком и чистотою в трапезе.

Прежде трапезы и после оной запрещать у себя в трапезе кому-либо празднословить.

ХVIII. ЧТО ТАКОЕ ЧИН О ПАНАГИИ, И ДЛЯ ЧЕГО СИЕ УСТАНОВЛЕНО

В больших монастырях по окончании обеда совершается чин панагии и возвышают *пречистую*, как показано в Следованной псалтири. В малых пустынных обителях этот чин вполне не совершается, но отлагается, как и в Апостольские времена, укруп хлеба или булка, в честь Божией Матери, которая и хранится на особо установленном месте под покровцем** во все продолжение трапезования. По окончании же обеда Настоятель раздробляет эту часть на мелкие частицы, чтобы достало на всю братию.

Сей святой обряд установлен самими Св. Апостолами. По Воскресении Господнем были все Апостолы вместе, и когда садились обедать, оставляли пустое место, на котором полагали возглавие и на возглавии укруп хлеба, от него же вкушали в честь Христову. И это продолжалось до Успения Пресвятыя Богородицы. По погребении же Божией Матери в 3-й день, когда Св. Апостолы, после вкушения пищи, стали возвышать укруп хлеба, лежащего во имя Христова, то вдруг увидели на воздухе Владычицу мира со множеством Ангелов, Которая и сказала им: «Радуйтесь, яко с вами есмь во вся дни!» Ученики Господни, удивляясь сему чуду, вместо: Господи Иисусе Христе, возопили: «Пресвятая Богородице, помогай нам!»

Сей святой обряд благочестивые иноки в смиренных своих обителях хранят даже до сего дне.

ХIХ. О КЕЛЕЙНОМ ПРЕБЫВАНИИ И БЛАГОПОВЕДЕНИИ ВООБЩЕ

1) Новонаначальному воспрещается принимать в келлию женщин, даже ближайших родственниц***; о принятии родственников и знакомых

* Просфора особо на это уготованная.

** В пустыни Св. Параклита—у креста.

*** В Гэфсиманский скит, в Пустынь Св. Параклита и некоторые другие обители вход женщинам воспрещен даже в ограду обители.

мужеского пола новоначальные обязываются испрашивать на то благословение у Настоятеля.

2) Воспрещается также ходить друг к другу в келлии без всякой надобности и собираться в одну келлию по двое или по трое для чаепития. Во избежание сего каждому послушнику выдается из рухольной: чай, сахар, самовар, чайник и чашка, так что каждый может удовлетворить свои потребности у себя в келлии, без особого развлечения. Безвременное же посещение друга друга служит поводом к празднословию, смехотворству и дерзости, то есть вольному обращению, чем истребляется в сердце новоначального страх Божий и благое произволение к подвижнической жизни. Кольми паче блюстися сего должен еси, брате, после правила вечернего. Св. отцы под епитимиею наказания сие полагают.

3) Если ты будешь помещен в келлию не один, то имей сожителя твоего во всяком благоговении, как служителя Божия, по Писанию: *честию друг друга больша себе творяще*. Не рассказывайте один другому и не вспоминайте про мирскую жизнь, как кто жил в миру, в особенности, если кто жил предосудительно. Таковые рассказы величайший вред приносят подвижающимся.

4) Когда же ты в келлии один, запришь и никого без молитвы не впускай. С молитвою же пришедший брат да творит три поклона к св. иконам, также и ты с ним вместе, потом кланяясь друг другу, пришедый брат приветствует, как при взаимной встрече****

5) Не должно ходить по монастырю с открытою головою и без пояса (ремня), и, соблюдая скромность в походке, не должен махать руками. При взаимной встрече должны друг друга приветствовать поклоном, говоря: «*Спасайся, брате*», а другой отвечает: «*Спаси Господи*». За руку друг друга не брать, по обычаю мирских. К старшим должно оказывать уважение, посему, при встрече с монахом или иеродиаконом, говори: «*Благослови отче*», а тот должен ответить: «*Бог благословит*». К иеромонахам подходи под благословение с благоговением и верою, держа руки сложены крестовидно, и целуя не как простую руку, но как язвы Христовы, потому что, когда он благословляет, то слагает из перстов буквы: *Ис. Хс. и*, считая встречу сию за счастье, иди радуясь.

6) Идущих впереди тебя старших не обгоняй без крайней нужды, а когда тебе велят идти вперед, поклонись, говоря: «*Прости и благослови, отче*», иди вперед на свое дело. Два слова:

**** У многих принято, по учению старца Назария игумена Валаамского, христосоваться в плечи, и говорить: «*Христос посреде нас*», а другой отвечает: «*И есть и будет*».

«прости» да «благослови», украшением служат всякому послушнику.

7) Если встретившийся будет расспрашивать тебя: откуда ты, какой губернии, кто у тебя родные, чем занимался в миру и подобное... ответь ему кратко, что Бог тебе внушит, потом скажи: «Прости, отче, меня звали на послушание».

8) Пришедши на место твоего послушания, положи три поклона Богу с молитвою, дабы Господь помог тебе послужить Ему от всего усердия твоего. Не старайся делать слишком скоро, но чисто, хорошо и прилично, как для Самого Бога и служителей Его. Не смущайся, не удивляйся, если увидишь делающих противное сему, ибо диавол, желая спасительные иноческие занятия сделать трудными и лишить всякой пользы, внушает делать все как можно скорее, не обращая внимания на чистоту и прочность дела, — как говорится: «лишь бы с рук долой», таковой труд действительно всуе.

9) Когда делаешь что за послушание, не слушай помысла говорящего: вот братия собрались на молитву, а ты занимаешься пустяками, — это диавольское внушение; — ты скажи ему: если б я был достоин, то я был бы с ними. — Знай, что если ты за послушание и удален от общего церковного собрания, но будешь делать данное дело с должным вниманием, не леностно и с усердием, как дело Божие, то веруй, что молитва твоя идет в церкви сама собою и даже приятнее Богу тех молитв, которые произносятся в храме с рассеянностью. Истину слов сих доказывает видение, бывшее одному духовному старцу, ибо он видел, как св. Ангел, вышед из алтаря, полагал знамение благодати на тех местах, на коих братия не присутствовали, как сие подробно сказано в книге преп. аввы Дорофея*

10) Взятую где-либо по благословиению вещь или инструмент на временную потребу, по исполнении надобностей, немедля отнести туда, где была взята.

11) Привычку к табаку, горячим напиткам и другим бесполезным прихотям всячески надо оставить.

12) Из монастыря без благословения Настоятеля, духовного отца или своего старца на прогулку не выходи, так же и писем к родным и другим лицам тайно, без благословения их не пиши, да сохранен будешь от тайных ловлений диавольских. Где благословение будет, там и благодать Божия: а где нет благословения, тамо помрачение и всякое нестроение.

13) Чистота и опрятность по келлии заповедуется всем без исключения. Инок тщательно должен заботиться о чистоте своей келлии, о

* Поуч. 11.

сохранении ее от сырости и гнилости, не разводить вредных насекомых, дабы на твою неопрятность не скорбел тот брат, который будет помещен после тебя. Должен заботиться и о том, чтобы вещи в ней находящиеся и те, которые ты получишь из монастырской рухлядной, содержались в сохранности, чтобы они не портились преждевременно по нерадению инок^{**}. Главное, чтобы св. иконы были в приличном убранстве.

14) Священные книги: Св. Евангелие, Апостол, Псалтирь и другие молитвенные книги — благоразумно принято иночеству иметь в особом почете и дают им место где-либо около св. икон. Потому что слово Божие, писанное в сих книгах, также свято и богодухновенно, как и святые иконы.

15) Книги, получаемые для чтения из библиотеки, храни как зеницу ока. Не делай на них своих замечаний, отметок, ни пером, ни карандашом, ни воском. За книгу берись чистыми руками, а не грязными: хорошо делают те, которые умывают руки пред чтением книги, также не должно слюнить персты для перелистывания, но сухими — и за верхний уголок листа. Книгу, взятую для себя, не передавай для чтения другому брату без благословения библиотекаря.

16) Дождавшись праздничного дня, постарайся провести его согласно четвертой заповеди Господней. Дай отдых как телу, так и душе, телу — успокоением, душе — чтением св. книг и молитвою. Не берись за те дела, которые исполнены могут быть и по миновании праздника. Св. Иоанн Лествичник в 4-й степ. ст. 80, пишет: «Блюди опасно, ибо не всегда следует предпочитать внешнее служение молитве». Если же дело твое будет за послушание, дерзай, свято есть. Келлия хоть и пуста, и обыкновенные вещи имеет, но если пребудешь в ней малоисходно, всему она тебя научит, по сказанию св. отцев, и на второй день выйдешь ты на послушание, телом свеж и духом бодр.

XX. КАКИЕ КНИГИ ПОЛЕЗНО ЧИТАТЬ НОВОНАЧАЛЬНОМУ

Во-первых, книги Священного Писания, особенно Нового Завета и Псалтирь. Преподобный Пахомий Великий требовал от братии знать наизусть Евангелие, Апостоли Псалтирь. Вместе с ними начинать и азбуку монашескую, которую составляют превосходные духовно-сладостные и всем доступные писания преподобного Аввы Дорофея, св. Иоанна Лествичника и Феодора

** Св. отцы относят и сие к добродетели, называя хранением совести — к вещам (см. у Аввы Дорофея. Поучение 3).

Студита. За ними Четии-Минеи (Жития Святых*), Ефрема Сирина, Нила Сорского, Варсонофия Великого, Аввы Исаии, Симеона Нового Богослова. На другой, на третий год и дальше, можно читать: *Пролог, Достопамятные сказания и Отечник, Древний Патерик, Лавсаик, Луг Духовный, Жизнь Пустынных Отцев* Пресвитера Руфина, Патерики Русских монастырей. Так же очень полезно читать книги Российских подвижников: Святителя Димитрия Ростовского, Тихона Задонского, наставления монахам преп. Серафима Саровского, житие его и наставления, Паисия Величковского, Назария Валаамского, епископа Игнатия Брянчанинова, епископа Феофана Затворника, наипаче *Невидимая брань и Путь ко спасению*. Полное житие Преподобного Сергия и другие писания подвижников, просиявших в монашестве. Весьма полезная книга под названием *Монашеская жизнь*, составленная Иувеналием, архиепископом Литовским.

Потом уже, как укрепившимся в монашестве, можно читать высшее учение о совершенстве духовной жизни: Петра Дамаскина, Макария Великого, Василия Великого о монашестве, Марка подвижника, Аввы Фалласия, Кассиана Римлянина, *Древние Отеческие уставы*, Максима исповедника, Исаака Сирина, Славянское Добротолюбие, но не все подряд, а по выбору, что попроще. Так же и Добротолюбие, изданное афонцами в русском переводе.

Не забудьте прочесть книгу «Камень веры», много она пользы принесет. Все эти книги монаху читать полезно, а первые, т. е. Священное Писание Нового Завета, и выше названные свято отеческие писания необходимо для пользы души своей. Ими жизнь исправляется, душа от страстей очищается, ум просвещается, и сердце любовью к Богу согревается.

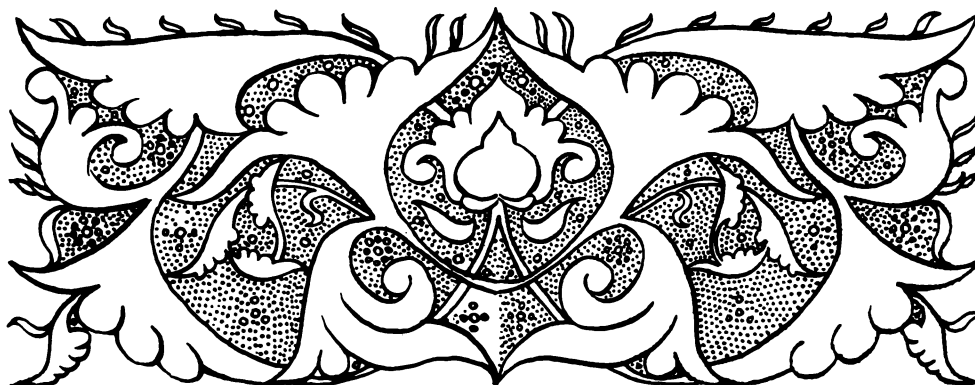
* Сие наипаче полезно новонаначальному; в них он безпременно найдет пример святой жизни, который по возможности, при помощи Божией, может приложить и к своей жизни.

XXI. ПОБЕДНЫЙ ВЕНЕЦ— ПОДВИГАМ КОНЕЦ

Весть бо добродетель честь
даровати стяжавшим ю.

2-й Канон, 17 декабря, песнь 7

Когда Господь поможет доброму послушнику положить начало иноческой жизни по указанным отеческим правилам, то хотя ему и нелегко это достанется, зато как хорошо будет впоследствии! Как легко ему будет приниматься за всякую добродетель! Святую же Церковь и ее Богослужение полюбит, как истинную мать свою, так, что никогда бы с нею не расстался. А что благоговейное наружное поведение необходимо для спасения, это и Св. Отцы утверждают во многих местах своих писаний. Они приводят такое сравнение: как дереву без листьев нельзя произрастить плода, так и монаху, без предварительного внешнего обучения, трудно приобрести духовные познания. Дерево сначала произрастает листве: это и есть скромное внешнее поведение инока. За листвием на дереве появляется цвет: это уже есть духовное иноческое устроение. Потом на дереве образуется плод, который, созревая и наливаясь, приклоняет ветви к земле, и всяк, кто желает, может наслаждаться сладостию его: так точно и инок, когда при помощи Божией преуспеет в духовной жизни, приобретает смирение и обогатится даром рассуждения, которое по изречению Св. Отцев есть царица добродетелей, — то против своего желания будет привлекать к себе сердца людские, и потекут к нему отовсюду люди, жаждущие духовного настроения, желая получить от него пользу душе своей, и не обманутся они в надеждах своих, ибо благодать Божия, обитающая в сердце такого инока, умудрит его, и хотя бы был самый безграмотный простец, его слово будет, по выражению преподобного Исаака Сирина, водою живою, напаяющею сердца, будет золотом чистым, на которое можно стяжать Царство небесное.

Сергей Бехтеев

ПЕСНИ РУССКОЙ СКОРБИ И СЛЕЗ*

С чувством благоговейного
умиления, неизменной
преданности и пламенной
веры в чудесный Промысел
Божий посвящаю мой
скромный труд Пресветлому
Царю Стратотегу
и Его Многострадальной
Августейшей Семье.

Сергей Бехтеев

Королевство С. Х. С.
1922 г. Декабря 6-го дня

Николай II

Так писал я
на третий день
«безкровной» русской
революции

Как женщина, Ему вы изменила,
И как рабы, вы предали Его.

М.Ю. Лермонтов

И казни требовал, над
кем же... над Тобой!
Не так ли пал и Царь
коварной Иудеи,
Мессия истины, народная
мечта,
И Бога своего преступные
евреи
Распяли на доске
поворного Креста.
И Царь был осужден на
пытки рабской казни,
Над Божеством глумился
весь народ,
И люди-изверги убили без
боязни
Того, Кто создал мир,
моря и небосвод.
Но, победив в аду немые
силы гроба,
Воскрес Господь и всем
явился вновь;

В те дни, когда мы все так низко пали,
Везде мне грезится священный Образ
Твой,

С глазами, полными божественной печали,
С лицом, исполненным небесной добротой.
Тебя жалеть я не могу, не смею:
Ты для меня—по-прежнему Велик!
Перед Тобой, мой Царь, я вновь благоговеву,
И больно мне глядеть на твой

Державный Лик.

Слепой народ, обманутый лжецами,
За чистоту души Твоей святой,
Тебя клеймит постыдными словами

* Продолжаем публикацию стихов русского поэта С.С. Бехтеева, начатую в предыдущем, 13-м номере «К Свету» («Патриархи смутных времен»): Бехтеев С.С. Песни русской скорби и слез. Сборник стихотворений. Вып. I. Мюнхен. 1923. 47 с.

Пользуясь случаем, вновь обращаемся к нашим читателям с просьбой: доставить в адрес редакции другие сборники этого выдающегося русского поэта, сведения о его жизни. Напомним, что перед эмиграцией он некоторое время жил в Ельце.—Ред.

Побеждена врагов чудовищная злоба,
И козни зла рассеяла Любовь...
Я верю в день священного возмездья!
Клятвопреступники, вас кара неба ждет!
Вас уличат в предательстве созвездья,
Над вами Солнце правды не взойдет;
И камни возопят от вашего злодейства,
Вас грозно обличит правдивая судьба
За низость ваших чувств, за гнусность
фарисейства,

За клеветы восставшего раба...
Еще недавно так, пред Ним склоняя выи,
Клялися вы Его до гроба защищать
И за Царя-Вождя, Хозяина России,
Вы обещали жизнь безропотно отдать.
И что же! Где слова? Где громкие обеты?
Где клятвы верности, присущие войскам?
Где ваших прадедов священные заветы?
А Он, обманутый, Он твердо верил вам!
Он, ваш исконный Царь, смиреньем
благородный,

В своей душе Он мог ли помышлять,
 Что вы готовитесь изменой всенародной
 России честь навеки запятнать!
 Предатели, рожденные рабами,
 Свобода лживая не даст покоя вам.
 Зальете вы страну кровавыми ручьями,
 И пламя пробежит по вашим городам.
 Не будет мира вам в блудилище разврата,
 Не будет клеветам и зависти конца;
 Восстанет буйный брат на страждущего
 брата,

И меч поднимет сын на старого отца...
 Пройдут века; но подлости народной
 С страниц Истории не вычеркнут года:
 Отказ Царя, прямой и благородный,
 Пощечиной вам будет навсегда!

г. Орел. 1917 г.

Стихотворение «Николай II» впервые было напечатано в 1921 г. Ф.В. Винбергом предисловием к его книге «Крестный путь», а 21 мая 1922 г., без подписи фамилии автора, было напечатано в №321 газеты «Новое Время».

Россия

Была Державная Россия;
 Была великая страна,
 С народом, мощным, как стихия,
 Непобедимым, как волна.

Но, под напором черни дикой,
 Пред ложным призраком «сво-бо-д»,
 Не стало родины великой,
 Распался скованный народ.

В клочки разорвана порфира,
 Растоптан царственный венец,
 И смотрят все державы мира
 О, Русь, на жалкий твой конец!

Когда-то властная Царица,
 Гроза и страх своих врагов—
 Теперь ты жалкая блудница,
 Раба, прислужница рабов!

В убогом рубище, нагая,
 Моля о хлебе пред толпой,
 Стоишь ты, наша Мать родная,
 В углу с протянутой рукой.

И в дни народной деспотии
 В бродяге-нищенке простой
 Никто не узнает России
 И не считается с тобой.

Да будут прокляты потомством
 Сыны, дерзнувшие предать
 С таким преступным вероломством
 Свою безпомощную Мать!

г. Орел. Апрель 1917 г.

Стихотворение «Россия» осенью 1917 г. было послано Их Императорским Величеством в г. Тобольск. В 1919 г. оно было впервые напечатано в газете «Доброволец», выходившей в г. Кисловодске, а позднее было помещено в № 2 газеты «Царь-Колокол» от 31 августа 1920 г., издававшейся в г. Севастополе Н.П. Измайловым.

Свобода

Желанное, светлое слово—«свобода»!
 Прекраснейший лозунг на вид,
 В устах иступленного зверя-народа
 Преступной насмешкой звучит.

Свобода—темница! Свобода—оковы!
 Свобода—законный грабеж!
 Свобода—венец, как и прежде, терновый!
 Какая ужасная ложь!

г. Орел. Апрель 1917 г.

Набат

Мир—хижинам!
 Война—дворянам!

В кровавом зареве закат;
 Клубится черный дым столбом;
 Гудит, ревет, зовет набат
 Народ войной на сень палат
 Железным страшным языком:

Вставай, народ, проснись, народ!
 Ты долго, долго был рабом;
 Возьми топор, иди вперед
 Громить врагов твоих, господ,
 Которых ты кормил горбом.

Клубится дым, гудит набат,
 И стаи хищников-крестьян

*Спешат из грязных, бедных хат
Туда, где копоть, гарь и чад
Слились в таинственный туман.*

*Звенит топор, гудит набат,
И стены рушатся в огонь,
И нет господ, и нет палат...
Лишь галки красные летят,
Да, где-то, ржет забытый конь.*

*А звон зовет, а звон гудит,
Скликают к падали зверей.
И мозг ударами долбит
И вновь скликают и манит
На красный праздник упырей.*

г. Феодосия. 23 сентября 1920 г.

Погром

*Ярко пылают пожарищи!
Кровь опьяняет убийц!
Жгите их, жгите, товарищи,
Наших былых кровопийц!
Жгите дома их проклятые,
Жгите усадьбы подряд;
Пусть душегубцы треклятые
С ними навеки сгорят.
Сила столкнулася с силами;
Вышла, знать, наша пора!
Ну-т-ка! пырьйте их вилами,
Бей обухом топора.
Стелется по небу зарево,
Ширится, пышет, растет;
Страшное, грозное марево
Призраком красным встает.
Слышатся вопли далекие,
Рев и бляенье скота,
Плач и мольбы одинокие,
Про-сь-бы во имя Христа...
Ярко пылают пожарищи!
Кровь опьяняет убийц!
Жгите их, жгите, товарищи,
Наших былых кровопийц!..*

г. Орел. 1917 г.

Великий Хам

*Он идет, великий Хам,
Многорукий, многоногий,*

*Многоглазый, но без-богий,
Беззаконный, чуждый нам.*

*Слышим, слышим—это он
С грубой наглостью смеется;
Это он галдит, плюется
И смердит со всех сторон.*

*Посмотри—он на глазах
Топчет розы, рушит зданья,
Вековые изваянья
Повергая дерзко в прах.*

*Видишь—он уж здесь и там,
Возле нас и вместе с нами;
Мы стоим пред ним рабами,
Шепчем: «Сжалься, грозный Хам».*

*«Шапки к черту предо мной!
Я пришел, стихийно-дикий!
Я—ваш царь, я—Хам великий,
Вам ниспосланный судьбой.*

*В красной пляске круговой
Храмы я, смеясь, разрушу;
Выву сердце, вывучу душу
У живущих головой.*

*Я заставлю пред собой
Колебаться в страхе троны;
Я к ногам своим короны
Брошу с дьявольской хулой.*

*Позабудьте навсегда
Знанья, роскошь и искусства:
Я вам дам иные чувства,
Чувства, чуждые стыда.*

*Так иди ж на общий пир,
Зверь стобрюхий, многоликий;
Я—ваш царь, я—Хам великий;
Я сотру культурный мир!..*

г. Орел. Март 1917 г.

Конь красный

*Как зверь из клетки вековой,
Народ наш выпущен на волю*

И, словно дикий конь по полю,
Летит, подхлеснутый молвой.

Неукротим безумный бег
Коня строптивого, лихого:
На нем нет всадника бывшего,
С ним разделявшего ночлег.

Пылает взор его огнем;
Он рвется в даль, неукротимый;
Ему в степи необозримой
Конец и гибель—нипочем.

Топча серебряный ковыль,
Преграды грудью расшибая,
Он скачет, яростно вадымая
Клубами вьющуюся пыль.

Почуя вольности дурман,
Исполнен силы и отваги,
Через пни, болота и овраги
Он мчит, как грозный ураган.

Надулись ноздри; гневный рот
Оделся пеной белоснежной;
Не удержат уздой железной
Его неистовый полет.

Кто, страх понятный прочь гоня,
Безумца воли обуздает,
Кто, для спасенья, оседлает
Осатаневшего коня?

г. Орел. Весна 1917 г.

Земля и воля

Тяжелое время всеобщей разрухи,
Как туча, нависло в стране;
И образ ужасный кровавой старухи
Повсюду мерещится мне.
Костлявая тень, с сатанинской улыбкой,
По градам и весям ползет
И, нагло глумясь над народной ошибкой,
К свободе проклятой зовет:
«Вставай, поднимайся, рабочая сила!
Кинжалы и косы востри:
Я долго боролась; но я победила,
И пали в России Цари!

Проснись, раскачайся, народ сиволапый—
Я черный вам дам передел:
Удвойте, утройте мужичьи нахрапы,
Делите господский надел.
Не бойтесь возмездья, не бойтесь
расплаты,

Спешите за мной, удалцы!
Мозолистой дланью громите палаты,
Сжигайте дома и дворцы»...
Пылает кровавое зарево неба,
Пылают усадьбы подряд,
Пылают адоны свезенного хлеба—
И красные галки летят.
Ликует и пляшет с народом старуха
Под грозный, погромный набат;
Мила ей всеобщая наша разруха,
Наш общий, смертельный разлад.
Гремят и несутся хулы и проклятья;
Чернь празднует вольную новь,
И в пьяном неистовстве режутся братья,
И льется крестьянская кровь!

г. Орел. Декабрь 1917 г.

Конец русской былины

То не ветер в поле стонет,
То не вьюга горько плачет:
То народ себя хоронит.
Горе пляшет, горе скачет.

В грустном гуле перезвонов
В даль несутся панихиды
Безконечных русских стонов,
Полных скорби и обиды.

Пала старшая Держава!
Пал Орел мечты славянской!
Пали наша честь и слава—
Вера Церкви Христианской.

Плещут стаи волн Босфора;
Блещет месяц на Софии;
Но в Стамбуле дверь собора
Вновь закрыта для России.

В грязь затоптан бархат стягов;
В поле сечи—смокли тризны;

*И... опять мы ждем варягов
Для измученной отчизны.*

г. Елец. Ноябрь 1917 г.

Стихотворение «Конец русской былины» было впервые напечатано в Пасхальном номере газеты «Доброволец», издававшейся в 1919 г. в г. Кисловодске.

Умирающая

*Аще не умрет,
не оживет!*

*Умирает отчизна моя:
Нет спасенья; ужасен недуг,
Злую радость в душе затая,
Смотрят недруги злобно вокруг.*

*Расплелась золотая коса;
Распаялся алмазный венец;
От страданий угасла краса;
С плеч свалился державный багрец.*

*Изможденное тело в крови;
И, в безпамятстве бредя войной,
Умирает она без любви,
Без приюта, без ласки родной.*

*Скоро, скоро умолкнет она,
И погаснет улыбка очей
Для последнего, вечного сна,
Без желаний, без слез, без речей.*

*Умирает отчизна моя:
Нет спасенья; смертелен недуг.
Злую радость в душе затая,
Смотрят недруги злобно вокруг.*

г. Елец. Декабрь 1917 г.

Звонарь

*Грозно удары гудят и гудят,
Колокол плачет и стонет;
Пьяный народ под зловецкий набат
Совесть навеки хоронит.*

*Держит веревье страшный звонарь
С млобой и яростью пьяной;*

*В зареве красном зловонная гарь
Носится в дымке туманной.*

*Громко скликает гудящая медь
Чернь на кровавое вече:
Рвется на волю двуногий медведь,
Падая кубарем с печи.*

*Рушатся кровли церковей и палат,
Падают в парке березы;
Эхом звериным далеко звучат
Вопли, хулы и угрозы.*

*Челядь под крики и звон топоров
Празднует праздник свободы;
С песнями пляшут у ярких костров
Диких людей хороводы.*

*Льется сивуха; ликует разврат;
Боги летят с пьедесталов;
Зычно скликает погромный набат
К падали красных шакалов.*

*Шапка упала к ногам звонаря;
Ждать, мол, осталось немного:
Выкинул он из России Царя,
Выкинет кстати и Бога.*

*Грозно удары гудят и гудят,
Колокол плачет и стонет;
Пьяный народ под зловецкий набат
Совесть навеки хоронит!*

г. Елец. Ноябрь 1917 г.

Русь горит!..

*Русь горит! Пылают зданья,
Гибнут храмы и дворцы,
Книги, мебель, изваянья,
Утварь, живопись, ларцы.*

*Гибнет долгих лет нажиток,
Плод тяжелого труда,
Недостаток и избыток,
Накопившийся года.*

*Злобный гений торжествует
Праздник крови и огня;*

Он, смеясь, на пламя дует,
Волны красные гоня.

И клубясь и извиваясь,
Пляшут пляску языки,
К небу с свистом поднимаясь,
Гневны, грозны и дики.

Русь горит!.. И безвозвратно
Гибнут перлы красоты.
Так сбываются превратно
Вольнодумные мечты!

г. Кисловодск. 1917 г.

Молитва

*Посвящается Их Императорским
Высочествам Великим Княжнам
Ольге Николаевне
и Татьяне Николаевне*

Пошли нам, Господи, терпенье,
В годину буйных, мрачных дней,
Сносить народное гоненье
И пытки наших палачей.

Дай крепость нам, о Боже правый,
Злодейства ближнего прощать
И крест тяжелый и кровавый
С Твоею кротостью встречать.

И в дни мятежного волнения,
Когда ограбят нас враги,
Терпеть позор и униженья,
Христос, Спаситель, помоги!

Владыка мира, Бог вселенной!
Благослови молитвой нас
И дай покой душе смиренной,
В невыносимый, смертный час...

И, у преддверия могилы,
Вдохни в уста Твоих рабов
Нечеловеческие силы
Молиться кротко за врагов!

г. Елец. Октябрь 1917 г.

Стихотворение «Молитва» было послано в октябре
месяце 1917 г. через графиню А. В. Гендрикову Их
Императорским Высочествам в г. Тобольск.

Верноподанным

*Посвящается дорогим сестрам моим
Е.С. и Н.С. Бехтеевым*

Не унывай, не падай духом:
Господь рассеет царство тьмы,
И вновь прилежным, чутким слухом
Наш русский гимн услышим мы.

И снова наш Отец Державный
На прародительский Свой трон
Взойдет, как встарь, Самодержавный,
Сынов сзывая на поклон.

И в жалком рубище, нагая,
К стопам великого Царя
Падет в слезах страна родная,
Стыдом раскаянья горя!

И скажет Царь, в уста лобзая
Свою предательницу-дочь:
«Я все простил тебе, родная,
И Сам пришел тебе помочь.

Не плачь, забудь былые ковы;
С тобой я буду до конца
Нести твой крест, твои оковы
И скорьбь тернового венца!»

г. Елец. Октябрь 1917 г.

Стихотворение «Верноподанным» и следующее за
ним «Боже, Царя сохрани» были напечатаны осенью
1917 г. полковником П.С. Толстым и раздавались
населению г. Одессы; позднее оба эти стихотворения
были доставлены Его Императорскому Величеству в г.
Тобольск.

Боже, Царя сохрани

Боже, Царя сохрани
В ссылке, в изгнаны, вдали,
Боже, продли Его дни,
Боже, продли!

Дай Ему силы сносить
Холод и голод тюрьмы;
Дай Ему власть победить
Полчища тьмы!

Да не утратит Он Сам
Веру в мятежный народ;
Да воссияет Он сам
В мраке невзгод.

Боже, спаси, сохрани
Мать и невинных Детей!
Дай Им счастливые дни
В царстве цепей!

Пусть пред иконой Твоей,
Тихой, вечерней порой,
В блеске лампадных огней,
Вкусят страдальцы покой.

Белый, великий наш Царь,
Сирый народ не оставь;
Снова Россией, как встарь,
С славою правь.

Гнусность измены прости
Темной, преступной стране;
Буйную Русь возврати
К милой родной старине...

Крестное знамя твоя,
Молит истерзанный край:
«Боже, отдай нам Царя,
Боже, отдай!»

г. Кисловодск. 1917 г.

Стихотворение «Боже, Царя сохрани» доставлено
Его Императорскому Величеству в г. Тобольск
осенью 1917 г.

Святая ночь

«Слава в вышних Богу
и на земли мир,
во человецех благоволение!»

Лк. 2. 14.

Ночь и мороз на дворе;
Ярко созвездья горят;
В зимнем седом серебре
Молча деревья стоят.
Дивен их снежный убор:

Искр переливчатый рой
Радует трепетный взор
Дивной стоцветной игрой.
Блещут в Тобольске огни,
В мраке сверкая, дрожат;
Здесь в заточеньи Они
Скорбью Монаршей скорбят.
Здесь, далеко от людей,
Лживых и рабских сердец,
В страхе за милых Детей,
Спит их Державный Отец.
Искрятся звезды, горя,
К окнам изгнанников льнут,
Смотрят на ложе Царя,
Смотрят и тихо поют:
«Спи, Страстотерпец Святой,
С кротким Семейством Своим;
Ярким венцом над Тобой
Мы величаво горим.
Спи, покоряясь судьбе,
Царь побежденной страны;
Ночь да откроет Тебе
Вещие, светлые сны.
Спи без тревог на челе
В тихую ночь Рождества:
Мы возвещаем земле
Дни Твоего торжества.
Свечичи ангельских слез
Льются, о правде скорбя;
Кроткий Младенец Христос
Сам охраняет Тебя!»

г. Орел, гост. «Белград». 24 декабря
1917 г.

У креста

Шумит народ тупой и дикий.
Бунтует чернь. Как в оны дни,
Несутся яростные крики:
«Распни Его, Пилат, распни!
Распни за то, что Он смиренный,
За то, что кроток лик Его.
За то, что в благости презренной
Он не обидел никого.
Взгляни—Ему ли править нами,
Ему ли, жалкому, карать!
Ему ли кроткими устами
Своим рабам повелевать!

Безсилен Он пред общей ложью,
 Пред злобой, близкой нам всегда,
 И ни за что к Его подножью
 Мы не склонимся никогда!»
 И зло свершилось! Им в угоду
 Пилат оправдан и омыт,
 И на посмешище народу
 Царь оклеветан... и... убит!

Нависла мгла. Клубятся тени.
 Молчат державные уста.
 Склонись, Россия, на колени
 К подножью Царского Креста!

Королевство С. Х. С. 1921 г.

Венценосец

Посвящается дорогой сестре моей
 З.С. Толстой

Он мне грезится всюду, венчаный
 Изгнанник,
 Осененный терновым венцом,
 Неповинный Страдалец, небесный
 Избранник,
 С величавым и кротким лицом.

Изнывает ли сердце под гнетом
 страданий;

Грудь ли жметя от думы больной;
 И в юдоли скорбей, и в борьбе испытаний,
 Он везде и всегда предо мной.

И мне чудится—слышу я голос любимый,
 Слышу милую, нежную речь;
 И, тоскуя в изгнаныи, всем миром гонимый,
 Я спешу свое горе пресечь.

И слагаются накрест усталые руки,
 Замолкает мой ропот пустой;
 И встают предо мной Его горькие муки,
 Его крест, Его подвиг святой.

О, мой Царь; униженный злодеям в угоду,
 Всеми преданный в годы войны,
 Ты погиб за любовь к дорогому народу,
 За величье и славу страны.

О, гляди на меня всеблагими очами,
 Будь всегда и повсюду со мной,
 Пробуждая в душе неземными речами
 Веру в правду и подвиг земной.

Королевство С. Х. С. 1922 г.

Цареубийцы

После прочтения книги Петра Жильяра

Кровь Его на нас
 и на детях наших!

Мф. 27. 25

Был темен, мрачен бор сосновый;
 Трещал костер; огонь пылал,
 И в мраке свет его багровый
 Злодеев лица озарял.
 В зловещем сумраке тумана,
 От мира спящего вдали,
 Рабы насилья и обмана
 Тела истерзанные жгли.
 Вперялись в тьму злодеев очи:
 В немом предчувствии беды,
 Спешил убийца в мраке ночи
 Стереть кровавые следы.
 Не дрогнула рука злодея,
 Не возмутился он душой,
 И пали в славу иудея
 Отец и Отрок дорогой.
 Во всей Руси благословенной
 Не отыскалось никого,
 Чтоб удержать удар презренный,
 В тот миг направленный в Него.
 И умер Он, как был, великий,
 Державно кроткий, всеблагой,
 Перед глазами банды дикой,
 Кипевшей мстью и враждой.
 Пучина гнусных злодеяний
 Была безсильна осквернить
 Минуты царственных страданий
 И слез, которых не забыть.
 Одни с молитвами своими,
 С великой правдой на челе,
 Они ушли от нас святыми,
 Как жили с нами на земле.

Пройдут века, ночные тени
Разгонит светлая заря,
И мы склонимся на колени
К ногам Державного Царя.
Забудет Русь свои печали,
Кровавых распрей времена;
Но сохранят веков скрижали
Святых Страдальцев Имена.
На месте том, где люди злые
Сжигали Тех, Кто святы нам,
Поднимет главы золотые
Победоносный Божий Храм.
И, Русь с небес благословляя,
Восстанет Образ неземной
Царя-Страдальца Николая
С Его замученной Семейей.

Новый Футог. Бачка. Апрель 1921 г.

Святая Русь

Где ты кроткая, православная,
Наша матушка Русь широкая,
Меж сестер славян сестра главная,
Светлокудрая, синеокая?
У тебя ли нет голубых морей,
Вековых лесов, поднебесных гор,
У тебя ли нет тучных нив-степей,
Городов и сел, веселящих взор?
Что ж стоишь в углу, пригорюнилась,
В жалком рубище, Русь державная,
Бровью черною принахмурилась,
Обнищавшая и безславная?
Нет парчи цветной на твоих плечах,
Нет венца Царей на твоём челе,
Грусть-тоска глядят у тебя в очах,
Сор-бурьян порос на твоей земле.
И вещает Русь, Русь убогая:
«Люди добрые, чужестранные,
Велика моя скорбь, и много я
Претерпела мук в дни желанные!
Изменила я Царю-Батюшке,
На гульбу пошла, врагом званная,
Я поверила воле-татюшке,
Продалась жида, окаянная!
Обобрал меня душегубец-враг,
Истерзал мое тело белое,
Опоганил он мой родной очаг,
Загубил мое войско смелое.

Смолкла песня моя, песня вольная,
В дни кровавые, непогожие;
Не зовет молва колокольная
Люд молитвенный в Церкви Божии.
Вы скажите мне, где идти искать
Отца родного, Царя русского.
Исстрадалась я во крови плясать
Под приказ-указ жида прусского.
И когда б Господь умудрил меня
Отыскать мое Солнце Красное,
Я б пошла к Нему, чрез моря огня,
Чтоб узреть Его лицо ясное.
И упала б я у Царя в ногах,
Перед Ним склоняясь сирым колосом.
И с святой мольбой и слезой в очах
Говорила б я горьким голосом:
«Прости, Батюшка, прости родненький,
Дочь распутную, дочь разгульную,
За вину мою, грех мой подленький,
Да за речь мою богохульную.
В мятежах-боях я измаялась,
Наказал Господь меня, пленницу,
Во грехах своих я покаялась,
Прости, Батюшка, дочь-изменницу!»

Станция Джанкой. 1 сентября 1920 г.

Царским орлам

Спите, родные герои
Славных, великих боев!
К вам в гробовые покои
Доступа нет для врагов.
Полные грозной отваги,
В сечах кровавой войны,
Долгу священной присяги
Все вы остались верны.
Вы от врагов не бежали,
Не торговались в бою;
Вы продавать не дерзали
Матерь—отчизну свою.
В муках вы молча сносили
Холод, и голод, и зной;
Родине честно служили
Вы небывалой войной.
Вас не пытали шпионы,
Тесно смыкаясь в кольцо;
С вас не срывали погоны,
Вам не плевали в лицо.

Чернь не глумилась над вами,
 Вам не грозили бичи,
 Тела не рвали штыками
 Наши рабы—палачи...
 Спите в далекой чужбине,
 Смелые братья-борцы;
 Лавры победные ныне
 Вам суждены, храбрецы!
 Ваши заветы святые
 С вами навек не умрут;
 Ваши дела боевые
 Новых бойцов соберут.
 Вновь разовьются знамена,
 Смоется плесень обид,
 Снова заблещут погоны,
 Царственный гимн загремит.
 Дружной семьей соберутся
 Новые стаи Орлов,
 К грозной борьбе встrepенутся
 В гуле победных громов.
 Спите, герои-солдаты,
 Спи, богатырь-офицер;
 Русскому войску богатый
 Вы показали пример!
 Вас не осудит кто-либо,
 Враг вас добром помянет.
 Скажет вам: «Братцы, спасибо»,—
 Русский прозревший народ.
 Спите в таинственных сенях
 Сном горделивым Орлов;
 Честная Русь на коленях
 Плачет у ваших гробов...

г. Кисловодск. 1917 г.

Евангелист

Посвящается Петру Жильяру

Како не обретошася возвращеши дати
 славу Богу, токмо иноплеменник сей!

Лк. 17. 18

Свидетель русского позора,
 Венчаных Мучеников друг,
 Не побоялся ты укора
 Синедрионских наглых слуг!
 Не утрашился злобы дикой
 Людей, погрязших в клеветах,

И вышел с истиной великой,
 С священной правдой на устах.
 И благовещеньем звучали
 Слова прямой души твоей,
 И мы в слезах тебе внимали
 На перепутье черных дней.
 Для нас, томящихся в неволе,
 Под гнетом горькой нищеты,
 Вставали в новом ореоле
 Страдальцев Царственных черты.
 И мы внимали с болью сердца,
 Стыдом раскаянья горя,
 Повествованьям иноверца
 О крестном подвиге Царя.

Новый Футог. Бачка. 1921 г.

Царевич Алексей

В дни нашей скорби безнадежной,
 В дни общей слабости людской,
 Твой Образ девственный и нежный
 Влечет нас прелестью былой;
 Влечет лучистыми глазами,
 С их неподдельной добротой;
 Влечет небесными чертами,
 Влечет нездешней красотой.
 И забываются ошибки
 И скорбь, терзающая нас,
 При виде царственной улыбки
 Твоих невинных, детских глаз.
 И сердцу кажутся ничтожны
 Все наши праздные мечты,
 И страх корыстный и тревожный,
 И голос мелкой нищеты.
 И в эти сладкие мгновенья,
 Пред обновленную душу,
 Встает, как светлое виденье,
 Твой Образ чистый и святой.

Новый Футог. 1922 г.

Мученики

Ave, Caesar Imperator,
 morituri te salutant!

Песнь гладиаторов

Они идут! Радайтесь, расступитесь,
 Снимите шапки, бросьте враждовать!

Благоговейте, кайтесь и молитесь!
Они идут за Правду умирать.

Из катакомб, из тюрем и подземелий,
В кровавый цирк их гонит красный Рим,
На мрачный пир немых, могильных келлий,
Где уж никто не будет страшен им.

Глумясь над истиной поруганного Неба,
Безумствует вокруг звериная толпа,
Нахально требуя позорища и хлеба,
Коварно-мстительна, злорадна и слепа.

Они идут—гонимые, больные,
Покорные веленьям палачей,
Пред Богом и людьми подвижники святые,
Немые жертвы дьявольских мечей.

Ликует Рим еврейского Нерона;
Живые факелы безропотно горят.
И льется кровь, и на ступенях трона
Победу празднует обожествленный ад...

Умолк топор! Ползут ночные тени;
Кровавый цирк одел седой туман.
Их больше нет! Склонитесь на колени
У праха новых христиан!

Новый Футог. 10 июля 1921 г.

Виденье ДИВЕЕВСКОЙ СТАРИЦЫ Зима лихолетия 1917 года

Зимняя ночь и трескучий мороз на дворе;
Ели и сосны безмолвно стоят в серебре.
Тихо, безлюдно, ни звука не слышно кругом;
Бор вековой позабылся таинственным сном.
В сизом тумане над белой поляной одна
Робко, как призрак, скользит золтая луна;
Блещет огнями на рыхлых алмазных снегах,
Ярко играя на скитских червонных крестах.
Мирно обитель в сугробах навеянных спит;
Только вдали огонек одинокий блестит.
В келье сосновой, окутанной трепетной
мглой,
Жарко лампада горит пред Иконой Святой.

Пламя, мерцающая, то гаснет, то, вспыхнув,
дрожит;

Старица Ксения на Образ с любовью
глядит.

Катятся слезы из стареньких, слепеньких
глаз;

Шепчут уста: «О, Господь, заступись
Ты за нас!

Гибнет Россия; крамола по царству
растет;

Мучит нечистый простой православный
народ.

Кровь обагрила родные леса и поля;
Плачет и стонет кормилица наша земля.

Сжался, Спаситель, над темной,
безумной страной:

Души смири, распаленные долгой войной.
Русь Православная гибнет, на радость

врагам;

Сжался, Господь, не карай нас по нашим
грехам.

Боже великий, создавший и твердь и моря,
К нам снизойди и верни нам родного

Царя!..

Зимняя ночь и трескучий мороз на дворе;
Ели и сосны безмолвно стоят в серебре.

Тихо, безлюдно, ни звука не слышно

кругом;

Бор вековой позабылся таинственным

сном.

Жарко лампада горит пред Иконой

Святой;

Старица смотрит—и видит Христа пред
собой:

Скорбные очи с любовью глядят на нее,
Словно хотят успокоить, утешить ее,

Нежно сказать: «Не печалься, убогая

дщерь,

Духом не падай, надейся, молись и верь».

Робко лампада, мерцающая во мраке, горит;

Старица скорбно во мглу, в безнадежность,
глядит.

Смотрит—и видит, молитву честную

творя,

Рядом с Христом—Самого Страстотерпца

Царя.

Лик Его скорбен; печаль на державном
Лице;
Вместо короны стоит Он в терновом
венце;
Капли кровавые тихо спадают с чела;
Дума глубокая в складках бровей залегла.
Смотрит отшельница, смотрит, и
чудится ей—
В Облик единый сливаются в бездне теней
Образ Господень и Образ Страдальца-
Царя...
Молится Ксения, смиренною верой горя:
«Боже великий, единый, безгрешный,
святой,
Сущность виденья рабе безталанной
открой;
Ум просветли, чтоб могла я душою понять
Воли Твоей недоступную мне благодать!»...
Зимняя ночь и трескучий мороз на дворе;
Ели и сосны безмолвно стоят в серебре.
Тихо, безлюдно, ни звука не слышно кругом;
Бор вековой позабылся таинственным сном.
Жарко лампада пред образом Спаса горит;
Старица Ксения во мглу, в безпредель-
ность, глядит.
Видит она—лучезарный, нездешний чертог;
В храмине стол установлен, стоит
поперек:
Яства и чаши для званных рядами стоят;
Вместе с Иисусом Двенадцать за брашной
сидят,
И за столом, ближе всех одесную Его,
Видит она Николая, Царя своего.
Кроток и светел Его торжествующий Лик,
Будто Он счастье желанное сердцем
постиг,
Будто открылись Его светозарным очам
Тайны, незримые нашим греховным глазам.
Блещет в алмазах Его драгоценный венец;
С плеч ниспадает порфиры червленый
багрец;
Светел, как солнце, державный, ликующий
взор;
Ясен, безбрежен, как неба лазурный
простор.
Падают слезы из стареньких, слепеньких
глаз:

«Батюшка, Царь, помолись Ты, кормилец,
за нас!»
Шепчет старушка, и тихо разверзались
уста;
Слышится слово, Заветное слово Христа:
«Дщерь, не печалься; Царя твоего
возлюбя,
Первым поставлю Я в Царстве Святых
у Себя!»
Зимняя ночь и трескучий мороз на дворе;
Ели и сосны безмолвно стоят в серебре.
Тихо, безлюдно, ни звука не слышно
кругом;
Бор вековой позабылся таинственным
сном.

Старый Футог. 25 ноября 1922 г.

Примечание. Описанное мною выше видение Дивеевской старицы было мне передано моим родственником Арцыбушевым в г. Ельце в декабре 1917 г., куда он приехал прямо из Сарова, где он служил 6 декабря молебен о здравии Государя Императора и где он лично виделся и говорил с старицей.

Немногим

Блаженн изгнани правды ради:
яко тех есть Царстве небесное.

Мф 5. 10.

Блажен, кто в дни борьбы мятежной,
В дни общей мерзости людской,
Остался с чистой, белоснежной,
Неопороченной душой.
Блажен, кто в годы преступлений,
Храня священный идеал,
От повседневных искушений
Умом и сердцем устоял.
Блажен, кто, вписывая повесть
В скрижали четкие веков,
Сберег, как девственница, совесть
И веру дедов-стариков.
Блажен, кто Родину не предал,
Кто на Царя не восставал,
Кто чащу мук и слез изведal,
Но малодушно не роптал.

Старый Футог. Май 1921 г.

Кресты*

Они горят! Горят над куполами,
 В шатре лазоревом ликующих небес,
 Глася торжественно победными лучами
 О дивной явности божественных чудес.
 В години мук и горьких испытаний,
 Разбитых чаяний, желаний и надежд,
 Они зажглись над омутом страданий
 Для нищих верою, безумцев и невежд.
 Они зажглись для сырых и гонимых,
 Измученных кровавою борьбой,
 Для всех больных, голодных, нелюдимых,
 Раздавленных злорадною судьбой.
 И пусть хулят их наглыми устами
 Враги заклятые духовной красоты;
 Они горят, горят над куполами,
 Далекие, чудесные кресты!..

Новый Футог. 1922 г.

Я твердо верю

Я твердо верю—день настанет,
 Пройдет пора кровавых смут,
 И перед нами в вечность канет
 Слепой и дикий самосуд.

Я твердо верю—близко время,
 Когда обманутый народ
 Страхнет мучительное бремя
 Всех преступлений и невзгод.

Я твердо верю—Русь Святая,
 Как феникс, встанет из огня,
 И вновь воскреснет жизнь былая,
 В лучах блистательного дня.

Новый Футог. 1922 г.

Колокол

Колокол грянул, и медные звуки,
 Полные скорби, рыданий и муки,
 Льются в кровавую даль,
 В даль, где пылает отчизна святая,
 В даль, где под игом, от края до края,
 Стонут нужда и печаль.
 Зычно рыдает металл благородный,

* Чудо с обновлением крестов на храмах г. Ростова.

Честь пробуждая в стихи народной
 Песней призывной своей.
 Слышишь ли, Русь, эти вещие звоны,
 Эти предсмертные русские стоны,
 Вопли казнимых людей?
 Встань! Поднимись, величаво и грозно,
 Сбрось с себя цепи, покуда не поздно,
 Двери острогов открой.
 И, обновленная в муках неволи,
 Выйди навстечу сознательной воли,
 С чистой, воскресшей душой.

Королевство С.Х.С. Апрель 1921 г.

Утро России

Довольно насмешек, довольно обид,
 Предательской лжи и обмана!
 Проснись, всенародный, запятнанный стыд!
 Пусть Божия правда опять озарит
 Потемки земного тумана!

Крамольная сила, рассейся, уйди!
 Смирись, окаянное племя!
 Надежда проснулась в усталой груди,
 И очи мои лицезрят впереди
 Грядущее, светлое время.

Безумство уляжется, горе пройдет,
 Рассеются скорби и муки,
 И, вновь возрожденный, счастливый народ,
 Увидев желанного Солнца восход,
 Протянет к Нему свои руки.

И вновь над Россией заблещет заря,
 И снова народ богомольный,
 Любовью священной к отчизне горя,
 Падет на колени при въезде Царя
 Под радостный звон колокольный.

Тогда, о, тогда мне не жаль умереть;
 Жила бы лишь правда в народе;
 На песни мои вам оков не надеть:
 Я буду и мертвый восторженно петь
 О Боге, Царе и свободе!...

г. Кисловодск. 1918 г.

Стихотворение «Утро России» впервые напечатано в № 3 газеты «Царь-Колокол» от 15 сентября 1920 г. в г. Севастополе.

Двуглавый Орел

*Посвящается Его Императорскому
Высочеству Великому Князю
Николаю Николаевичу*

На бой последний, бой кровавый,
За честь и счастье всех племен,
Зовет бойцов Орел Двуглавый
Под сени царственных знамен.

Туда, где годы рушат веки,
Где бродит смерть среди степей,
Где льются огненные реки
В кровавом скрежете цепей.

Все ближе, ближе день великий!
И, под немолчный звон церквей,
В священный гимн сольются клики
Поднявших меч богатырей.

Воспрянь, ликуй, душа героя!
Прошла пора скорбей и зол.
Тебя зовет на праздник боя
Наш Старый, Царственный Орел.

Вперед! Победными стопами,
Молитву жаркую творя,
Вперед с заветными словами—
«За Русь, за Веру, за Царя!»

Воспрянь, народная стихия,
Проснись, угасший дух веков,
Стряхни, свободная Россия,
Вериги каторжных оков!

Сердца и мысли окрыляя,
Нас поведет в последний бой,
Очами грозными сверкая,
Герой с увенчанной главой.

И не сдержат волны народной
Ее испуганным врагам:
Россия будет вновь свободной,
И мир падет к ее ногам.

Уж близок день, не за горами
Давно желанная пора;

И грозно грянет над войсками
Родное, русское «ура»!..

Новый Футог. 1922 г.

Стихотворение «Двуглавый Орел» послано Его Императорскому Высочеству 28 июля 1922 года.

Пойдем за Ним!

Посвящается Ф.В. Винбергу

Он нас зовет к воздвижению Престола,
Как Минин звал великих предков встарь.
Он нам гласит: «Изжила срок крамола,
И жив с Семей Пресветлый Государь.
Ко мне, орлы! Ко мне, бойцы Царевы!
Да будет мне ниспослано судьбой
Сорвать с рабов кровавые оковы,
Для блага родины пожертвовать собой».
Так нам звучит в изгнании голос милый,
Суля мечтам желанный, светлый миг;
А вокруг шипят метущиеся силы,
Куя звено предательских интриг.
Забыв конец заученной былины,
Вожди слепцов, создав из граждан рать,
Коварным лозунгом «партийной
дисциплины»

Наш честный долг стремятся обуздать.
Но пусть предательство готовят вновь
Иуды,

Играя нагло чувством дорогим;
Забудем ссоры, толки, пересуды,
Он нас зовет—пойдем скорей за Ним.
Пойдем вперед, заслушав голос Царский:
Он нас зовет на нивы русских сеч;
И—верим мы—Маститый Князь
Пожарский,
Смягчась душой, возьмет державный меч.

Старый Футог. 3 ноября 1922 г.

К рыцарям без страха и упрека!

Mon Dieu, mon Roi, ma dame!

Наш девиз

Бьет наш последний, Двенадцатый час!
Слышите голос, сзывающий нас,
Голос забытый, но голос родной,

Близкий, знакомый и нам дорогой.
 Слышите вы этот властный призыв
 Слиться в единый, могучий порыв,
 В грозную тучу крылатых орлов,
 Страшных для наших исконных врагов.
 Рыцари чести и долга, вперед!
 Гибнет отечество, гибнет народ,
 Стонет под гнетом родная земля,
 Стонут и плачут леса и поля!
 Время не терпит, страданье не ждет,
 Вождь Венуеносный вас громко зовет
 В даль роковую, кровавую даль,
 Где притаилась людская печаль...
 Ваденьте кольчуги, возьмите булат,
 Крест начертите на золоте лат.
 К битве священной готовясь скорей,
 Смело седлайте ретивых коней!
 Время не терпит, страданье не ждет;
 Гибнет отечество, гибнет народ,
 Гибнут святыни родных очагов
 В яростном стане кровавых врагов.
 Рыцари чести и долга—вперед!
 Голос Державный нас снова зовет

В грозный, великий Крестовый поход.
 Рыцари чести и долга—вперед!

Королевство С.Х.С. Бачка. Август 1922 г.

Он жив!

*Посвящается любящим,
 верящим и надеющимся*

Не верьте голосу молвы разноречивой,
 Коварной лжи исчадья сатаны.
 Он жив! Он жив, наш Царь
 Благочестивый,
 Державный Вождь поруганной страны!

Пред Ним бессильны ярость и угрозы:
 Владыка смерти, жизни и судьбы
 На небе зрит земные наши слезы
 И слышит жаркие народные мольбы.

Так верьте ж все в премудрость
 Провиденья:

Господь хранит невидимо Его.
 Оставьте мрачные и горькие сомненья:
 Он жив! Он жив! Молитесь за Него!

Новый Футог. 1922 г.

ИЗДАЕТСЯ С ЯНВАРЯ 1993 г.

БЕЛЫЙ БЕРКАНЪ СЪ МЪ. ВОТЪМЪ НЕ ПРЕБЪДЕТЬ (ЮАН. 12. 46)

КЪ СВЪТУ

Газета воскрешает традицию дореволюционных православных изданий душеполезного семейного чтения.

Каждый выпуск нашего иллюстрированного издания—и это его главная особенность—посвящен целиком одной определенной теме.

Уже вышли номера газеты, рассказывающие:

о преподобном Иосифе Волоцком;
о брани с бесовством и сатанизмом в современном мире. (Номер включает первую публикацию одной из работ иеромонаха Серафима (Роуза, †1982);

о духовном писателе С.А. Нилусе. (В выпуске малодоступные современному читателю его произведения и воспоминания о нем);

о великопостных поучениях о. Сергия Мечева († 1941);

о Псково-Печерском монастыре;
о Святой Руси (выражении в обыденной жизни народно-православного идеала);

о житии и трудах святителя Игнатия (Брянчанинова);

о Русской Православной Церкви при Патриархе Сергии;

Приобретая номер, каждый становится обладателем восьмистраничной книжки с Акафистом празднику или святому (обычно малодоступным).

В очередных номерах вы прочтете:

о старце Алексии Зосимовском;
о современном православном монархическом сознании;

о символике православных храмов;

о православном мыслителе К.Н. Леонтьеве (1831-1891).

НОВИНКИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «РОДНИК»

В серии «Царский архив» вышли:

«Воспоминания»

князя Н.Д. Жевахова

—товарища последнего в Российской Империи обер-прокурора Св. Синода.

Отпечатанные на жалкие эмигрантские гроши в Мюнхене и Новом Саде (Югославия) в количестве *нескольких сот* экземпляров, эти уникальные мемуары правдиво описывают (в первом томе) жизнь Царской Семьи и её окружения в 1915-1917 гг. Во втором томе, давая картину последних месяцев существования киевских обитателей, мемуарист безстрашно раскрывает подлинную мистическую подоплеку красного террора, проводя читателя через застенки большевицкой инквизиции.

«С Царем и без Царя»

—воспоминания последнего дворцового коменданта

В.Н. Воейкова,

отпечатанные в Гельсингфорсе (Хельсинки) тиражом всего в *1 тыс. экземпляров*.

Готовятся к изданию:

«Православный Царь-мученик»

игумена Серафима (Путятина),

сопровождавшего в годы гражданской войны мощи св. мученицы Российской Вел. Кн. Елисаветы в Святую Землю и там почившего

Книга издавалась лишь однажды: в Пекине в 1920 году.

Оптово-розничная торговля
книгами и альманахом "К Свету"
издательства "Родник"
по САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ И ЛАДОЖСКОЙ
ЕПАРХИИ

осуществляется по адресу:

г. Санкт-Петербург
Обводной канал 17
тел. (812) 274 04 12

